

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

Том 5. № 1. 2006

S O C I O L O G I C A L
R E V I E W

Государственный университет – Высшая школа экономики

Центр фундаментальной социологии

Социологическое обозрение

ISSN 1728-192X (Print)

ISSN 1728-1938 (Online)

Том 5. № 1. 2006

Интернет-версия журнала на сайтах www.sociologica.net
www.sociologica.ru

Главный редактор – Александр Фридрихович Филиппов
Ответственный секретарь – Марина Геннадиевна Пугачева
Редактор сайта – Сергей Петрович Еремин
Литературный редактор – Каринэ Акоповна Щадилова

Адрес редакции: mail@sociologica.net

Номер выходит в рамках Инновационной образовательной программы ГУ-ВШЭ

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	5
ПЕРЕВОДЫ	
Университетская библиотека Александра Погорельского	6
Роберт Парк Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок	11
Роберт Парк Характеристики секты	19
Виктор Вахштайн Джон Ло: социология между семиотикой и топологией	24
Джон Ло Объекты и пространства	30
Харви Сакс Социологическое описание	43
РЕФЕРАТЫ	
Джованни Арриги Пространственное и иное «закрепление» исторического капитализма	54
Уильям Томпсон Комплексность, сокращение предельных отдач и периодическая фрагментация Месопотамии	58
Роберт Байл Соотношение между деградацией социального мира и окружающей среды в эволюции международной политэкономии	63
РЕЦЕНЗИИ	
Виктор Вахштайн Социология повседневности: от «практики» к «фрейму» Ирвинг Гофман. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2003	69

ОБЗОРЫ

Наиль Фархатдинов, Никита Харламов

«Создавая Мыслящие Миры»

Международная конференция по философии, политике и эстетической теории. Москва, 17-18 ноября 2006 г. 76

СТАТЬИ И ЭССЕ

Ирина Савельева и Андрей Полетаев

Ценности и установки в массовых представлениях американцев 82

Алексей Гусев

Андеркласс и маргинальность: сравнительный анализ

современных теорий и Чикагской концепции 102

IN MEMORIAM

Вспоминая Юрия Александровича Леваду

«Научная жизнь – была семинарская жизнь» интервью 24.06.1995 года 114

«Дело Левады» – документы из личных и государственных архивов 121

ОТ РЕДАКТОРА

Новая жизнь «Социологического обозрения»

Дорогие читатели, авторы и просто сочувствующие! У нас большая радость: «Социологическое обозрение» вновь начинает выходить регулярно. Несколько лет наш проект, поддержанный в первые годы Национальным фондом подготовки кадров и Московской Высшей школой социальных и экономических наук, продолжал движение словно по инерции. Мы надеялись, что еще не все возможности исчерпаны, и журнал не отойдет в историю по причине столь обычного в таких случаях недостатка средств. Наши надежды исполнились. В состав учредителей журнала вошел Государственный университет – Высшая школа экономики. В рамках большого проекта – Инновационной образовательной программы – поддержан и наш журнал. Начиная со следующего года мы постараемся раз в четыре месяца предлагать вашему вниманию новый номер. Предыдущие номера будут, конечно, по-прежнему доступны, но мы исполнили и свое намерение дать журналу бумажную форму: уже подписан в печать и скоро выйдет в свет в Санкт-Петербурге большой том – альманах наших публикаций за прошедшие годы.

Так начинается наша новая жизнь. Мы не отказываемся от основных направлений и принципов нашей работы, но кое-что новое, конечно, будет непременно. Мы постараемся разнообразить наши публикации, больше места давать работам, которые не обязательно в строгом смысле слова принадлежат социологии, но находятся на стыке разных дисциплин. Мы намерены больше внимания уделять теоретическим работам наших российских коллег, не сосредоточиваясь в столь значительной мере на трансляции западных идей и текстов, как это было в начале нашей деятельности. Мы серьезно рассчитываем на расширение состава наших авторов и рады любым интересным предложениям.

Следите за обновлениями!

Александр Филиппов

ПЕРЕВОДЫ

Виктор Вахитайн

Университетская библиотека Александра Погорельского

Разговоры о состоянии и перспективах гуманитарного образования в России все чаще принимают эсхатологическую окраску¹. «Конец гуманитарности» кажется неотвратимым – крайний утилитаризм современной вузовской системы не оставляет места подлинно универсальной классической образованности, а значит, и безнадежно «неактуальному» гуманитарному знанию. На фоне пессимистических прогнозов явное оскудение некогда бурного потока издаваемой литературы по социальным и гуманитарным наукам выглядит весьма симптоматичным. Еще более симптоматичным представляется «закат фондов» – прекращение поддержки западными финансовыми структурами масштабных переводческих проектов (и плавное сворачивание деятельности самих этих структур).

Впрочем, героический пессимизм и эсхатологическая риторика прогнозов покажутся несколько менее убедительными, если отвлечься от мрачных предчувствий и присмотреться к современному рынку интеллектуальной литературы. Рынок этот живет не в логике «закатов» и «сумерек», а, скорее, в динамике «приливов» и «отливов». Волна всего изданного в 90-е годы прокатилась по гуманитарному ландшафту страны, запечатлев портрет эпохи на песке библиотек, прошла сквозь учебные планы, выбросив на берег университетских программ тексты заново открытых классиков, и... откатилась. Что из принесенного ею – бесценные сокровища мысли, а что – пена, мусор и обломки давно затонувших теорий, станет понятно через пять-десять лет. Пока ясно одно: волна эта откатилась, десятилетие стихийного просвещения закончилось, и сегодняшним издательским проектам приходится искать новые «формы жизни» в ареале гуманитарной мысли.

На первый взгляд, книжная серия «Университетская библиотека Александра Погорельского» (выпускаемая издательским домом «Территория будущего») лишь продолжает просветительскую традицию 90-х: тезисы, лежащие в основании ее концепции, мало чем отличаются от тезисов, скажем, широко известного «Translation Project» фонда Сороса. Сформулированная руководителем проекта «Университетская библиотека» Александром Погорельским задача *«издать на русском языке произведения отечественной и зарубежной гуманитарной мысли, необходимые для университетского образования и академической научной работы, а также бесплатно разослать все изданные книги по библиотекам России»* отсылает к просветительским проектам времен «издательского бума». В них всегда был заложен некий обязательный минимум гуманитарной образованности – перевод бесспорных классиков и возвращение к жизни несправедливо забытых, но столь же бесспорно значимых отечественных мыслителей.

Представление об универсальной ценности издаваемой литературы («Про Парка можешь ты не знать, но Парсонса прочесть обязан...») задает ориентацию на предельно широкую целевую аудиторию: *«...вошедшие в серию книги адресованы студентам, преподавателям вузов, аспирантам, научным работникам, политикам, общественным деятелям»*. Складывается впечатление, что отечественный издательский дом просто

---

¹ См. Негуманитарная эпоха. Интервью с А. Ивановым // Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений / Под ред. В. Куренного. М.: Наследие Евразии, 2006; Гуманитарное образование: порча изнутри. Интервью с А. Россиусом // Русский журнал, 12.02.2005; Покровский Н.Е. Гуманистичность в облатках // Русский журнал, 20.04.2006.

принимает эстафету у сошедших с дистанции западных фондов в деле просвещения российской публики.

Однако впечатление это ошибочно. «Университетская библиотека Александра Погорельского» – проект, далекий от издательских идеалов 90-х. Никакой ориентации на «образовательный минимум», никакого дидактично-назидательного воспроизводства бесспорного «канона», представляющего интерес в равной мере и для аспирантов, и для общественных деятелей, и для представителей политической элиты. (Как раз в переводах подобных работ недостатка в последние десять-пятнадцать лет не было – издавались они огромными тиражами и распространялись повсеместно; вспомним карманные издания Ницше и Фрейда.) Трудно представить себе общественного деятеля, зачитывающегося «Избранными сочинениями» Франца Brentano. Или депутата, листающего в перерыве между парламентскими заседаниями тексты Вернера Зомбарта. Да и «Философия денег» Георга Зиммеля – книга не для широкой аудитории: чтобы разобраться в зиммелевских философских мотивах осмысления современности, нужно находиться в контексте современной ему интеллектуальной дискуссии и ориентироваться в более ранних его социологических работах.

Книги серии «Университетская библиотека» ценны именно сочетанием эксклюзивности и фундаментальности. Это высококачественная и не предназначенная для широкого потребления интеллектуальная продукция. Изданные тексты перекликаются друг с другом, в совокупности образуя довольно внятное языковое пространство, но пространство это укромно, оно пока не является «общим местом», пунктом «обязательного прохождения». Поэтому книги серии не восполняют пробелы, оставленные волной прежних многочисленных публикаций по гуманитарной тематике, они, скорее, призваны реорганизовать этот массив, задать новые стандарты качества и новые каноны аргументации в дискурсе гуманитарных наук. Действительно ли создатели серии планировали такую «игру на повышение» или искренне рассчитывали продолжить традицию издавать лишь самое необходимое, бесспорно классичное и очевидно востребованное, уже не столь важно. Изданные книги говорят сами за себя.

Идея издания «Университетской библиотеки» – серии работ по социальным и гуманитарным наукам, наиболее полно воплощающих «дух университетского знания» – принадлежит Валерию Анашвили, который в середине 90-х годов обратился с таким предложением в российское представительство фонда Дж. Сороса. Тогда же, благодаря поддержке и участию Ирины Савельевой, эта программа была запущена, став первым в истории фонда издательским проектом, инициированным в самой стране реализации. Однако «издательский бум» уже заканчивался, просветительская волна неумолимо отступала, и проект вскоре прекратил свое существование. Новая его жизнь связана с именем руководителя издательского дома «Территория будущего» А. Погорельского.

Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского» запущена в 2005 году и рассчитана на десять лет. Это масштабный проект, унаследовавший, в частности, проекты закрывшегося в прошлом году издательства «Дом интеллектуальной книги» (В. Анашвили). В серии предусмотрено четыре магистральных направления: «Философия», «Социология. Политология», «История. Культурология» и «Экономика». Уже в первый год реализации программы были опубликованы «Анализ ощущений» Э. Маха, «Избранные сочинения» Э. Гуссерля (куда вошли «Идеи к чистой феноменологии», «Интенциональные предметы», «Парижские доклады», «Амстердамские доклады» и некоторые другие тексты), «Избранные работы» Л. Витгенштейна («Логико-философский трактат», «Коричневая книга», Биографический очерк). В социологической серии – «Социология революций» П. Сорокина, в исторической – «Обзор истории русского права» М. Владимирского-Буданова. Серия «Экономика» была представлена «Избранными сочинениями» В. Зомбарта и работой К. Менгера «Основания политической экономии».

В том же 2005 году был издан двухтомник избранных статей журнала «Логос» (1991-2005 гг.) и репринт Международного ежегодника по философии культуры «Логос» (1910-

1914, 1925), тт. 1-9 (плюс один том дополнительных материалов: библиография, история проекта, рецензии 1910-1914 гг.). Это первое полное переиздание журнала, выходившего в дореволюционный период под редакцией Ф. Степуна, И. Гессена, Б. Яковенко. В «Логосе» тогда печатались наиболее известные философы и мыслители Европы начала XX века.

В 2006 году программа стала заметно масштабнее. Была переиздана «Философия в систематическом изложении» (1909 г.) – работы В. Дильтея, А. Рилья, В. Оствальда, В. Вундта, Г. Эббингауза, Р. Эйкена, Ф. Паульсена, В. Мюнха, Т. Липпса. Публикуются избранные тексты Франца Brentano и Пауля Наторпа, «Что зовется мышлением?» М. Хайдеггера и «Избранные работы» М. Каринского. Готовится к выходу книга «Венский кружок и журнал “Erkenntnis”». На социологическом и политологическом направлении – «Философия денег» Г. Зиммеля, «Город как социологическая лаборатория» Р. Парка, «Миротемный анализ: Введение» И. Валлерстайна, «Национализм» К. Калхуна, «Долгий двадцатый век» Дж. Арриги, сборник «Социология вещей» (переводы работ Б. Латура, Дж. Ло, К. Кнорр-Цетины, Р. Харре, И. Копытоффа) а также избранные произведения К. Шмитта. В серии «История. Культурология» опубликованы книга В. Лейбина «Постклассический психоанализ» (энциклопедия в двух томах), «Анналы» (избранное в двух томах), книги А. Кизеветтера «Исторические очерки», В. Вальденберга «Древнерусские учения о пределах царской власти», А. Лаппо-Данилевского «Методология истории. Теория исторического знания».

Все эти работы либо уже опубликованы, либо выйдут в свет до конца года. Авторы проекта зарегистрировали домен www.universbook.ru, где в скором времени читатели смогут ознакомиться и с книгами, и с рецензиями на них. Изданные работы уже сейчас бесплатно распространяются в России и СНГ, четыреста экземпляров каждой книги рассылаются по университетским и научным библиотекам.

По каким критериям отбираются тексты? Издаются а) книги русских ученых дореволюционного периода, б) работы европейских и американских авторов XIX – начала XX века, плохо известные отечественному читателю, но заметные в пространстве современной интеллектуальной дискуссии, в) популярные и актуальные в настоящий момент теоретические исследования. В качестве консультантов и кураторов направлений выступают известные в своих областях российские (А. Филиппов, В. Куренной) и западные ученые (профессора американских и швейцарских университетов).

Основной массив изданных работ трудно причислить к «обязательной программе» и «азам гуманитарного знания». Это книги, будоражащие воображение именно своей неоднозначностью. Интерес к ним вызван либо прорывным характером текстов, находящихся сейчас на острие интеллектуальной дискуссии (Дж. Арриги, К. Калхун, Б. Латур), либо их пограничным положением в корпусе гуманитарной классики (К. Шмитт, В. Зомбарт, Р. Парк). И в том, и в другом случае речь идет о работах весьма далеких от канонизации.

Например, Вернер Зомбарт – и социолог, и историк, и экономист, но это отнюдь не означает, что он является бесспорным авторитетом во всех трех дисциплинах. Скорее, его работы остаются вызовом для каждой из них, и в этом причина неослабевающего к ним интереса. Наиболее полная статья, посвященная его творчеству, называется «Почему Вернер Зомбарт не принадлежит к числу классиков социологии?»², в «Университетской библиотеке» он издан в серии «Экономика», а автор предисловия к его «Избранным работам» А.М. Руткевич справедливо замечает, что «...он был в первую очередь историком»³.

Говоря о «*другой классике*», классике признанной, но незнакомой, нельзя не упомянуть Роберта Парка, сборник работ которого также выйдет в серии «Университетская

² Grundmann R., Stehr N. Why is Werner Sombart not a part of the core of classical sociology? L.: Sage, 2001. Vol. 1 (2).

³ Руткевич А.М. Предисловие // Вернер Зомбарт Избранные работы. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. С. 7.

библиотека» в ближайшее время. Парк – один из отцов-основателей Чикагской школы, стоявший у истоков формирования американской социологии. Тонкий наблюдатель и исследователь социальной жизни, он вряд ли может считаться создателем классической «большой теории». Тем не менее работы Парка послужили импульсом к развитию социологии города, социальной экологии, исследований расовых отношений, социализации, проблем маргинальности. Исследовательская практика занимала его больше, чем теоретизирование. Однако имена эмпириков-первопроходцев говорят современному читателю меньше, чем имена теоретиков-классиков. Неслучайно выхода в свет сборника работ Роберта Парка «Город как социальная лаборатория» с нетерпением ожидают и практикующие исследователи-урбанисты, и аспиранты-социологи, чьи представления о Чикагской школе социологии все еще смутны и размыты.

В числе современных авторов, работы которых готовятся к публикации в серии «Университетская библиотека», помимо легендарных фигур (И. Валлерстайн) и признанных творцов дискурса (Дж. Арриги) также находятся откровенно «неудобные» теоретики (Б. Латур). Это ощущение «неудобства» усиливается из-за сочетания под одной обложкой канонических и дискуссионных текстов. Например, в сборнике «Социология вещей» классические эссе Георга Зиммеля – «Ручка вазы» и «Рама картины» – соседствуют с работами представителей современной социальной антропологии (И. Копытофф), социологии повседневности (И. Гофман), социологии знания (К. Кнорр-Цетина), истории права (У. Питц) и социологии техники (Б. Латур, Дж. Ло). Каждое имя здесь маркирует особый «конечный словарь», обладающий собственной метафорикой и логикой концептуализации материальной вещи средствами социологического воображения, но эти словари с трудом допускают прямой «перевод». Напряжение заложено в самой концепции сборника. С одной стороны, составители стремились проследить историю концептуализации материального объекта в социальном теоретизировании, отобрав принципиально разнородные способы представления материальности; с другой – отразить современные дискуссии и новые исследовательские подходы, появление которых стимулировало рост интереса к проблематике вещи.

«Университетская библиотека» – серия, направленная на стимулирование современной интеллектуальной дискуссии, поддержание стандартов производства гуманитарного знания. От просветительских проектов прежних лет ее отличают именно неоднозначность и неконвенциональность публикуемых текстов, расшатывающих самоочевидность уже устоявшегося канона. Чем менее каноничны издаваемые в серии «Университетская библиотека» книги, тем больший интерес читающей публики они вызывают. Этот интерес подстегивают не бесспорные и всеми признанные работы, цементирующие существующий канон социально-гуманитарной мысли, а, напротив, неоднозначные и крайне неудобные тексты классических и современных авторов. Предназначение таких текстов – развитие академического воображения, повышение чувствительности к тонким различиям (сенсибилизация гуманитарных дисциплин), обозначение пределов традиционных способов представления мира, экспликация аксиом и превращение их в проблемы. Книги, изданные в «Университетской библиотеке», это, скорее, тексты «фронттира», а не «мэйнстрима». Может быть, поэтому выходящие в свет работы Г. Зиммеля, В. Зомбарта, К. Шмита, Р. Парка (ряд может быть продолжен) довольно плохо сочетаются с просветительской риторикой – они оставляют гораздо больше вопросов, чем ответов и плохо подходят для целей ликвидации гуманитарной безграмотности.

Издательский бум и стихийное просвещение 90-х установили довольно жесткую границу между «необходимой» и «второстепенной» литературой, высвечивая одни имена и затемняя другие. Свет прожектора не оставляет полутеней – все, что не попадает в освещенный круг, выпадает из поля зрения. Поэтому в повседневном обиходе отечественных социальных и гуманитарных наук имя Э. Гуссерля, например, репрезентирует всю феноменологию как таковую, сама феноменология представляется монолитным концептуальным сооружением, а знания о феноменологическом интеллектуальном движении

– именно как о движении, в котором сосуществуют и противоборствуют различные течения – остаются обрывочными. Чтобы расшатать очевидность канона нужно вернуть в «живое настоящее» гуманитарной дискуссии работы забытых философов-феноменологов – предшественников, соратников, оппонентов и учеников Гуссерля. (Кстати, в первом томе сборника статей журнала «Логос» издан исключительно значимый в этом отношении доклад Адольфа Райнаха «О феноменологии» – по сути, теоретическая программа малоизвестного в России направления «реалистической феноменологии». Другой ценный текст – «Эстетика» Теодора Липпса, лидера Мюнхенской школы феноменологии, входит в сборник «Философия в систематическом изложении».) Такое обращение к менее «каноничным» авторам может показаться неоправданным, но только если придерживаться просветительской максимы: «учить азам».

Проблематизация канона – не самоцель. Обращение к авторам забытым, провокативным, неоднозначным нужно не для того, чтобы придать универсальную ценность работам, которые пока такой ценностью не обладают. Речь идет не о «борьбе за канон» и не о капитализации неких символических ресурсов. Скорее, задача в обогащении языка гуманитарной дискуссии. В конечном итоге, каждый серьезный гуманитарный текст – это ресурс воображения и представления мира. Ресурсы, ставшие доступными благодаря серии издательского дома «Территория будущего», безусловно, заслуживают использования.

Роберт Э.Парк

Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок*

Около тридцати лет назад профессор Эугениус Варминг из Копенгагена опубликовал небольшую книжку «Растительные сообщества» (Plantensamfund). Варминг привлек внимание к тому, что разные виды растений образуют постоянные группы, которые он назвал сообществами. Оказалось, что растительные сообщества проявляют много черт, роднящих их с живыми организмами. Они складываются постепенно, проходят в своем развитии через определенные стадии и наконец разрушаются, уступая место другим сообществам, отличным от них. Эти наблюдения явились отправной точкой для целого ряда исследований, которые социологи именуют экологией человека.

Постольку экология пытается описать действительное распределение растений и животных на земной поверхности, то в некотором смысле она является географической наукой. Однако экология человека не тождественна географии. Не отдельный человек, а сообщество; не связь человека с землей, на которой он обитает, а его связь с другими людьми — вот что нас больше всего интересует.

В пределах каждого естественного ареала распределение популяции имеет тенденцию принимать определенные и типичные конфигурации. Каждая локальная группа представляет более или менее определенную констелляцию индивидуальных единиц, ее образующих. Форма, которую эта констелляция принимает, или, иначе говоря, положение каждого индивида в сообществе по отношению к любому другому индивиду, образует то, что Дюркгейм и его последователи называют морфологическим аспектом общества¹.

Экология человека, как ее понимают социологи, стремится вынести на передний план не столько географию, сколько пространство. В обществе мы живем не только вместе, но в то же время по отдельности, и человеческие отношения всегда можно рассчитать с большей или меньшей точностью в терминах дистанции. Поскольку социальная структура может быть определена через позиции, социальные изменения можно описать в терминах движения; и общество в одном из своих аспектов проявляет такие свойства, которые можно измерить и описать в математических формулах.

Локальные сообщества можно сравнивать с точки зрения ареалов, которые они занимают, и с точки зрения относительной плотности населения в этих ареалах. Однако сообщества не являются простыми скоплениями населения. Города, особенно крупные, где отбор и сегрегация населения зашли наиболее далеко, проявляют ряд морфологических свойств, не встречающихся в меньших по размеру популяционных агрегатах.

При прочих равных условиях в более крупном сообществе разделение труда будет более широким. Проведенное несколько лет назад исследование имен выдающихся людей, включенных в справочник *Who's Who*, показало, что в одном крупном городе (Чикаго), помимо приведенных в каталоге переписи 509 родов занятий, еще 116 классифицировались как профессии. Число профессий, требующих специальной и научной подготовки для

---

* Park R. E. The Urban Community as a Spatial Pattern and a Moral Order // Park R. E. Human Communities. The City and Human Ecology. Glencoe, Ill.: The Free Press, 1952. P. 165-177.

© Николаев Владимир, 2006.

© Центр фундаментальной социологии, 2006.

¹ Географов, вероятно, мало интересует социальная морфология как таковая. В свою очередь, социологов она очень интересует. Географы, как и историки, традиционно интересовались больше действительным, чем типическим. Где вещи действительно располагаются? Что действительно произошло? Вот вопросы, на которые пытались ответить география и история. См. «Введение в географическую историю» Люсьена Февра.

практической работы, есть показатель и критерий интеллектуальной жизни сообщества, которая измеряется не только общим уровнем познаний среднего гражданина и даже не только средним для сообщества коэффициентом интеллекта, но и степенью, в какой для решения проблем сообщества в таких сферах, как здравоохранение, промышленность и социальный контроль, применялись рациональные методы.

Одна из причин, почему города всегда были центром интеллектуальной жизни, состоит в том, что они фактически навязали индивидуализацию и диверсификацию задач. Только когда каждый индивид оказывается вынужденным сосредоточивать свое внимание на какой-либо узкой области общего человеческого опыта, только когда он приучается прилагать свои усилия на каком-то небольшом сегменте общей задачи, только тогда может поддерживаться та широчайшая кооперация, которую требует цивилизация.

В интересном докладе, прочитанном в 1922 г. в Вашингтоне на заседании Американского социологического общества, профессор Берджесс коротко описал процессы, сопровождающие рост городов. Обычно рост городов связывался с расширением территории и увеличением численности населения. Сам город отождествлялся с административной территориальной единицей, населенным пунктом; но город, который нас интересует, — это не официальная административная единица. Скорее, это продукт естественных сил, расширяющий свои границы более или менее независимо от тех пределов, которые навязываются ему политическими и административными задачами. Сейчас это общепризнанный факт, и в любом основательном исследовании города, рассматривается ли он как экономическая или как социальная единица, считается необходимым ориентироваться на естественные, а не официальные, городские границы. Так, в исследованиях, проводимых городскими планировщиками под руководством Russell Sage Foundation, Нью-Йорк-Сити включает территорию размером 5500 кв. миль; сюда входят около сотни меньших административных единиц, городов и деревень с совокупным населением 9 млн. человек.

Мы думали, что рост городов происходит за счет простой агрегации. Однако увеличение численности населения в любой точке городского ареала неизбежно отражается и ощущается в каждой другой части города. Степень такого отражения во многом зависит от характера местной транспортной системы. Расширение транспортной системы и умножение транспортных средств, связывающих окраины города с центром, обычно приводят к росту масштаба и частоты перемещений людей в центральный деловой район. Это усиливает скученность населения в центре и увеличивает высоту офисных зданий и цены на землю, на которой они стоят. Влияние цен на землю в деловом центре расходится концентрическими кругами из этой точки во все части города. Если цены на землю в центре стремительно растут, увеличивается диаметр непосредственно прилегающей к нему территории, которая удерживается для спекулятивных целей. Недвижимость, удерживаемая с целью спекуляции, обычно доводится до обветшания и становится трущобой; иначе говоря, превращается в район случайного и непостоянного населения, в зону грязи и запущенности, «благотворительных миссий и потерянных душ». Такие запущенные и иногда полностью заброшенные районы оказываются местами первого поселения иммигрантов. Здесь располагаются гетто и иногда богемные кварталы, «гринвичские деревни», где художники и радикалы ищут прибежища от фундаментализма и ротарианской буржуазности^{**}, да и

---

^{**} Ротарианцы – члены ротари-клубов, основная идея которых, по мысли основателя ротарианского движения – юриста Пола П. Хэриса, заключалась в том, чтобы в клубе могли собираться представители различных сфер бизнеса, знакомиться, обмениваться своими проблемами, опытом, связями, организовывать новые предприятия (что-то вроде «бизнес-джемсейшн»), но – главное – чувствовать солидарность и поддержку «людей дела». Первый клуб был создан 23 февраля 1905 года в Чикаго. Место собраний клуба подлежало ротации – они проводились поочередно в офисе каждого члена клуба, – отсюда и название, эмблема клуба – колесо. По мере увеличения числа членов клуба, его собрания стали проводиться в отелях и ресторанах (где и сегодня собираются ротарианцы). Вскоре изменились и цели клубной организации – «служение более бедным и менее удачливым» и благотворительность стали во главу угла («Service Above Self» – современный девиз клуба). Ротарианское движение вскоре распространилось на всю страну, и в 1910 году была уже создана Национальная ассоциация ротарианских клубов. К 1925 году насчитывалось уже более 200 Ротари-клубов по всему миру, а

вообще от всяких ограничений и притеснений мещанского мира. В каждом крупном городе обычно есть своя «гринвичская деревня», так же, как и свой Уолл-стрит.

Рост города включает в себе не просто прибавление численности, но и все те сопутствующие изменения и движения, которые неизбежно сопряжены с попытками каждого индивида найти свое место в хитросплетениях городской жизни. Расширение новых районов, увеличение числа профессий и родов занятий, непредсказуемое возрастание цен на землю, — все это составляет процесс роста города и может быть измерено через изменение положения индивида по отношению к другим индивидам и к сообществу в целом. Цены на землю, например, можно рассчитать через мобильность населения. Самые высокие цены существуют в тех местах, где в течение двадцати четырех часов проходит наибольшее количество людей.

Протяженность жизни сообщества в отличие от индивидов, которые его составляют, неограниченна. Мы знаем, что сообщества рождаются, расширяются, расцветают на какое-то время, а затем приходят в упадок. Для человеческих обществ это так же верно, как и для растительных сообществ. Мы до сих пор не знаем точно, каков ритм этих изменений. Мы знаем, что сообщество живет дольше, чем индивиды, его составляющие. И по-видимому, это одна из причин неизбежного и постоянного конфликта между интересами индивида и сообщества, а также одна из причин, почему в растущем городе поддержание общественного порядка обходится дороже, чем в городе, находящемся в состоянии стагнации или упадка.

Каждое новое поколение должно научиться приравниваться к порядку, который определяется и поддерживается главным образом старшими. Каждое общество навязывает своим членам определенную дисциплину. Индивиды растут, включаются в жизнь сообщества, наконец, выпадают из нее и исчезают. Но сообщество вместе с тем моральным порядком, который оно в себе воплощает, продолжает жить дальше. Жизнь сообщества, следовательно, включает в себе своего рода метаболизм. Оно постоянно ассимилирует новых индивидов и столь же неумолимо — вследствие смерти или как-либо иначе — отторгает старых. Но ассимиляция отнюдь не простой процесс; прежде всего он требует времени.

Проблема ассимиляции коренного уроженца — вполне реальна; это проблема воспитания детей в домах и подростков в школах. Но ассимиляция взрослых мигрантов — проблема более серьезная: это проблема обучения взрослого, к которой мы только в самое последнее время стали относиться, действительно ощущая ее значимость.

Есть и другой аспект, на который мы до сих пор почти не обращали внимания. Сообщества, в которых рост населения достигается за счет преобладания рождаемости над смертностью, и сообщества, население которых растет благодаря иммиграции, совершенно различны. Там, где рост обусловлен иммиграцией, социальные изменения протекают быстрее и являются более глубокими. С одной стороны, быстрее растут цены на землю; замена зданий и техники, движение населения, изменения в занятости, рост благосостояния, радикальные изменения в социальном положении — все происходит быстрее. В общем и целом, общество стремится приблизиться к тем условиям, которые ныне считаются характерными для фронта.

число их членов составляло около 20 тысяч человек, среди которых были как крупные бизнесмены, политики, так и знаменитости — Ян Сибелиус, Томас Манн, Альберт Швейцер.

Сегодня Ротари Интернэшнл насчитывает свыше 32 тысяч клубов и более миллиона членов по всему миру; собрания клубов проводятся еженедельно. Членство в Ротари-клубах не ограничено национальными, расовыми, конфессиональными, профессиональными, политическими критериями, главное — быть одним из лидеров в своем бизнесе или профессии. Свою благотворительную деятельность Ротари Интернэшнл осуществляет посредством грантов Ротари фонда, которые призваны способствовать культурным обменам, повышению стандартов образования, интенсификации бизнес-контактов, распространению этических принципов ротарианского движения (Правда, Справедливость, Солидарность и Выгода). В России первый Ротари-клуб появился в 1990 году.

В обществе, в котором происходят масштабные и быстрые изменения, возрастает потребность в общественном просвещении такого рода, которого мы обычно достигаем с помощью прессы, дискуссии и разговора. С другой стороны, поскольку личное наблюдение и традиция, на которых базируются здравомыслие и более систематичные исследования науки, не поспевают за изменениями в условиях жизни, появляется то, что Огборн назвал феноменом «культурного отставания». Наши политические познания и здравый смысл не соответствуют действительным изменениям, происходящим в нашей общей жизни. Результатом, по-видимому, становится то, что публика чувствует себя плывущей по течению, и в то время, как число законодательных актов постоянно увеличивается, действительный контроль неудержимо падает. По мере того как публика осознает тщетность законодательных установлений, рождается спрос на более решительные действия, находящий свое выражение в стихийных массовых движениях, а нередко и вовсе в простых и грубых бесчинствах толпы. Таковы, например, линчевания в южных штатах и расовые волнения на Севере.

Поскольку эти беспорядки никак не связаны с движениями населения — а недавние исследования расовых бунтов и линчеваний показывают, что так оно и есть, — изучение того, что мы назвали социальным метаболизмом, может дать нам если уж не объяснение, то хотя бы свидетельство феномена расовых волнений.

Одним из побочных результатов роста сообщества являются социальный отбор и сегрегация населения, а также создание, с одной стороны, естественных социальных групп и, с другой стороны, естественных социальных ареалов. Мы осознали этот процесс сегрегации в случае иммигрантов, особенно в случае так называемых исторических рас, т. е. народов, которые — независимо от того, иммигранты они или нет, — отличаются от остальных расовыми признаками. Чайнатауны, Маленькие Сицилии и прочие так называемые «гетто», с которыми хорошо знакомы исследователи городской жизни, представляют собой особые разновидности более общего типа естественных ареалов, которые неизбежно создаются условиями и тенденциями жизни города.

Подобные сегрегации населения происходят, во-первых, на основе языка и культуры и, во-вторых, на основе расы. В пределах этих иммигрантских колоний и расовых гетто неизбежно протекают и другие процессы отбора, которые порождают сегрегацию, базирующуюся на профессиональных интересах, интеллекте и личных амбициях. В результате более проницательные, энергичные и амбициозные люди очень быстро покидают свои иммигрантские колонии и гетто и переезжают в ареал второго иммигрантского поселения или в многонациональный район, где бок о бок проживают представители нескольких иммигрантских и расовых групп. По мере того как узлы расы, языка и культуры все более и более ослабевают, удачливые индивиды находят себе места в бизнесе, овладевают профессиями и оказываются среди старейшей группы населения, которая уже не отождествляется с каким-либо языком или расой. Дело в том, что изменение рода занятий, личный успех или фиаско — короче говоря, изменения экономического и социального статуса — обычно выражаются в изменениях местоположения. Физическая (или экологическая) организация сообщества в долгосрочной перспективе реагирует на профессиональную и культурную организацию и становится ее отражением. Социальный отбор и сегрегация, создающие естественную группу, определяют и естественные ареалы города.

Современный город отличается от древнего. Древний город вырос вокруг крепости; современный — вырос вокруг рынка. Древний город был центром региона, обладавшего относительной самодостаточностью. Товары, которые в нем производились, предназначались главным образом для внутреннего потребления, а не для торговли за пределами локального сообщества. Современный город, в свою очередь, обычно является центром региона с очень высокоспециализированным производством, и вокруг него широко простирается соответствующая торговая зона. В этих условиях основные очертания

современного города будут определяться (1) локальной географией и (2) маршрутами транспортных перевозок.

Локальная география, преобразованная железными дорогами и другими основными транспортными средствами, которые неизменно связаны с крупнейшими отраслями промышленности, определяет общие контуры городской планировки. Но эти общие контуры чаще всего дополняются и модифицируются еще одним распределением населения и институтов внутри центральных районов розничной торговли. В центре города магазины, отели, театры, дома оптовой торговли, офисы и банки обычно складываются в определенные конфигурации так, будто положение каждого здания в этом районе было заранее фиксировано и определялось соотношением со всеми другими.

И на периферии города промышленные и жилые пригороды, спальные районы и города-спутники словно каким-то естественным и неизбежным образом находят свои предопределенные места. В рамках территории, ограниченной с одной стороны центральным деловым районом, а с другой – пригородами, город имеет тенденцию принимать форму ряда концентрических кругов. Эти разные районы, расположенные на разных расстояниях от центра, характеризуются разными уровнями мобильности населения.

Зоной наибольшей мобильности, т. е. движения и изменения населения, является, естественно, сам деловой центр. Здесь расположены гостиницы, места проживания временных постояльцев. Если не учитывать немногих постоянных обитателей этих гостиниц, деловой центр, который и есть город *par excellence*, каждую ночь пустеет и каждое утро вновь наполняется людьми. За пределами Сити, этого «города» в узком смысле слова, находятся трущобы, места обитания поденных рабочих и бродяг. На окраине трущоб, скорее всего, будут находиться районы, уже вступившие в процесс обветшания, «зоны доходных домов»; здесь обитают богемные типы, заезжие авантюристы всех мастей и неприкаянная молодежь обоих полов. Дальше от центра располагаются районы многоквартирных домов; это зона маленьких семей и гастрономов. И наконец, еще дальше расположены районы двухквартирных домов и частных особняков, где люди все еще имеют свои дома и растят детей (разумеется, это делается и в трущобах).

Типичное городское сообщество в действительности гораздо сложнее, чем видно из этого описания, а разным типам и размерам городов свойственны свои особые вариации. Главное, однако, состоит в том, что сообщество повсюду тяготеет к некоторому образцу (pattern) и этот образец неизменно оказывается констелляцией типичных городских ареалов, которые могут быть географически локализованы и пространственно определены.

Естественные ареалы являются средами обитания естественных групп. Каждый типичный городской ареал, скорее всего, содержит характерную выборку из населения сообщества в целом. В больших городах расхождения в манерах поведения, жизненных стандартах и общих взглядах на жизнь в разных городских ареалах часто поражает воображение. Половозрастной состав, являющийся, пожалуй, самым важным показателем социальной жизни, удивительно различается в разных естественных зонах. В городе есть такие районы, в которых почти нет детей, например, районы, занятые гостиницами. Есть районы, в которых число детей относительно велико: в трущобах, в жилых пригородах среднего класса, куда обычно переезжают молодожены после того, как проведут медовый месяц в комфортабельных апартаментах в центре города. Есть и другие ареалы, почти целиком занятые молодыми неженатыми юношами и незамужними девушками. Есть районы, где люди почти никогда не приходят голосовать, кроме как на общенациональных выборах; районы, где уровень разводов выше, чем в любом штате, и другие районы в том же самом городе, где разводов почти не бывает. Есть районы, кишачие подростковыми бандами и спортивными и политическими клубами, в которые нередко вступают отдельные члены этих банд или банды в полном составе. Есть районы, где выходит за все мыслимые пределы уровень суицидов; районы, в которых, согласно статистике, повышенный уровень юношеской делинквентности; и районы, где всего этого почти нет.

Все это подчеркивает значение местоположения, позиции и мобильности как показателей, необходимых для измерения, описания, а в конечном счете и объяснения социальных феноменов. Бергсон определил мобильность как «всего лишь идею движения, которую мы формируем, когда мыслим его само по себе, когда мы, так сказать, от движения абстрагируем мобильность». Мобильность является мерой социального изменения и социальной дезорганизации, так как социальное изменение почти всегда включает в себе некоторое сопутствующее изменение положения в пространстве, а всякое социальное изменение, даже то, которое мы описываем как прогресс, включает в себе некоторую социальную дезорганизацию. В докладе, на который я ранее уже ссылался, проф. Берджесс указывает, что различные формы социальной дезорганизации, по-видимому, приблизительно коррелируют с изменениями в городской жизни, которые могут быть измерены в терминах мобильности. Все это подталкивает пойти дальше. Поскольку многое из того, к чему исследователи общества обычно проявляют интерес, тесно связано с положением, распределением и движениями в пространстве, то нет ничего невозможного в том, что всё, обычно понимаемое нами как социальное, можно будет, в конечном счете, истолковать и описать в терминах пространства и изменений положения индивидов в пределах естественного ареала — иначе говоря, в пределах зоны состязательной кооперации. При таких интересных посылках, как эти, все социальные феномены могли бы стать предметом измерения, а социология действительно стала бы тем, что некоторые люди пытаются из нее сделать, а именно, ветвью статистики.

Такая схема описания и объяснения социальных феноменов, если бы ее можно было реализовать без чрезмерного упрощения фактов, определенно стала бы счастливым решением некоторых фундаментальных логических и эпистемологических проблем социологии. Достаточно было бы свести все социальные отношения к пространственным отношениям, и стало бы возможно применить к человеческим отношениям фундаментальную логику физических наук. Социальные явления оказались бы сведены к элементарным движениям индивидов так же, как физические явления, химические реакции и свойства материи, тепла, звука и электричества сводятся к элементарным движениям молекул и атомов.

Сложность состоит в том, что в кинетических теориях материи элементы полагаются неизменными. Это, разумеется, и есть то, что мы имеем в виду, когда говорим «элемент» или «элементарный». Поскольку единственными изменениями, с которыми считаются физические науки, являются изменения в пространстве, все качественные различия сводятся к количественным, и так образуется предмет, поддающийся описанию в математических терминах. В случае человеческих и социальных отношений, в свою очередь, элементарные единицы — иначе говоря, индивиды (мужчины и женщины), которые вступают в эти различные комбинации, — явно подвержены изменению. Они настолько далеки от того, чтобы представлять собой гомогенные единицы, что их окончательная математическая трактовка представляется невозможной.

Общество, как заметил Джон Дьюи, существует в коммуникации и через коммуникацию, а коммуникация не содержит такого преобразования энергии, какое, видимо, происходит между индивидуальными социальными единицами, например, при внушении или подражании — этих двух состояниях, к которым социологи в разное время пытались свести все социальные явления. Скорее, коммуникация предполагает трансформацию в самих индивидах, которые таким образом общаются. И эта трансформация непрерывно продолжается вместе с накоплением индивидуальных переживаний в индивидуальных умах.

Если бы человеческое поведение можно было свести, как это пытались сделать некоторые психологи, к немногим элементарным инстинктам, то применение кинетических теорий физических наук к объяснению социальной жизни было бы менее трудным делом. Но эти инстинкты, если вообще можно сказать, что они существуют, находятся в постоянном процессе изменения вследствие накопления воспоминаний и привычек. И эти изменения настолько велики и постоянны, что трактовка индивидов как постоянных и гомогенных

единиц заключает в себе слишком много абстракции. Именно поэтому в объяснении человеческого поведения и общества мы в конце концов приходим к психологии. Чтобы сделать понятными изменения, происходящие в обществе, необходимо считаться с изменениями, происходящими в тех индивидуальных единицах, из которых это общество кажется образованным. Следствием этого является то, что социальным элементом перестает быть индивид и становится установка, тенденция индивида к действию. Не индивиды, а именно установки взаимодействуют и, взаимодействуя, поддерживают социальные организации и производят социальные изменения.

Эта концепция означает, что географические барьеры и физические дистанции значимы для социологии только там и тогда, где и когда они определяют условия, при которых актуально поддерживаются коммуникация и социальная жизнь. Ведь человеческая география была глубоко преобразована человеческим вмешательством. Телеграф, телефон, газета и радио, превратив мир в один широко раскинувшийся акустический свод, стерли расстояния и разрушили обособленность, разделявшую некогда расы и народы. Новые средства коммуникации неумолимо умножают и вместе с тем усложняют социальные отношения. История коммуникации есть история цивилизации, во вполне реальном смысле слова. Язык, письмо, печатный пресс, телеграф, телефон и радио маркируют эпохальные вехи в истории человечества. Однако они, надобно сказать, потеряли бы почти всю свою нынешнюю значимость, если бы не сопровождалась все более широким разделением труда.

Ранее я уже говорил, что общество существует в коммуникации и через коммуникацию. Благодаря коммуникации индивиды участвуют в общем опыте и поддерживают общую жизнь. И именно потому, что коммуникация имеет такое фундаментальное значение для существования общества, география и все другие факторы, препятствующие или благоприятствующие коммуникации, можно сказать, входят в ее структуру и организацию. В таких условиях понятие позиции, дистанции и мобильности приобрело новую значимость. Мобильность важна как социологическое понятие лишь постольку, поскольку она обеспечивает новый социальный контакт, а физическое расстояние значимо для социальных отношений только тогда, когда возможно проинтерпретировать его в терминах социальной дистанции.

Социальный организм — и это одна из наиболее основополагающих и приводящих в замешательство его черт — образуется из единиц, способных к пространственному передвижению. Тот факт, что каждый индивид способен двигаться в пространстве, гарантирует ему опыт, который будет его частным и особым опытом, и этот опыт, который индивид приобретает в ходе своих приключений в пространстве, предоставляет ему, именно в силу своей уникальности, точку зрения для независимого и индивидуального действия. Именно владение уникальным опытом, осознание этого опыта и диспозиция индивида думать и действовать в заданных им рамках есть то, что делает его, в конечном счете, персоной.

Ребенок, чьи действия определяются главным образом его рефлексам, не имеет поначалу ни такой независимости, ни такой индивидуальности и, по сути говоря, персоной не является.

Именно указанное разнообразие в опытах отдельных людей делает необходимой коммуникацию и возможным согласие. Если бы мы всегда реагировали одинаковым образом на одинаковые стимулы, то, как мне представляется, не было бы никакой необходимости в коммуникации, и отсутствовала бы всякая возможность появления абстрактного и рефлексивного мышления. Потребность в знании вырастает из самой необходимости проверять и накапливать эти расходящиеся индивидуальные опыты, а также сводить их к понятиям, которые делают их понятными для всех нас. Рациональный ум — это всего лишь ум, который способен делать свои частные импульсы публичными и доступными для понимания. Задача науки состоит в том, чтобы свести нечленораздельное выражение наших личных чувств к общему миру дискурса и создать из наших частных опытов объективный и интеллигибельный мир.

Мы не только имеем – каждый из нас в отдельности – свои частные опыты, но также со всей остротой их сознаем и очень заботимся о том, чтобы уберечь их от вторжения извне и неверной интерпретации. Наше самосознание и есть наше сознание этих индивидуальных различий опыта, присутствующее вместе с ощущением их конечной непередаваемости. Это основа всех наших тайн, личных и расовых; и это основа наших мнений, установок и предрассудков. Если бы мы были совершенно уверены, что каждый способен увидеть насквозь нас и все то, что мы считаем в нашей собственной оценке своим сугубо личным; если бы, иными словами, мы были, с одной стороны, наивными, как дети, или, с другой стороны, такими же внушаемыми и лишенными чувства приватности, как некоторые истерики, то у нас, вероятно, так никогда бы и не появилось ни персон, ни общества. Ибо некоторая обособленность и некоторая степень неподатливости социальным влияниям и социальному внушению являются как необходимыми условиями здорового общества, так и необходимыми условиями здорового личностного существования. Иметь персоны без приватности так же немыслимо, как и иметь общество без персон.

А потому очевидно, что пространство – не единственное препятствие для коммуникации и что социальные дистанции далеко не всегда можно адекватно измерить с помощью чисто физических параметров. Конечным препятствием для коммуникации является самосознание, которое есть также и застенчивость.

Каково же значение этого самосознания, этого тайного заповедника, этой застенчивости и стыдливости, которые нам так часто приходится испытывать в присутствии посторонних? Это, разумеется, не всегда страх перед физическим насилием. Это страх перед тем, что мы не произведем хорошего впечатления, боязнь того, что мы выйдем не самым лучшим образом, что нам не удастся удержаться в согласии с нашим представлением о самих себе и, в особенности, что нам не удастся совпасть с тем представлением, которое, как нам хотелось бы, имели о нас другие люди. Мы переживаем эту стыдливую застенчивость и в присутствии наших собственных детей. Только в компании самых близких друзей мы можем полностью расслабиться, сбросить с себя бремя собственного достоинства и почувствовать себя непринужденно. Если где коммуникация и бывает полной, а социальные дистанции, разделяющие индивидов, полностью рушатся, то только в таких обстоятельствах.

Этот мир коммуникации и «дистанций», в котором все мы стараемся сохранять некоторого рода приватность, личное достоинство и самообладание, представляет собой динамический мир и имеет свой особый порядок и характер. В этом социальном и моральном порядке представление, которое каждый из нас имеет о самом себе, ограничивается представлением, которое каждый другой индивид в том же самом ограниченном мире коммуникации имеет о самом себе и о каждом другом индивиде. Следствием является то — и это касается любого общества, — что каждый индивид оказывается втянутым в борьбу за статус: за сохранение собственного престижа, собственной точки зрения и собственного самоуважения. Он способен удержать их, однако только в той степени, в какой ему удастся добиться признания со стороны любого другого, чья оценка представляется ему важной; иначе говоря, любого другого, который входит в его круг общения или в его общество. Из этой борьбы за статус еще ни одной философии жизни не удалось найти выхода. Индивид, который не заботится о своем статусе в обществе, — это отшельник, даже если местом его уединения становится городская толпа. Индивид, чье представление о самом себе вообще не определяется теми представлениями, которые имеют о нем другие лица, по всей вероятности, сумасшедший.

В конце концов, общество, в котором мы живем, неизменно оказывается моральным порядком, в котором позиция индивида — как и его представление о самом себе, составляющее ядро его личности, — определяется установками других индивидов и теми стандартами, которых придерживается группа. В таком обществе индивид становится персоной. Персона — это просто индивид, который где-то, в каком-то обществе имеет социальный статус. Но статус, в конечном счете, оказывается вопросом дистанции — социальной дистанции.

Именно в силу того, что география, род занятий и все другие факторы, определяющие распределение населения, определяют столь непреодолимо и фатально место, группу и сосоварищей, с которыми каждый из нас вынужден жить, пространственные отношения и приобретают для изучения общества и человеческой природы то значение, которое они для него имеют.

Именно в силу того, что социальные отношения так часто и неизбежно соотносятся с пространственными отношениями, а физические расстояния так часто являются или кажутся показателями социальных дистанций, статистика имеет действительное значение для социологии. И это верно, в конечном счете, потому, что только в той мере, в какой социальные и психические факты могут быть сведены к пространственным фактам или соотнесены с ними, оказывается возможным какое бы то ни было их измерение.

*Перевод с английского
кандидата социологических наук
Владимира Николаева*

Роберт Э. Парк

Характеристики секты*

Пятьдесят шесть лет тому назад Чарльз Нордхоф – моряк, газетный репортер и автор журнальных статей – написал книгу под названием «Коммунистские общества Соединенных Штатов». Томик, собравший наблюдения автора за обществами, которые он посетил, написан без малейшего предубеждения или доктринерства по отношению к людям или институциям; напротив, – здесь явственно проступает бескорыстное и всепоглощающее любопытство человека, который наблюдает мир и интересуется одиозными и любопытными проявлениями человеческой природы и коллективной жизни.

В начале XIX в. Америка все еще казалась самой себе прибежищем для всех преследуемых и притесняемых в Европе (этим Соединенные Штаты чем-то напоминали Россию в недавнем прошлом), раем для одиозных сект – как религиозных, так и политических. Во времена Нордхофа большинство этих сект миновали первый период экзальтации и достигли того момента, когда уже были готовы к борьбе с прозаическими реалиями свободного светского общества. Но то ли эксперименты оказались неудачными, то ли секты утратили чувство великого предприятия, которое начинали. Видимо, Нордхоф счел ситуацию подходящей для оценки достижений этих утопий и для того, чтобы узнать у самих людей, насколько оправдались их надежды и предчувствия.

Большинство, если не все, увиденные Нордхофом сообщества, были по своему характеру сектантскими, хотя и не все они являются так называемыми «религиозными» сектами. Во всяком случае, все они были основаны согласно порядку, когда поддерживающее их общество, видимо, обладало необходимой степенью безопасности и изоляции, чтобы позволить им установить и сохранять тот «образ жизни» (если пользоваться языком религиозного дискурса), который в большей мере соответствовал их убеждениям относительно того, какой должна быть жизнь, нежели тот, которого они могли придерживаться в окружающем их конкурентном, беспощадном и индивидуалистическом обществе.

Всякий, кто прочитал книгу Нордхофа и заинтересовался его наблюдениями, найдет весьма поучительным проведенное доктором Янг подробное систематизированное исследование одной секты. «Скитальцы русского квартала» – это своего рода продолжение «Коммунистских обществ Соединенных Штатов».

Молокане**, конечно же, – не совсем коммунистское сообщество, во всяком случае, они вряд ли согласились бы с таким утверждением. С другой стороны, они – и не

---

* Characteristics of the Sect //Introduction to «The Pilgrims of Russian-Town» by Pauline V. Young. Chicago: University of Chicago Press, 1932, pp. xi-xx. Предисловие, написанное Р. Парком к книге Полин Янг «Скитальцы русского квартала» Pauline V. Young «The Pilgrims of Russian-Town».

© Баньковская Светлана, 2006.

© Центр фундаментальной социологии, 2006.

** Молокане – представители одной из разновидностей духовного христианства. Название связывают с текстом Священного Писания: «...как новорожденные младенцы возлюбите чистое словесное молоко» (1Пет.2.2) – Слово Божие. Порядок молитвенных собраний и повседневная жизнь молокан подчинены поиску сокровенного, иносказательного духовного смысла Священного Писания, стремлению жить «не по плоти, но по духу». Эта секта, получившая распространение в конце XVIII – XIX вв. в Центральной России, Западной Сибири, Закавказье, неоднородна по вероучению и ритуальной практике. Молокане не признают церковную иерархию; считают священнодействия «духовными обрядами», не соотнося их с плотью; не признают рукотворных священных символов, храмов, икон и т.д., не поклоняются и не молятся святым, но только Богу; молитвенные собрания молокан сходны с протестантскими (евангельскими). В 1921 г. молокане создали Союз Духовных Христиан, который просуществовал до середины 30-х гг. Его представители стали объектом исследования Полин Янг (*прим. перев.*).

конкурентное сообщество, поскольку жизнь в сообществе устроена по семейному образцу, где все его члены считают друг друга своими братьями и сестрами. Главное, однако, что у молокан есть «образ жизни», более того, они убеждены, что это «наилучший образ жизни», по сравнению с тем, как живут люди вокруг них. Этот образ жизни предписывает каждому члену сообщества, как следует и как не следует поступать в личных и интимных делах, причем эти предписания неизменны и непререкаемы. Они не могут быть предметом обсуждения ни по чьей-то личной инициативе, ни в ходе какого бы то ни было референдума.

Идеал такого общества – единодушие во всем. Именно это и заложено в природе всех сект – религиозных и политических. Именно это отличает их от других форм и типов коллективной жизни.

В книге речь идет в основном о молоканах, а не о том типе, интереснейшим представителем которого они являются. По существу, это – история единичного случая (case history) и в то же время описание превратностей судьбы первобытной религиозной секты, «пересаженной» из изолированного деревенского сообщества в русском Закавказье в бурлящую суету одного из наиболее динамичных городов Америки.

В связи с этим вполне уместно сказать несколько слов о характере сект, насколько он вообще нам известен. По сути дела, относительно характеристик сект известно очень мало. Вряд ли до тех пор, пока Зигеле не опубликовал свою книжку по этому вопросу, сектам приписывались какие-либо свойства общего и типического характера, хотя Лебон классифицировал их в своем эпохальном труде «Толпа» как тип гомогенной толпы.

Зигеле, судя по его трактовке предмета, интересуется политическими, а не религиозными сектами и специально не рассматривает различия между ними. Возможно, он не считал эти различия принципиально важными и основательными. Секта, по его словам, – это группа «индивидов, различающихся по рождению, образованию, профессии, социальному статусу, но объединенных и действительно добровольно скрепленных воедино невероятно сильной связью – общей верой и идеалом».

В этом определении выделяются две характерные особенности секты: 1) гетерогенность составляющих ее элементов и 2) солидарность этих различающихся элементов, сплачивающая их воедино, поскольку они воодушевлены общей верой и общим идеалом. Зигеле все еще представляет себе секту как своего рода толпу, но «толпу, выделенную и закрепленную. Толпа – это секта в переходном состоянии, когда ее члены еще не избраны. Секта – это хронический вид толпы, а толпа – это обострение секты. Толпа состоит из множества песчинок без всякой последовательности; секта же – это кусок мрамора, отражающий любой удар»¹.

Именно спонтанный и неформальный характер секты (по крайней мере, в начале ее становления), по всей видимости, и заставляет тех, кто занимается коллективной психологией, отождествлять секту с толпой. Толпа рассматривается как самая элементарная форма, в которой имеет место коллективное действие. Институты берут свое начало в движениях толпы, что не всегда признается.

«Любая вера, будь то ислам, буддизм, христианство, патриотизм, социализм, анархия, не может не пройти через сектантскую фазу. Это первый шаг, точка отсчета, где группа людей, выходя из затененной области анонимной и подвижной толпы, возвышает себя до определенности и целостности, которая затем может привести к высшему и наиболее совершенному типу группы людей – к нации»².

Институты набирают силу, как заметил Хьюз, потому что социальные движения никогда полностью не выполняют того, что берутся сделать. Всегда остается «незаконченное дело» – нечто, что еще предстоит завершить и что поручается некоему комитету или

¹ Перевод с немецкого из: S. Sighele «Psychologie des sects» P. 42-51. Цит по: R.E. Park and E.W. Burgess «Introduction to the Science of Sociology», p. 24.

² Sighele, Ibid.

секретариату и, тем самым, – штату постоянных функционеров. Это один из способов институционализации, протекающей в секуляризованном обществе³.

Лебон говорит, что все массовые движения носят религиозный характер. Это могло бы означать, что все институты, вырастающие из массовых движений, имеют религиозное происхождение. Определение Лебоном религии и природы религиозного чувства требует разъяснения. Оно довольно интересно и многообещающе. Итак:

«Человек религиозен не только тогда, когда поклоняется божеству, но и тогда, когда он всю свою мудрость, все усилия воли и все душевные устремления фанатика направляет к одной первопричине или к индивиду, который становится целью и управителем всех его мыслей и действий»⁴.

Учитывая рвение, с каким индивиды всей душой посвящают себя исповедуемой ими политической вере, и принимая в расчет фанатизм, с которым они порой отдаются вполне мирскому делу, разница между членами религиозных и политических сект практически не ощущается.

Во всяком случае, она не столь основательна, как может показаться. Существенное различие между политическими и религиозными сектами состоит в том, что последние, живописуя свою программу как «образ жизни», почти всегда проецируют свою жизненную политику и осуществление своих утопий за пределы человеческого опыта и контроля. Жизнь на этом свете становится лишь приготовлением к грядущей жизни. А политические секты, напротив, – решительно уверяют в том, что рай на земле, в который они зовут, может быть достигнут в настоящем, в этой жизни, и, насколько это возможно, здесь и сейчас. Это различие имеет далеко идущие последствия. Политические секты, такие, как анархисты, социалисты, коммунисты и т.д., имеют программу действий – радикальных действий. Религиозные же группы – квакеры, шейкеры, холироллеры и др. – почти так же радикальны, но что касается политического действия, то здесь они пассивны и держатся отстраненно.

Для религиозных обществ, с которыми мы лучше всего знакомы, характерно то, что они, подобно Маргарет Фуллер, «приемлют мироздание». Они принимают мироустройство и не предпринимают попыток изменить существующие политические и социальные условия. Однако они глубоко проникнуты ответственностью за самих себя. Тщательно соблюдая все до мелочей, они приспособляются к сектантским табу и хранят сектантский ритуал. Короче говоря, их гораздо больше занимает состояние души, нежели политика. Политические же секты, напротив, – не склонны принимать ничего и готовы взять на себя (в мире, где нет ничего невозможного) ответственность за всех нас и за все.

Различия между сектами заложены в самом начале – в типах толпы, из которых они ведут свое происхождение. Политическая толпа – это толпа в действии. Она может быть просто сборищем. Она может принять форму забастовки. Зачастую (в определенное время и в определенном месте) она является выражением того, что Бэнкрофт называет «народным правосудием». Сюда можно отнести и закон Линча, и такие общие формы правосудия, какие применялись виджилантами^{***} на Западном побережье.

Политическая толпа – это экстравертная группа. Религиозная толпа (в тех разновидностях, которые представлены в нашем религиозном возрождении) – это экспрессивная, порой оргиастическая толпа. Но более всего, это интравертная, повернутая внутрь себя, поглощенная своими мистическими видениями и образующая, наконец, то, что может быть описано как интравертное общество, – религиозная секта.

Религиозная секта не только не действует наподобие политической секты, она предрасположена к уходу от этого мира с тем, чтобы сохранить свою веру для грядущего мира. Все ее силы находят свое выражение в ритуале, в священных плясках (как в случае с трясунами и ранними христианами). Посредством таких упражнений и экстатических

³ Hughes Everett Cherrington «The Growth of an Institution: The Chicago Real Estate Board». The University of Chicago Press, 1931.

⁴ Лебон. «Толпа». С. 82.

^{***} Виджиланты – члены так называемого «комитета бдительности», линчеватели. – прим. перев.

состояний секта достигает некоего состояния, подобного коллективному трансу, в котором каждый индивид обретает чувство личного совершенства, мистической солидарности и общности с каждым другим индивидом в группе. Именно таким образом вера постоянно обновляется, а единство организации и ее наследие сохраняются.

Религиозные и политические секты, по крайней мере на ранних ступенях своей эволюции, имеют один общий признак – определенную бескомпромиссность и, как я уже сказал, радикализм. И те, и другие по своему происхождению – конфликтные группы, и в обоих случаях конфликт имеет тенденцию принимать глубинный, революционный характер.

Любая революция, как и преобразование в целом (фактически представляющее собой нечто большее, нежели просто реформу существующих несправедливостей), берет свое начало в секте, обычно – политической секте. В сектантской жизни новые идеи и идеалы принимают форму и находят свое выражение, становясь будоражащим ее ферментом. Секта радикальна уже постольку, поскольку стремится сформулировать не просто новую политическую программу, но новую политику всей жизни; именно в свете этой новой политики жизни и рассматривается любой другой более преходящий интерес.

Политические партии по своему характеру склонны к компромиссу и приспособлению, но секта – непримирима и несгибаема. Политические партии формулируют политику и стремятся быть последовательными в своих действиях, приспособлявая их к учениям своих партий. При этом политические учения и их практические следствия по меньшей мере могут обсуждаться. Совсем не так обстоит дело с сектой. Правила поведения в ней абсолютны. Политическое общество, где признается только одна партия и где правит одна партия, неизбежно – в перспективе развития – принимает форму теократии, когда правящая партия – это не что иное, как правящая секта.

В подобном контексте и с подобной точки зрения, как она здесь изложена, и следует рассматривать случай с молоканами, если мы хотим, чтобы он помог нам понять секты вообще и отдельный тип секты, специфическим примером которого выступают молокане.

Всякая попытка взглянуть на религиозную секту (или какую-нибудь другую форму коллективного поведения) с точки зрения формальной, объективной и сравнивающей, как я предложил здесь сделать, неизбежно упускает из виду напряженную, живую и подчас беспокойную субъективную жизнь секты – внутренние напряжения, конфликты, противостояния и сублимации, свойственные секте в ее усилиях сохранять целостность своей коллективной жизни и действовать согласно предписаниям самоограничивающей дисциплины.

Вполне вероятно, что, если можно было бы на первых порах копнуть поглубже в воспоминания и опыт отдельных сектантов, то мы обнаружили бы в этих историях инциденты и акциденты, которые многое объяснили бы в ритуале, верованиях, в сектантском поведении вообще, что теперь кажется совершенно непостижимым. Многие в поведении индивидов и сообществ, поражающее нас своей эксцентричностью, несомненно обусловлено в большей степени субъективно, нежели объективно. Табу, ритуалы, символы веры появлялись в разные времена в результате стремления обществ действовать, более того – действовать последовательно, согласно, так сказать, программе, правилам поведения, моральному кодексу. Многие из этих установлений, правил, обычаев и церемоний, ставших уже традицией, можно было бы объяснить (если бы мы знали их изначальную историю) как выражение или орган некоей нормальной или извращенной социальной функции.

Как бы то ни было, попытка действовать последовательно, в согласии с программой предполагает и необходимость поддерживать напряжение на высоком уровне на протяжении длительного времени. Необходимость релаксации после такого периода напряжения и нового единения и сплочения после периода релаксации объясняет наличие многих наших памятных дат и праздников. Есть дни, когда мы отступаем, чтобы собраться, переосмыслить свои жизненные цели и изменить свои жизненные планы. Есть и другие дни, когда мы расслабляемся и позволяем себе разного рода безумства и экстравагантные вещи. Почти все исторически известные общества имели периоды возрождения и обновления веры, равно как

и периоды вседозволенности и разнузданности. Скорее всего, сказанное справедливо для религиозных сект так же, как и для других обществ.

Спецификой интравертных обществ, которые мы называем сектами, является, видимо, то, что на индивидуальном или на коллективном уровне в определенный период своей истории их попытки действовать были заблокированы. Можно даже сказать, что они пережили своего рода психическую травму, от последствий которой так и не оправались.

В обществе запреты принимают форму социально санкционированных табу. Лишь намек на обязательность и принудительность в секте (или в другой форме общества) может принять форму ритуала. Символы веры зачастую берут начало в конфликтах одних религиозных обществ с другими и являются рационализацией обычаев и обрядов, исторически происходящих из условий, ссылок на которые в сформулированных религиозных убеждениях нет.

Автор этой книги^{****} отнюдь не стремится сделать нечто вроде фрейдистской интерпретации обычаев секты молокан. Такая интерпретация и не ставится в качестве цели данной работы. Всякому исследователю человеческой природы, а в особенности исследователю религиозных сект, история «Скитальцев русского квартала» предлагает если и не психоаналитический анализ, то, по крайней мере, сочувственное описание обычаев, установок и в целом *внутренней жизни* секты в критический период ее истории.

Эта работа – результат пятилетнего кропотливого исследования – стала возможной не только потому, что автору посчастливилось хорошо овладеть русским языком, бегло читать и разговаривать по-русски, но и благодаря ее способности проникнуть в святая святых молоканства. Это позволило ей выполнить как для русских сектантов, так и для американской публики задачу, с которой ни те, ни другие не справились бы сами. Молокане, благодаря интерпретациям Янг их опыта, получили возможность сформировать более адекватное представление о самих себе и своих специфических проблемах в Америке, нежели то, какое у них было до сих пор. Исследование помогло лучше ориентироваться этой колонии в своем социальном окружении. В то же время оно способствовало лучшему пониманию этого интересного народа их соседями, делая взаимоотношения с ними в будущем менее трудными и более плодотворными, чем было в прошлом.

*Перевод с английского
кандидата философских наук
С.П. Баньковской*

---

^{****} Полин Янг – прим. перев.

Виктор Вахитайн

Джон Ло: социология между семиотикой и топологией

Навязчивой идеей девятнадцатого века была история – с ее темами развития и замедления, кризиса и цикла... Нынешняя же эпоха будет, скорее всего, эпохой пространства.

М. Фуко. Об иных пространствах

...Нельзя ли при помощи усовершенствования нашей геометрической интуиции придать научный смысл массе более тонких образов и схем, которые обеспечили бы отрывочным явлениям удовлетворительное качественное истолкование?

Р. Том. Структурная стабильность и морфогенез

Работы британского исследователя науки и техники, профессора Ланкастерского университета Джона Ло практически неизвестны российскому читателю. Если допустить, что имя социолога в повседневном обиходе научной коммуникации есть знак, то имя Джона Ло – это не знак-символ, отсылающий к некоторой идее (например, оригинальной авторской теории), а, скорее, знак-индекс – указывающий на другие, более «говорящие» имена. В частности, имена Джона Урри и Брюно Латура.

С Дж. Урри Ло связывает десятилетие совместных исследований современных типов мобильности. Отсюда – их общая установка на изучение подвижных, изменчивых форм социальной координации, апелляция к метафоре «сети» и общая же аксиоматика анализа: замена интуиции тотального, гомогенного, самодостаточного общества образом гетерогенного, гибридного мира, находящегося в непрестанном движении¹. Исследования «мира в движении» начинаются с исследований «движения в мире»: производства мобильностей и индустрии перемещений. (Неслучайно, конференция, организованная Центром изучения мобильностей Ланкастерского университета в 2004 году, была посвящена роли велосипеда в конституировании местного сообщества.) Эта специфика исследовательского взгляда легко прослеживается в предлагаемой вниманию читателей работе Джона Ло – в той ее части, где описывается португальская колониальная экспансия. Ло интересует, прежде всего, техническая составляющая данного исторического феномена – пиренейская мореходная техника: галеоны и средства навигации конституировали «большие» исторические общности (империи), подобно тому, как велосипеды и автомобили² конституируют современные локальные сообщества (кампусы и «профессорские поселки»). Внимание к техническим аспектам социального мира, к мобильностям и перемещениям – это визитная карточка «ланкастерского стиля» социологического исследования; стиля, который в равной мере присущ и Дж. Ло, и Дж. Урри.

С Брюно Латуром Джона Ло связывает работа по созданию акторно-сетевой теории (Actor-Network Theory, ANT). У истоков ANT изначально стояли три автора – Б. Латур, Дж. Ло и Мишель Каллон. С середины 90-х годов принципы разработанного ими

¹ См., например, Urry J. *Sociology beyond societies. Mobilities for the twenty-first century*. London and New York: Routledge, 2000.

² См.: Urry J. *Inhabiting the car* // published by the Department of Sociology, Lancaster University, Lancaster LA1 4YN, UK, 2003. <<http://www.comp.lancs.ac.uk/sociology/papers/Urry-Inhabiting-the-Car.pdf>>.

направления активно используются в социологических исследованиях информационных систем и геномной инженерии. В социальной географии находит применение предложенная Латуром метафорика «множественных пространств» и «гетерогенных сетей», а также ряд положений «социальной топологии» Дж. Ло. В экономике и экономической социологии особенно продуктивной оказалась критика Каллоном многочисленных «сетевых подходов», игнорирующих включенность материальных объектов в сети обмена и взаимодействия. У всех версий акторно- сетевого подхода есть общая черта – пристальное внимание к материальным объектам. Основным недостатком современной социологической теории, по утверждению Латура, Ло и Каллона, состоит в недостаточной концептуализации «объектности» социального мира. Соответственно, каждый из теоретиков ANT ищет собственный способ органичного включения материальных объектов в схемы социологического рассуждения.

В конце 90-х гг. выделились две ветви акторно- сетевого подхода. Парижская ветвь, представленная Латуром и Каллоном, развивает общетеоретические и методологические интенции ANT. Предложенная Латуром «реляционная онтология» (или «онтология гибридного мира») на сегодняшний день составляет альтернативу социальному конструктивизму Пьера Бурдьё. Вторая, ланкастерская ветвь акторно- сетевой теории представлена в первую очередь работами Ло, а также исследованиями Анн-Мари Мол (Mol), Мадлен Акрич (Akrich), Нильса Альбертсена (Albertsen), Виктории Синглтон (Singleton). Хотя не все эти социологи работают и преподают в Ланкастере, их тексты составляют общий корпус исследований науки и техники, объединенных предложенной Ло теоретической рамкой. Ланкастерскую версию акторно- сетевого подхода от парижской отличает обилие проводимых эмпирических исследований, а также некоторые теоретические «отступления» от магистральной (латуровской) линии акторно- сетевого анализа. Эти «отступления» иллюстрируют собственно теоретический потенциал работ Дж. Ло и его коллег.

Первое и наиболее любопытное отличие работ Ло состоит в том, что у Латура и Каллона «сеть» – это социологическое понятие, характеристика глобализованного, распределенного в пространстве и времени человеческого взаимодействия, поделенного на дискретные «мобильности» и опосредованного объектами. Ло ограничивается семиотической интерпретацией «сети», делая шаг навстречу постструктурализму, распространяя на материальные объекты ту же релятивистскую логику рассуждений, какую постструктуралистская семиотика применила к элементам знаковых систем.³ Как замечает Ло, «семиотика (в европейском десоссюровском варианте синхронической лингвистики) показывает, что значение всякого слова относительно, то есть конституировано отношениями различия между данным словом и другими связанными с ним словами. Например, слова «собака» и «кошка». Каждое из этих слов приобретает значение благодаря отличию от другого и каждое из них соотносимо с иными именами: «собака», «кошка», «волк», «щенок» и т.д. Значение слова произвольно, хотя и сильно детерминировано сетью отношений различия. По сути, оно представляет собой результат этих отношений». Также и материальные объекты – суть «относительные случайности», детерминированные отношениями различия. «Объекты, – пишет Ло, – являются “производными” некоторых устойчивых множеств или сетей отношений. Наше фундаментальное допущение таково: объекты сохраняют свою целостность до тех пор, пока отношения между ними стабильны и неизменны».

Рассуждения Ло о неизменности и изменяемости объекта сродни рассуждениям де Соссюра об изменчивости и неизменности знака.⁴ Ло, как и де Соссюр, подчеркивает связь свойства изменчивости/неизменности объекта (знака) с дискретностью/непрерывностью его существования. Объект существует дискретно и

³ Law J. After ANT: Topology, Naming and Complexity // Actor-Network and After / Ed. by J. Law, J. Hassard. Oxford: Blackwell and the Sociological Review, 1999. P. 4.

⁴ де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / Под ред. Р.И. Шор. М.: КомКнига, 2006. С. 81 – 85.

обособленно лишь благодаря непрерывности своих связей с другими объектами. «Например, корабль, – пишет Ло, – может быть представлен в виде сети – сети остовов, рангоутов, парусов, канатов, пушек, складов продовольствия, кают и самой команды. С другой стороны, при более обобщенном рассмотрении, навигационная система, со всеми ее эфемеридами, астролябиями и квадрантами, таблицами расчетов, картами, штурманами и звездами, также может быть рассмотрена как сеть. Далее, при еще более отстраненном анализе, вся португальская имперская система в целом, с ее портами и пакгаузами, кораблями, военными диспозициями, рынками и купцами может быть описана в тех же категориях».

В данном описании все предметы исследования рассматриваются как «объекты» – корабль, навигационная система, португальская империя. Объектами их делают устойчивые связи и отношения друг с другом. Особый акцент на устойчивости: «Штурманы, противники-арабы, ветра и течения, команда, складские помещения, орудия: если эта сеть сохраняет устойчивость, корабль остается кораблем, он не тонет, не превращается в щепки, напорвшись на тропический риф, не оказывается захваченным пиратами и уведенным в Аравийское море. Он не пропадает, не теряется, до тех пор, пока команда не сломлена болезнями или голодом. Корабль определяется своими отношениями с другими объектами и акторно-сетевой анализ направлен на исследование стратегий, которые производят (и, в свою очередь, произведены) этой *объектностью*, синтаксисом или дискурсом, определяющими место корабля в сети отношений». Разрыв сети отношений кладет конец дискретной объектности.

Все вышесказанное – пример успешного импорта «семиотической метафоры» в социологическое описание. Объекты здесь уподобляются знакам; связующие их отношения – отношениям означания. Приняв точку зрения Ло, мы уже не можем, модифицируя формулу Маркса, говорить, что «*объект есть ансамбль социальных отношений*». Объект действительно определяется сетью отношений различия, но отношения эти не могут быть однозначно идентифицированы как «социальные» (например, «социальные отношения производства и потребления»). Скорее, «социальность» – равно как и «объектность» – является продуктом данных отношений. «Общество» не присутствует имманентно в сети отношений, узловыми точками которой являются «объекты», оно не детерминирует их, и не скрывает истинного источника причинности. Отношения предшествуют всякой сущности – как «социальной», так и «материальной»⁵.

Обращение к семиотической метафоре в социологической теории – явление столь распространенное, что сам по себе этот теоретический ход Ло вряд ли можно назвать оригинальным. Его эвристическая ценность обусловлена отказом от радикального социологизма, который всегда в той или иной степени имплицитно семантизируется семиотическими аналогиями. Социологическое воображение подсказывает: объект легко может быть описан на языке социологии как знак, маркер, идентификатор социального явления, скрытого от глаз, но проявляющего себя в данном конкретном материальном объекте. Дорогой автомобиль – знак классового статуса, дом аборигена – проекция его представлений об устройении вселенной, телефон – материализация «узла» коммуникационной сети, космический корабль – признак технологического развития общества, предметы обстановки – реквизит в спектакле, именуемом «повседневными взаимодействиями». Ряд может быть продолжен: социология декодирует вещи, проблематизируя их социальные «означаемые» и одновременно делая непроблематичными их материальные «означающие». Отказываясь видеть в «обществе» подлинное основание «материальных объектов», Ло высвобождает свой предмет изучения: теперь и «автомобиль», и «статус» – равно проблематичны, они произведены сетью связывающих их отношений. (Данную позицию разделяет и Латур.)

---

⁵ Ло усматривает в тезисе «отношения предшествуют сущности» сходство с сартровским принципом «существование предшествует сущности». Соответственно, само различие «социальное/материальное» в акторно-сетевом анализе не признается онтологически данным и требует пересмотра (так называемый «принцип генерализованной симметрии»).

Впрочем, эта обновленная версия семиотической метафоры (примененной к материальным объектам в социальном мире) вряд ли составила бы заметную альтернативу внушительным теоретическим построениям «парижской ветви» акторно-сетевому подходу, если бы не дополнялась продуктивной и оригинальной *топологической метафорой*. Сеть отношений трактуется Ло как топологическая система, определенная «форма пространственности». Пространство – есть порядок объектов, объекты – суть пересечения отношений. Изменение отношений приводит не только к изменениям самих объектов, но и к изменениям «форм пространственности». Изучение формы и соотношений объектов входит в задачи дисциплины, которую Лейбниц называл «*analysis situs*» – топологии. Ло формулирует исследовательскую программу, которую можно назвать «социальной топологией». Ее основные положения таковы: «Во-первых, – пишет Ло, – я настаиваю на том, что производство объектов ... имеет пространственные следствия; и, далее, что пространство не самоочевидно и не единично, но имеются *множественные формы пространственности*. Во-вторых, я предполагаю, что использование объектов само создает *пространственные условия возможности и невозможности*. Пространственности порождаются и приводятся в действие расположенными в них объектами – именно этим определяются границы возможного. (Следуя первому утверждению, стоит упомянуть, что пространственные возможности по своему характеру также множественны.) Существуют различные формы пространственностей; те, о которых говорим мы, включают в себя регионы, сети и потоки. В-третьих, я предполагаю, что эти *пространственности и объекты, которые заполняют и создают их, плохо совместимы, т.е. находятся в напряженных отношениях*».

Вернемся к примеру с португальским галеоном. Как объект, корабль пространственно или топологически множественен. («Он занимает – а также преобразует – два типа пространства. Географическое и семиотическое (сетевое)»). Он неизменен в каждой из форм пространства и сохраняется в обоих: физически – в географическом пространстве, функционально или синтаксически – в семиотическом (сетевом) пространстве. Двигается он только в географическом пространстве. Напротив, в пространстве сетей он неподвижен, никакого изменения отношений между компонентами не происходит. (А если происходит, значит, что-то не так, значит это уже другой объект.) Именно неподвижность в сетевом пространстве делает возможным его перемещение в пространстве географическом, позволяя переплыть из Калькутты в Лиссабон с грузом специй. Перемещение из точки А в точку В некоторого объекта происходит благодаря устойчивости отношений между различными элементами сети, в которой этот объект находится. Если произойдет смещение в пространстве сетей (то есть, если изменятся конституирующие объект отношения), корабль просто перестанет быть «кораблем X с грузом Y, следующим курсом Z», а станет чем-то иным: обломками корабля, «летучим голландцем» или просто деревом для костра.

Такое «смещение» в топологии называется «катастрофой». Можно указать на две характеристики «катастрофы»: разрыв непрерывности формы (дисконтинуальность) и необратимость. Тополог Рене Том проиллюстрировал это следующим примером: «Если форма А – лист бумаги, и если я его сминаю, то есть придаю ему вид В, А может быть непрерывно деформирован в В и наоборот В в А, если листок разгладить. А и В – два вида одного объекта. Но если я разрываю листок, т.е. придаю ему вид С, я получаю новый объект, поскольку переход А в С необратим»⁶. Разрыв формы (на языке топологии – «утрата гомеоморфизма») дает начало новой форме, происходит «морфогенез». В терминах Ло: смещение положения корабля в сетевом пространстве означает разрыв его сетевой «формы», переход становится необратимым и корабль перестает быть кораблем, становясь чем-то иным.

Обратимся к примеру, весьма далекому от построений Дж. Ло, зато близкому социологической классике. Королевский дворец – как объект – неподвижен и в пространстве географическом, и в пространстве сетей. Дворец «возможен», потому что есть архитектор,

⁶ Том Р. Структурная устойчивость и морфогенез. М.: Логос, 2002.

способный его себе вообразить, есть зодчие, обладающие необходимой квалификацией, есть материалы, пригодные для строительства, есть монарх, изъявивший желание иметь летнюю резиденцию, есть двор, готовый переехать в нее, наконец, есть место, отведенное под этот дворец, и средства, выделенные на его строительство. Допустимы изменения в данной «сетевой формуле» объекта, которые не приведут к утрате им своей формы: один монарх сменится другим, изменится общественный вкус и некоторые залы будут перестроены, английский парк будет заменен французским, но объект останется королевским дворцом, потому что при всех трансформациях он сохраняет некое «ядро устойчивых отношений». Другие же изменения в «сетевой формуле» объекта станут «катастрофой» – например, революция и крах монархии. Тогда произойдет смещение в сетевом пространстве: дворец станет музеем, складом, парламентом или руинами.

Превращение дворца в руины – явление морфогенеза, образования новой формы. Значит ли это что больше никакие отношения не конституируют заброшенные развалины некогда пышного дворца? Отнюдь, нет. Просто теперь данные отношения не «производят» публичную социальность⁷, но руины так же занимают «место» в сетевом пространстве, имеют свою сетевую форму (ее специфика была блестяще интерпретирована Г. Зиммелем⁸). Допустим теперь, что руины эти никогда не были дворцом, что они изначально построены как руины, дабы радовать глаз гостей в парке местного аристократа. Такие «искусственные» руины занимают принципиально иное место в сетевом пространстве и потому не тождественны руинам дворца, даже если идентичны им «в материале». Точно так же руины крепости не тождественны декорациям руин крепости, построенным специально для съемок исторического фильма.

Объект остается тождественным себе пока (при всех трансформациях) сохраняет некое «ядро устойчивых отношений». Что происходит, если объект, потеряв «ядро устойчивых отношений», трансформируется до неузнаваемости? Разрыв формы. Однако то, что является разрывом формы в пространстве сетей, не является им в иной топологической системе, описанной Джоном Ло, в *пространстве потоков*. В этом пространстве изменение отношений – необходимое условие конституирования объекта. Однако данный феномен составляет отдельный предмет исследований «социальной топологии» Ло.

Заметим, что Ло – первый автор, обратившийся к теоретическим ресурсам топологического мышления для решения проблем современной социологии (например, проблемы «изменчивой мобильности»). Однако развитие топологической метафоры началось задолго до него. Первыми такую экспансию топологических категорий инициировали сами топологи. Упомянутый выше Рене Том использовал топологические концептуализации для исследований в области теоретической биологии. Его работа «Структурная устойчивость и морфогенез» (1968) была восторженно встречена биологами. К. Н. Уоддингтон, один из классиков современной биологии, писал: «...в 1940 году в моей книге я настаивал на необходимости развития топологии биологических явлений. В последующие годы, не владея математическим аппаратом даже на любительском уровне, я ничего не мог сделать для воплощения моего предложения. Тем больше я благодарен Рене Тому, который взялся за эту сферу с таким размахом. Том как раз и попытался показать детально и точно, как общие закономерности, с которыми сталкивается биология, могут рассматриваться как структуры в многомерном пространстве»⁹. За этой книгой последовала другая «экспансионистская» работа Р. Тома «Топология и лингвистика»¹⁰, впрочем, встреченная лингвистами с гораздо меньшим энтузиазмом, чем «Структурная устойчивость» – биологами. (Хотя до появления работы Тома Роман Якобсон неоднократно подчеркивал,

⁷ Хотя руины вполне могут быть вовлечены в производство иных форм социальности, следы которой остаются в виде надписей на их стенах и разнообразного мусора на остатках пола.

⁸ Зиммель Г. Руина // Избранное. Т. 2. М.: Юрист, 1996.

⁹ Уоддингтон К.Н. Предисловие // Том Р. Структурная устойчивость и морфогенез. М.: Логос, 2002.

¹⁰ Том Р. Топология и лингвистика / Пер. с франц. с предисл. Ю. И. Манина // Успехи математических наук. 1975. Т. XXX. Вып. 1. С. 199-221.

что понятие «инварианта», которое он считал одним из центральных понятий лингвистики, наиболее полно может быть представлено средствами топологии.)

Что стоит за обращением социологии к топологической метафоре? Прежде всего, стремление дать новую концептуализацию «формы», условиям ее устойчивости и изменчивости, непрерывности и дискретности. От «формальной социологии» Г. Зиммеля до «фрейм-анализа» И. Гофмана не прекращались попытки создания фундаментальной социальной морфологии, науки о формах социальной координации. Топология, с ее стремлением дать строгое (но не количественное) описание трансформирующихся форм становится притягательным теоретическим ресурсом для осмысления опыта подвижного, изменчивого («текучего», в понятиях «социальной топологии») мира.

Можно сказать, что Джону Ло не повезло. Работая бок о бок с двумя влиятельными современными теоретиками – Джоном Урри и Брюно Латуром – он остается в их тени, его имя в социологической коммуникации отсылает, скорее, к их именам, чем к его собственным работам. Однако, если всякое имя конституировано отношениями – читателей, переводчиков, редакторов, практикующих исследователей и теоретиков – изменение порядка этих отношений окажется также изменением положения имени Ло в сетевом пространстве публичной социологической коммуникации.

Джон Ло

Объекты и пространства*

Данный текст является частью нашего совместного с Анн-Мари Мол проекта по исследованию пространственности. Это результат почти десятилетнего обсуждения, бесед и совместной работы. Я особенно благодарен Клаудии Кастанеде, Кевину Хезерингтону, Дункану Ло, Дорин Мэйси, Викки Синглтон, Джону Урри и Хелен Веран за обсуждение, поддержку, ободрение и критику.

Введение

Что такое объект? В акторно-сетевой теории (ANT), в исходной ее форме, есть предельно конкретный ответ на этот вопрос. Объекты являются «производными» некоторых устойчивых множеств или сетей отношений. Наше фундаментальное допущение таково: объекты сохраняют свою целостность до тех пор, пока отношения между ними стабильны и неизменны.

Предложенный акторно-сетевой теорией подход многим обязан постструктуралистской семиотике. Семиотика (в европейском десоссюровском варианте синхронической лингвистики) показывает, что значение всякого слова относительно, то есть, конституировано отношениями различия между данным словом и другими связанными с ним словами. Например, слова «собака» и «кошка». Каждое из этих слов приобретает значение благодаря отличию от другого и каждое из них соотносимо с иными именами: «собака», «кошка», «волк», «щенок» и т.д. Значение слова произвольно (arbitrary), хотя и сильно детерминировано сетью отношений различия. По сути, оно представляет собой результат этих отношений.

Структуралисты, как правило, утверждают, что такая произвольная природа языка открывает нечто универсальное в операциях человеческого мышления. Люди структурируют отношения определенными способами и делают это посредством содержащейся в их головах машинерии. Соответственно, предполагается, что все языки обладают одной и той же «глубинной структурой». В противоположность структуралистскому тезису об универсальности глубинной структуры, постструктурализм провозгласил существование различных, находящихся в процессе становления глубинных структур, создающихся и поддерживающихся в разных социальных ареалах. Данные структуры производят различные типы объектов и различные знания об этих объектах, что хорошо видно на примере предпринятого Мишелем Фуко анализа телесности. В классической эпистеме тело – это арена действия отношений символической власти (проявляющихся, например, в применении пыток), тогда как в современной эпистеме тело превращается в функциональную и (само)дисциплинированную машину, совокупность упорядоченных и продуктивных отношений. Соответственно, Фуко выделяет несколько «глубинных стратегий» упорядочивания таких связей (Фуко, 1999).

Акторно-сетевой подход сходен с подходом Фуко в том, что касается акцентирования значимости материального. Речь, тела, жесты и материалы – вроде зданий, кораблей, самолетов или огнестрельного оружия – все рассматривается как проявление стратегической логики, все участвует в поддержании всего. Все создано отношениями и участвует в их создании. Отличие же акторно-сетевой теории от постструктуралистского подхода состоит в

---

* Впервые эта работа была представлена автором на конференции «Sociality/Materiality: The Status of the Object in Social Science» (19 сентября 1999 г., Brunel University). Позднее сокращенная версия текста была опубликована в журнале «Theory, Culture and Society» (N5/6, 2002) и на сайте Ланкастерского университета: <http://www.comp.lancs.ac.uk/sociology/papers/Law-Objects-Spaces-Others.pdf>. Публикуется с разрешения автора (Прим. перев.).

том, что она менее увлечена «границами возможного», установленными современностью (а в некоторых вариантах и вовсе безразлична к данной проблематике). Вместо этого акторно-сетевая теория изучает конкретные стратегии, рекурсивно и продуктивно встроенные в отношения производства объектов, организаций, субъектов и т.п. ANT допускает не один, а множество современных «способов упорядочивания».

Что означает это различие между подходом М. Фуко и акторно-сетевым анализом? Предположим, что объекты действительно представляют собой просто «относительные неопределенности» («контингентности»). Это означает, что способы их образования и то, как приобретают устойчивость сформировавшие их отношения, – вопрос преимущественно эмпирический. В свою очередь, как подчеркивают теоретики акторно- сетевого подхода, вся совокупность возможностей мира ограничена, но ограничена случайным образом, и поскольку Вселенная может явить нам разнообразное множество вещей, способы их упорядочивания не агрегируются в большие эпистемические блоки.

Насколько удачен выбранный нами способ рассуждения? С одной стороны, можно рассматривать вышесказанное как освобождение от мрачной одержимости Фуко границами условий возможного, от его предубеждения против всего, что за последние двести лет незаметно лишило нас свободы посредством логики и стратегии современной эпистемы¹. Однако есть и другая возможность: сказать, что подобное рассуждение – лишь форма слепоты. В таком случае акторно-сетевая теория оказывается вовлеченной в интеллектуальную и политическую борьбу против попыток заглянуть за границы возможного. Найти неоткрытый континент и исследовать затененные, гетеротопичные места – места Иного, которые лежат за пределами сегодняшних возможностей².

Данная работа посвящена этому недостатку «инаковости» (alterity). Мой вопрос таков: *что есть объект, если мы начинаем думать об «инаковости» серьезно?* Здесь я попробую рассмотреть эту тему пространственно или, вернее, топологически. Во-первых, я настаиваю на том, что производство объектов действительно имеет пространственные следствия; и, далее, что пространство не самоочевидно и не единично, но имеются *множественные формы пространственности*. Во-вторых, я предполагаю, что использование объектов само создает *пространственные условия возможности и невозможности*. Пространственности порождаются и приводятся в действие расположенными в них объектами – именно этим определяются границы возможного. (Следуя первому утверждению, стоит упомянуть, что пространственные возможности по своему характеру также множественны.) Существуют различные формы пространственностей; те, о которых говорим мы, включают в себя регионы, сети и потоки. В-третьих, я предполагаю, что эти *пространственности и объекты, которые заполняют и создают их, плохо совместимы, т.е. находятся в напряженных отношениях*. Они Иные по отношению друг к другу. Объектность есть отражение и творение их несовместности, результат переключения различных пространственных возможностей.

Португальцы

В исследованиях, посвященных «науке, технике и обществу» (STS studies), теоретический анализ, как правило, опирается на рассмотрение ряда эмпирических примеров. Для нужд своего анализа мы обратимся к примеру одного крупномасштабного и весьма заметного исторического явления – технологиям португальской колониальной экспансии³.

Как известно, пиренейская мореходная техника – новые корабли и новые практики навигации – играли ключевую роль в колониальном доминировании Европы. Христофор Колумб добрался до Центральной Америки в 1492 году, Васко да Гама достиг берега Индии

¹ Исключительно интересный анализ гетеротопий за пределами ограничений «эпистемы современности» предложен Кевином Хезерингтоном (Hetherington, 1997).

² Подобную критику высказали Ник Ли и Стив Браун (Lee and Brawn, 1994), а также Сьюзен Ли Стар (Star, 1991).

³ Это исследование описано в (Law, 1987).

в 1498. Описание кораблей, использовавшихся в ранние периоды экспансии, позволяет выделить несколько технических особенностей. Эти суда были удобны в управлении (мобильные корабли быстро переоснащались при смене ветра); относительно защищены от abordaja (даже если атакующим удавалось забраться на борт, их встречал смертоносный огонь из укрытий на носу и корме); автономны (благодаря передовым техникам навигации, которые позволяли кораблям удаляться на значительное расстояние от земли и пользоваться всеми преимуществами попутных ветров и течений), а также обладали существенными транспортными возможностями и обслуживались немногочисленными командами (то есть, в отличие от гребных кораблей, могли оставаться в море месяцами).

Таким образом, в картине ранней португальской и испанской экспансии особое место занимают огромные корабли – галеоны – уходящие в море, проводящие в плавании до восемнадцати месяцев, возвращающиеся (если возвращающиеся) с грузом специй или награбленного золота. «Если» – потому что, несмотря на успех этой новой мореходной техники, с ее оригинальными кораблями и приспособленными к новым условиям навигационными технологиями, корабли тонули, терялись или их команды погибали от голода и тропических болезней. Как говорили португальцы: «Если хочешь научиться молиться – отправляйся в море».

Акторно-сетевая теория об объектах

С точки зрения акторно-сетевой теории описанная выше техника представляет собой *сеть*, причем сетевой анализ применим к различным уровням ее изучения. Например, корабль может быть представлен в виде сети – сети остовов, рангоутов, парусов, канатов, пушек, складов продовольствия, кают и самой команды. С другой стороны, при более обобщенном рассмотрении, навигационная система, со всеми ее эфемеридами, астролябиями и квадрантами, таблицами расчетов, картами, штурманами и звездами, также может быть рассмотрена как сеть. Далее, при еще более отстраненном анализе, вся португальская имперская система в целом, с ее портами и пакгаузами, кораблями, военными диспозициями, рынками и купцами может быть описана в тех же категориях⁴.

Выше было упомянуто множество объектов. Аргумент акторно-сетевой теории таков: объект (например, корабль) остается объектом до тех пор, пока отношения между ним и связанными с ним объектами устойчивы и все сохраняется на своих местах. Штурманы, противники-арабы, ветра и течения, команда, складские помещения, орудия: если эта сеть сохраняет устойчивость, корабль остается кораблем, он не тонет, не превращается в щепки, напорвшись на тропический риф, не оказывается захваченным пиратами и уведенным в Аравийское море. Он не пропадает, не теряется до тех пор, пока команда не сломлена болезнями или голодом. Корабль определяется своими отношениями с другими объектами, и акторно-сетевой анализ направлен на исследование стратегий, которые производят (и, в свою очередь, произведены) этой *объектностью*, синтаксисом или дискурсом, определяющими место корабля в сети отношений.

Брюно Латур предложил интересную версию этой истории. Он говорит о *неизменных мобильностях* (Latour, 1990). Корабли представляют собой «мобильности», потому что действительно перемещаются из Лиссабона в Калькутту. А «неизменные» они потому, что сохраняют при этом перемещении свою форму как сетевые единства. Таким образом, сетевая метафора действует в двух направлениях, на двух уровнях анализа, упомянутых выше. Неизменные мобильности, будучи объектами, сами являются сетями, ансамблями отношений. Но они также включены в сеть отношений с иными объектами. Если эта сеть разрывается, корабль перестает быть кораблем, теряет свою сетевую форму, превращаясь во что-то другое.

---

⁴ Вопрос масштаба здесь особенно значим и требует отдельного рассмотрения.

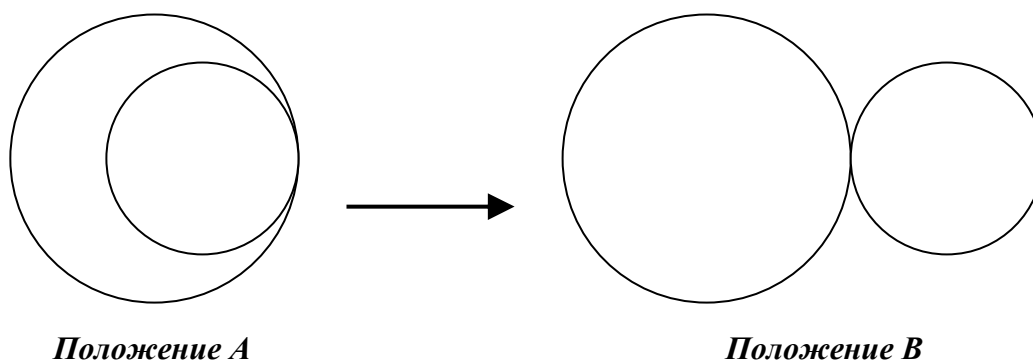
Введение в топологию

Все вышесказанное – пример классического акторно-сетевого анализа. Менее привычна другая идея: конституирование объектов с необходимостью предполагает включение пространственных отношений. Латуровский термин «неизменные мобильности» отсылает к понятию движения – движения через пространство. Мы еще вернемся к этому позже. Пока же отметим, что идея сети (или существования объектов как сетевых единств) пространственно не нейтральна⁵ и указывает на производство определенного типа пространства. Чтобы прояснить этот аргумент, нам потребуется краткое отступление в топологию.

Топология – отрасль математики, изучающая характер объектов в пространстве. Как она работает на практике? Нематематический ответ состоит в том, что топологи изучают пространственность с точки зрения непрерывности фигур. Фигуры сохраняют свойство непрерывности, даже будучи деформированными. В топологии, например, утверждается, что фигура сохраняет непрерывность своей формы, если она сплющена, согнута или растянута, но не в том случае, если она разорвана или сломана. При разрыве или повреждении поверхности она трансформируется, то есть не является более *гомеоморфной*. Например, топологически куб тождественен сфере, они гомеоморфны. Однако обе эти фигуры принципиально отличаются от фигуры бублика, потому что бублик можно получить из шара или куба, лишь проделав в них отверстие. В двумерном пространстве окружность и квадрат гомеоморфны, но отличны от дуги – чтобы получилась дуга, линию, образующую окружность (или квадрат), нужно разрезать.

Приведенные примеры согласуются с тем, что говорит о пространстве европейско-американский здравый смысл: пространство по характеру своему географично, евклидово. Но это обманчивое ощущение, потому что евклидова геометрия описывает лишь одну из пространственных возможностей. Топологи создают и исследуют разные вероятные пространства или (что, впрочем, одно и то же) различные условия, в которых объекты могут быть деформированы без повреждений. Конвенциональный характер этого вопроса станет более очевидным, если мы обратимся к примеру на *Рис. 1*.

Рис. 1. Гомеоморфное или не гомеоморфное преобразование?

Топологически две эти формы не эквивалентны. Потому что если мы захотим преобразовать Положение А в Положение В, нам будет недостаточно одной лишь деформации. Нам придется разрезать большую окружность, чтобы вытащить меньшую «наружу». Следовательно, непрерывность большей окружности будет нарушена, а гомеоморфизм – потерян. Однако это верно лишь в том случае, если мы мыслим в двумерном пространстве и вынуждены проводить свои преобразования на плоскости. Если же мы не ограничены двумя измерениями, то достаточно перекинуть одну окружность через

⁵ Эта идея развита в нашей совместной работе с Анн-Мари Мол. См.: (Mol and Law, 1994).

другую в точке их соприкосновения и Положение А будет преобразовано в Положение В без утраты гомеоморфизма. Непрерывность объекта не пострадает.

Приведенный пример иллюстрирует два интересующих нас аспекта проблемы: во-первых, он показывает, что пространственность – это конвенция; во-вторых, что для адекватного ее описания одной евклидовой геометрии мало⁶. Кроме того, пример с окружностями показывает, как тесно связаны между собой вопросы пространственности и непрерывности объектов. При каких обстоятельствах объект может быть изменен (например, перемещен в пространстве относительно прочих объектов) без трансформации его формы? Этим вопросом занимается топология как область математики, призванная исследовать способности различных фигур к трансформациям (и различные пространства, которые делают эти трансформации возможными). Соответственно, существует множество способов определения того, что будет считаться непрерывностью формы и что – пространством.

Евклидово и неевклидово пространство или «Что такое корабль»?

Как мы отметили выше, для европейско-американского здравого смысла наиболее очевидной формой пространства является евклидово пространство. Фигура здесь мыслится как нечто помещенное в систему координат, образованную тремя ортогональными осями, а объект полагается неизменным, если его координаты в трехмерном пространстве остаются постоянными относительно друг друга. Изменение – например, перемещение объекта с одного места на другое, перемещение относительно других объектов – не означает утраты гомеоморфизма, если только отношение координат остается прежним. Так, корабль остается тем же самым кораблем, если, плавая по морям, сохраняет свою форму как физическое тело. Однако акторно-сетевая теория работает с другой, гораздо менее очевидной формой пространственности. Зададимся вопросом: что составляет непрерывность формы объекта как сетевого единства? *Объект остается тем же самым объектом, пока сохраняет свое место в устойчивой сети отношений с другими вещами.* Следовательно, ответ на данный вопрос: *стабильность порядка отношений.* Чтобы можно было показать пальцем на объект и сказать: «это корабль» (причем, корабль нормально функционирующий): корпус, парус, мачта, снасти, руль, цейхгауз, команда, вода, ветер – все это и многое другое должно сохранять свои *функциональные* связи⁷. Все части должны быть на «своих местах» и делать свою работу. На языке акторно-сетевой теории можно сказать, что все элементы должны быть «включены» (enroll) и оставаться «включенными». Так что нормально функционирующий корабль заимствует силу ветра, легкость течения, энергию команды и все это заключает в себе самом.

Обратите внимание: в евклидовом пространстве корабль есть устойчивая совокупность *ортогональных координат*, описывающих положение кормы, носа, киля, мачты и парусов относительно друг друга; пока корабль плывет, все эти части образуют единое целое. В пространстве сетей корабль также представляет собой устойчивый и непрерывный объект, «сетевую форму», целостность которой зависит от позиций всех релевантных, связанных с ним объектов. Так поддерживается объектная сущность судна. Это означает, что корабли *пространственно или топологически множественны*, т.е. находятся одновременно и в евклидовом пространстве и в пространстве сетевых отношений. Корабли гомеоморфны в каждом из пространств, поскольку сохраняют свою форму в обоих: физически – в одном, функционально или синтаксически – в другом. Однако *перемещаются эти объекты лишь в евклидовом пространстве*, в пространстве сетей они неподвижны. Никакого изменения отношений между компонентами, образующими корабли как объекты, не происходит. А если происходит, значит, что-то не так, значит их сетевая форма

⁶ Те, кто в этом сомневается, могут попробовать представить себе аналогичный пример со сферами вместо окружностей. Может ли малая сфера покинуть пределы большой сферы, не разрывая ее? Да, но только через четвертое измерение!

⁷ Понимание того, как важен концепт «функциональности» в акторно-сетевой теории и некоторых других объяснительных схемах пришло ко мне после бесед с Клаудией Кастаньедой. Я исключительно признателен ей.

«разорвана». В то же время именно неподвижность корабля в сетевом пространстве делает возможным его перемещение в пространстве евклидовом, позволяя ему без повреждений покрывать расстояние между Калькуттой и Лиссабоном.

Такова анатомия латуровского понятия «неизменной мобильности». Неизменность здесь относится к сетевому пространству, тогда как мобильность – атрибут пространства евклидова. Резюмируя, можно сказать, что объекты способны к перемещениям благодаря своей топологической комплексности, благодаря тому, что они существуют одновременно в различных пространственных системах и потому что произведены они как пересечения этих пространственностей. Забегая вперед и рискуя сделать чрезмерно поспешный вывод, уточним данное нами выше определение объекта: *объекты представляют собой пересечения характеристик неизменности формы в разных топологиях*⁸.

Создание пространственности

Европейско-американскому здравому смыслу свойственно ощущение «вечного евклидова пространства» – кажется, что пространство предшествует объектам и определяет условия их возможности. Мы чувствуем, что пространство появилось задолго до нас, что оно представляет собой нейтральный «контейнер», внутри которого нашим телам (или португальским кораблям) приходится существовать. Отчасти это так. Без сомнения, существуют отдельные пространственные конфигурации, предшествующие некоторым объектам в евклидовом пространстве. Но, как мы отмечали выше, в топологии вопросы пространственности и гомеоморфизма объектов неразрывно связаны. Действительно, топологически объекты и пространства *созданы вместе*. Изобретая объекты и определяя, что в их случае будет считаться неизменностью формы, топология вместе с тем изобретает и определяет пространственные условия их возможности. Однако мы можем развить этот аргумент и за пределами топологии. Объект из нашей повседневной жизни, сформированный, деформированный или перемещенный с сохранением непрерывности формы в евклидовом пространстве, *в то же время* создает это пространство. Или, если сформулировать данный тезис более общо и лаконично, *пространства сделаны с использованием объектов*.

С точки зрения здравого смысла такое утверждение неприемлемо в основном потому, что мы не видим *работы* по производству пространства. Пространственность «осела» в вещах. Если евклидово пространство воспринимается как вечное и неизменное, то представление о пространстве как о пред-существующем контейнере кажется вполне приемлемым. Поверить в создаваемость пространства трудно. Однако здесь – скорее случайно, чем намеренно – акторно-сетевая теория может оказаться полезной. Представить себе создание сети соотносимых друг с другом объектов гораздо легче, чем производство евклидова пространства (уже хотя бы потому, что в производство объектов вовлечена более или менее зримая инженерия). Действительно, это старая территория акторно- сетевого подхода, изначально предназначенного для изучения гетерогенной инженерии сетей, циркуляции неизменных мобильностей, формирования структур отношений, которые гарантируют, что законы Ньютона (как замечает Брюно Латур) будут одинаковы в Лондоне и Габоне (Latour, 1988: 227). Аргумент ANT таков: когда создается (сетевой) объект, создается также и весь (сетевой) мир, с его собственной пространственностью, собственным определением гомеоморфизма и непрерывности формы⁹.

⁸ Это заключение может увести нас в область чисто спекулятивных рассуждений. Далее я постараюсь избежать такой спекулятивности, указав, во-первых, на взаимное производство пространств и объектов, во-вторых – на то обстоятельство, что объекты просто не могут быть корректно описаны без должного внимания к их интер-топологическому происхождению.

⁹ Вот почему некоторые теоретики ANT иногда говорят, что ничего не существует вне сети. Впрочем, этот тезис ведет к развитию «сетевого колониализма», утверждению идеи сетевого пространства как первичного, что само по себе неверно.

Сети создают регионы, регионы создают сети

Однако это всего лишь первый шаг. Все гораздо сложнее, поскольку образование сетевых пространств предполагает также производство евклидовой пространственности¹⁰. Отчасти это вполне очевидный аргумент. Объекты (например, корабли), регионы (скажем, страны), измерения расстояний (таких, как расстояние от Лиссабона до Калькутты) *произведены сетевыми средствами*. Например, границы и расстояния произведены исследователями, которые знали, как использовать теодолиты, чтобы измерить углы между тригонометрическими точками, сделать аккуратную запись этих измерений, доставить запись в картографический центр, где на основе уже имеющихся измерений и с использованием имеющихся навыков на двумерной поверхности была нарисована карта¹¹.

Анн-Мари Мол как-то заметила, что акторно-сетевой подход представляет собой средство для борьбы с регионами. Если быть более точным, это способ размывания «естественности» региона, разрушения его самоочевидности. Наша задача – показать, что евклидовы условия пространственной возможности или невозможности не даны самим порядком вещей. Напротив, не только сетевые объекты и пространства произведены, но также, по аналогии, и евклидово пространство – есть результат производства. Точнее, результат серии производств устойчивых объектов и параллельного определения гомеоморфизма как неизменности относительных ортогональных координат; результат серии производств, которые хотя бы частично происходят в сетевом пространстве.

Но если сети способствуют образованию регионов, то существуют ли сети «сами по себе», не испытывая обратной зависимости от евклидова пространства? Действительно ли они, как склонны полагать ANT-теоретики, пространственно автономны? Есть несколько оснований для отрицательного ответа на эти вопросы. Например, приводившееся выше утверждение о зависимости сетевого объекта от серии производств в различных и дополнительных по отношению друг к другу топологических системах. (Мы еще вернемся к данному тезису.) Однако более очевидным нам кажется другой аргумент: создание сетевых объектов напрямую зависит от сохранения их гомеоморфизма в евклидовом пространстве.

Вернемся к португальским кораблям. Как мы видели, они представляют собой сетевые объекты, неизменность которых обусловлена своего рода синтаксисом, порядком отношений. Но они *также* являются объектами в евклидовом пространстве. Так или иначе, *корабль может быть целостным сетевым объектом только в том случае, если является неповрежденным евклидовым объектом*. И здесь возникает затруднение. *Чтобы создать объект, гомеоморфный в пространстве сетей, приходится иметь дело с евклидовым пространством*, т.е. создавать объект (в данном случае объект, имеющий форму корабля), чьи относительные евклидовы координаты постоянны.

Каковы следствия этого утверждения? Их два. Во-первых, старый иерархический подход акторно-сетевой теории – якобы пространство сетей и сетевые объекты являются *основанием* евклидовой пространственности и евклидовых объектов – ошибочен. Напротив, отношения между двумя этими типами пространственностей и объектностей двусторонни. Во-вторых, производство объекта в одном пространстве предполагает изменения в другом. Иными словами, как было указано выше, *производство объектов всегда носит мультитопологический характер*, своей «непрерывностью» объекты обязаны пересечению различных пространств.

¹⁰ Этот аргумент развивают не только сторонники акторно-сетевого подхода. Например, см. работы Д. Харви (Harvey, 1989) и Н. Трифта (Thrift, 1996).

¹¹ Все это детально было исследовано в работе (Latour, 1990).

Втулочный насос как «изменчивая техника»*

Пока мы говорили только о евклидовом и сетевом пространствах, но существуют и иные возможности. Для исследования одной из них я прибегну к другому эмпирическому примеру – примеру зимбабвийского втулочного насоса, описанного в образцовой работе Марианны де Лэт и Анн-Мари Мол как феномен *нестабильной техники* (de Laet and Mol, 2000)¹². Нестабильным этот прибор делает размытость и неопределенность его границ:

Что представляет собой зимбабвийский втулочный насос? Устройство для выкачивания воды из земли, получившее наименование по названию самой значимой части своего механизма? Тип гидравлики, «производящей» воду в определенных количествах и из определенных источников? Или санитарное устройство, которое благодаря бетонной плите, опалубке, гравии и обсадным трубам, не позволяет просочиться зараженной и грязной воде? Тогда в «состав» насоса следует включить саму пробуренную скважину, а также все необходимые измерения, инструкции и пробы. Без них насос непригоден. А как быть с местным сообществом? Насос не может существовать вне деревень, поскольку тогда некому будет поддерживать его в рабочем состоянии, может быть, и местное поселение следует добавить к его определению? Тогда, по-видимому, границы определения насоса совпадут с границами Зимбабве: даже по самым скромным меркам зимбабвийский втулочный насос вносит в создание Зимбабве не меньший вклад, чем Зимбабве – в создание втулочного насоса (de Laet and Mol, 2000: 273).

Разве не составные части насоса определяют его объектность и поддерживают его «идентичность»? Однако болты, которыми насос крепится к своему основанию или ручка – к насосу, часто оказываются ненужными. Есть насосы, которые прекрасно без них обходятся. Кожаная изоляция в них с успехом замещается старой крышкой. Возможно, *существует* «устойчивое ядро» насоса – некоторые существенные его части – но это ядро постоянно размывается. «Сущностные» механизмы оказываются несущественными и легко заменимыми.

А если мы рассмотрим насос как устройство, обеспечивающее жителей чистой водой? Это тоже очень неопределенный критерий. Иногда насос качает воду, индекс кишечной палочки в которой менее 2,5 микроорганизмов на 100 мл, но отнюдь не всегда. Порой данный показатель вырастает в десять раз, причем без заметных признаков заболевания среди жителей – все зависит от того, кто использует насос. Или вода может быть «грязной», но все же гораздо чище, чем вода, доступная жителям в близлежащем ручье; тогда мы по-прежнему вправе говорить о «нормально работающем насосе». И опять же если мы не в состоянии зафиксировать бактериологическое загрязнение воды, нашим единственным критерием остается отсутствие заболеваний среди жителей.

Рассмотрение изменчивой природы втулочного насоса может быть продолжено. Получим ли мы искомое «стабилизирующее» определение, если скажем, что насос – это устройство, вовлеченное (как часть государственной зимбабвийской политики) в строительство местных сообществ? Ответ – нет. Часто деревенские общины действительно поощряются к установке на своей территории втулочных насосов, но отнюдь не всегда; насосы конструируются стихийно небольшими группами семей, и, соответственно, не могут рассматриваться как инструмент социальной инженерии зимбабвийского государства. Более того, изменчивость насоса, его «нефиксированность» оказывается важным условием его эффективности: устройство легко трансформируется, приспособляясь к местным условиям. Никакой фиксированной структуры, никакого жесткого определения. Будучи

---

* Далее для описания этой формы пространственности, отличной как от пространства сетей, так и от евклидова пространства, автор использует понятие «fluid» – термин, которым в физике обозначаются жидкие и газообразные вещества. Дословно: «текущий», в переносном значении – «подвижный», «изменчивый», «нестабильный». Выражения «текущая пространственность» и «пространство потоков» используются автором как синонимичные (*Прим перев.*).

¹² Представленный здесь аргумент впервые был изложен в нашей совместной работе (Mol and Law, 1994), а содержание эмпирического исследования подробно изложено в (de Laet and Mol, 2000). Аналогичную мульти-топологическую аргументацию см. (Law and Mol, 1998).

установленным и используемым, насос непрерывно трансформируется, меняет свою форму, работает различными способами. В этом есть что-то от поведения его изобретателя, который твердо отказывается принять авторство своего изобретения.

Морган – человек, положивший начало этому *распределенному действию*... уверен в необходимости отказа от контроля. Успех внедрения, полагает он, зависит от привлечения тех, кто будет непосредственно использовать внедряемое устройство. Соответственно, нужно расчистить место для их собственных методов и интуиции. В противном случае любое нововведение обречено. Для сферы водоснабжения, говорит Морган, особенно характерно, что все новое и незнакомое попросту не работает, а яркие и сверкающие приспособления превращаются в груды ржавой и бесполезной техники (de Laet and Mol, 2000: 251).

Изменчивая непрерывность

Итак, в евклидовом и в сетевом пространствах втулочный насос – нестабильный объект. Вероятно, его гомеоморфизм утрачивается при постоянных трансформациях. Однако такой вывод ставит нас перед проблемой: действительно ли речь идет о «сломанном» объекте или все же насос сохраняет гомеоморфность, но в некоем ином пространстве? Де Лэт и Мол высказываются в пользу второго решения. Насос как изменчивое устройство является частью (и участвует в производстве) особого типа текучей пространственности – пространства потоков.

Каковы правила преобразования формы в этом пространстве? Каким образом объект сохраняет непрерывность формы в текучем мире? Из примера с насосом мы можем вывести четыре заключения.

- Во-первых, *ни одна конкретная структура отношений не является привилегированной*. Это означает, что текучие объекты сохраняют свою идентичность в процессе образования новых отношений: реконфигурации уже существующих элементов или добавления других. Однако отсюда следует весьма сильное утверждение – в пространстве потоков *изменение* необходимо для сохранения гомеоморфизма. Объекты, которые зафиксированы и стабильны, например, в пространстве сетей, оказываются сломанными в текучем пространстве. Они иные по отношению к нему.

- При этом не стоит забывать о непрерывности. Соответственно, наш второй вывод состоит в том, что *отношения, формирующие объект в пространстве потоков, меняются, но не одновременно, а постепенно*. В пространстве изменчивости «топологический разрыв» и утрата целостности происходят не только в случае «застывания» объекта, прекращения всякого его изменения, но и в случае слишком масштабных его трансформаций, которые также разрушают гомеоморфизм. Если все демонтируется одновременно, результатом будет потеря непрерывности формы и идентичности объекта. Возможно, в итоге появится некий иной, альтернативный объект, но он более не будет втулочным насосом.

- В-третьих, из приведенного примера следует, что *граница изменчивого объекта не фиксирована*. Его части могут устраняться и замещаться другими. Невозможно начертать на песке линию (региональная метафора) и сказать, что гомеоморфизм зависит от этой границы. Действительно, установить жесткую фиксированную границу, значит разрушить изменчивый объект, поскольку гомеоморфизм в пространстве потоков зависит от подвижности границ. Ригидное установление «внутреннего» и «внешнего» чуждо текучей объектности.

- Однако при всей их подвижности *границы необходимы для существования объекта в пространстве потоков*. В какой-то момент различия пересиливают, гомеоморфизм утрачивается: объект изменяется слишком сильно и из втулочного насоса превращается, например, в поршневой насос. Или же растворяется в некоем большем объекте, прекращая свое самостоятельное существование. Таким образом, в пространстве потоков не действует принцип «все допустимо» (anything goes). Текучие объекты создаются

практиками, весьма чувствительными к «разрыву», утрате непрерывности. Просто понимание разрыва здесь иное, нежели в сетевом или евклидовом пространстве.

Де Лэт и Мол распространяют такое видение текучего объекта с самого втулочного насоса на его (не)автора Моргана, который отказывается признавать и патентовать свое изобретение. Морган утверждает, что насос был изобретен многократно – во всех местах его разнообразного использования.

Морган создает не-создающего субъекта, растворенное «Я». Не в том смысле, что он сам растворяется и исчезает в пространстве. Распределенным и растворенным оказывается его изобретение. Возможно, его поведение видится нам столь привлекательным, потому что крайне далеко отстоит от поведения современного субъекта, ориентированного на достижение максимального контроля, – субъекта, с легкостью принимающего роль солдата, генерала, завоевателя или любой другой облик сильного и непоколебимого авторитета. Отказаться от контроля, служить людям, прислушиваться к *нга-нга* [шаманам, ищущим воду], смотреть, как изменяется, приспособляясь к местным нуждам, твое изобретение – это не поведение суверенного хозяина. Это феминистская мечта об идеальном мужчине (de Laet and Mol, 2000: 251-252)¹³.

Отсюда следует один любопытный вывод. Различие между современным субъектом (кто-то добавит – современным объектом) и несовременным субъектом/объектом показывает, что многие так называемые «потoki» вовсе не принадлежат текучей пространственности. Например, неизменные мобильности, вроде корабля, являются неизменными, потому что сохраняют свою форму одновременно и в сетевом, и в евклидовом пространствах. Они перемещаются («плывут») в евклидовом пространстве, но, к пространству потоков никакого отношения не имеют. Следовательно, многое из того, что говорится о «глобальных потоках»¹⁴ – информации, капитале, людях – также принадлежит сетевому пространству и столь же мало относится к изменчивой поточной пространственности.

Действительно, как мы видели выше, текучие объекты теряют свой гомеоморфизм, будучи закрепленными и зафиксированными; эти объекты выходят за пределы возможного в сетевом пространстве¹⁵. То же касается центров. Краткий эмпирический экскурс. В конце XIX в. во Франции сложилась практика: если вы хотели спасти свою корову от сибирской язвы, вы вынуждены были обращаться в лабораторию Луи Пастера (Латур, 2002). В результате, лаборатория аккумулировала ресурсы, необходимые для того, чтобы закрепить ее неоспоримое превосходство. Таким образом, Институт Пастера – как объект в сетевом пространстве – стал центром аккумуляции, его отношения с другими «местами» были закреплены и фиксированы.

Но это именно то, чего стремился избежать Морган! Притом, изобретенный им втулочный насос пользуется немалым успехом. Просто его успех не приносит прибыли и вознаграждений одному конкретному человеку. Нет стратегического местоположения, где аккумулируются ресурсы, – нет центра и периферии¹⁶. Морган действительно «субъект пространства потоков»: как и изменчивые объекты, он находится вне сетевых ограничений. А потому он более или менее непонятен. Иной.

¹³ Для Мол и де Лэт идеальный мужчина – это «человек потока». Нежелание Моргана капитализировать собственное имя контрастирует с той беспардонной централизацией, которую некогда предпринял Луи Пастер, превративший свою лабораторию в «точку обязательного прохождения» для всех желающих получить вакцину против сибирской язвы. Подробнее об этом см. (Latour, 1988).

¹⁴ Пожалуй, наиболее яркий пример подобных описаний можно найти в работах Кастельса (Кастельс, 1999).

¹⁵ Этот аргумент был впервые изложен в работе (Mol and Law, 1994).

¹⁶ К этому тезису многое может быть добавлено. Несомненно, стратегии гибкой аккумуляции [которые обнаруживают современные капиталистические отношения] демонстрируют нам связь объектов, существующих одновременно в сетевом пространстве и пространстве потоков – это не просто вопрос перемещения неизменных мобильностей. Но зверю капитализма нужна берлога, капиталистические отношения должны где-то аккумулироваться – даже если это «где-то» перемещается в евклидовом (и даже в сетевом) пространстве. Более подробно данная дискуссия изложена в (Law and Netherington, 2000).

Пересечения

Анализ примеров заставляет нас перейти от описания отдельных пространственностей к вопросу об их пересечении. Выше мы предположили, что объекты существуют и сохраняют непрерывность формы в нескольких различных пространственных системах, и, как следует из рассмотренных примеров, текучесть часто чужда пространству сетей. Но как, в таком случае, должны мыслиться пересечения пространственностей?

Чтобы серьезно разобраться в этом вопросе, одной статьи недостаточно. А потому здесь я ограничусь четырьмя краткими замечаниями, касающимися пересечения пространств сетей и потоков.

1. Поскольку сетевые объекты имеют свойство превращаться в объекты текущие, следует избегать излишней романтизации изменчивости. От сетевых объектов нелегко (если вообще возможно) избавиться. Нормально функционирующий объект иногда должен принимать форму сетевого объекта: здесь, конечно, вспоминаются португальские корабли, но даже втулочный насос обладает ядром устойчивых сетевых отношений – отношений вертикальных труб, рычагов, клапанов, шатунов и т.д. Насос также существует в евклидовом пространстве и создает это пространство. Как прочие объекты, он возникает на пересечении гомеоморфных отношений в нескольких топологических системах. Короче, даже в изменчивом мире потоков *сеть играет исключительно важную роль*.

2. И наоборот, сетевые объекты и реалии *зависят от изменчивости пространства потоков*. Например, приведенное выше сетевое описание португальских кораблей, очевидно, неполно – оно оставляет за скобками всю «специальную изменчивость» корабельной техники, необходимую для того, чтобы удержать корабль на плаву в течение восемнадцатимесячного путешествия в Индию и обратно. Иными словами, сетевой гомеоморфизм, обнаруживаемый исследователем в любом центре аккумуляции, скрывает бесконечное многообразие случайных, текучих, ситуативных изменчивостей.

3. Отсюда следует, что такая «работа потоков» часто остается *невидимой*: она просто не гомеоморфна в пространстве сетей и потому неопишима. Сети произведены неизменными мобильностями (которые, в свою очередь, произведены сетями) – товарами, дисциплинированными исполнителями и особенно данными, прочно связанными друг с другом в узловом центре сети, центре аккумуляции. Сетевая пространственность зависит от сетевых объектов, сохраняющих целостность благодаря порядку (аналогичному синтаксису) постоянно выполняемых функций. Следовательно, то, что не произведено в рамках такого инвариантного функционального синтаксиса, *вообще не может быть представлено ни в каком узловом центре сети*. Говоря метафорически, изменчивость «протекает» сквозь сеть.

4. В тех же случаях, когда объекты/субъекты, принадлежащие пространству потоков, становятся различимыми в сетевом пространстве, они выглядят опасно *неопределенными, нечеткими и размытыми*. В отличие от Пастера, Морган не производит впечатления человека, чьи действия организованы и взаимосвязаны. Специалисты сферы здравоохранения, бухгалтеры, архитекторы, люди с улицы – все они смотрятся так, будто им не удается выдержать требования соответствующего протокола: медсестры самостоятельно проводят операции, матери не укладывают своих детей спать на спине, лаборанты пренебрегают инструкциями, стрелочники на железнодорожных станциях выполняют свои обязанности спустя рукава¹⁷. Наша гипотеза такова: сети поддерживают гомеоморфизм включенных в них объектов, и все, что препятствует его поддержанию – в том числе описанная выше изменчивость, – становится одновременно видимым и чужим, распознается как вероятность утраты сетевого гомеоморфизма и, следовательно, как угроза.

Заключение

Топология создает пространства посредством установления правил, правила дают ответ на вопрос «что именно следует считать гомеоморфным объектом?». Число возможных

---

¹⁷ Примеры из области здравоохранения заимствованы из работ В. Синглтон (Singleton, 1998), (Singleton, 2000). Случай стрелочников исследован в работе (Law and Mol, 2002).

правил (и, соответственно, возможных пространств) не ограничено. Акторно-сетевая теория настаивает на пространственном понимании объектов и объектном понимании пространств, населенных и созданных этими объектами. Отсюда напрямую следует отказ от реификации евклидова пространства, указание на взаимное производство пространств и объектов. Некоторые версии акторно-сетевой теории нацелены на установление граничных условий пространственной (и политической) возможности¹⁸. Анализ изменчивостей, напротив, указывает на то, что гомеоморфные объекты в пространстве потоков одновременно сопротивляются условиям сетевой пространственности и поддерживают ее. Способы, которыми они это делают, кажутся беспорядочными, неорганизованными и далекими от совершенства, но выглядят они так лишь в перспективе сетевого пространства. Зачастую изменчивые формы представляются «ошибкой сети»: мол, если бы их удалось вернуть к сетевой организации, вещи были бы лучше. Таково распространенное заблуждение.

Цель настоящей статьи – денатурализация сетевого пространства и сетевых объектов, как созданных, производных, и фокусировка на топологически множественных объектах, существующих в качестве пересечений или точек интерференции различных пространств – регионов, сетей и потоков. В частности, я предположил, что объекты могут быть поняты как пересечения между различными определениями непрерывности формы: евклидовой, сетевой и текучей.

Наконец, я попытался предложить пространственное понимание инаковости. Вопреки тому, что обычно говорится и делается, существуют объекты и пространства, лежащие за пределами сетей. Я хотел бы закончить свой текст утверждением: пространственные системы *политически не нейтральны*. Они являются политическими, потому что создают объекты и субъекты определенного вида и с определенным типом гомеоморфности. Потому что устанавливают пределы условиям возможности объектов. Потому что формулируют запреты на те или иные формы «инаковости». И потому что (как в случае с сетевым пространством) стремятся эти «инаковости» устранить. Сети, таким образом, воплощают и производят «политическое», замаскированное под «функциональное».

В то же время сетевая пространственность не может быть отринута, скорее – осажена или умерена. Следствием этого станет понимание текучей пространственности как потоков, воплощающих и производящих альтернативную политику целостности объектов – политику, не привязанную к функциональности, централизации, синтаксической стабильности или капитализации. Как мы видели, эта политика чужда сетевой пространственности, она *Иная* по отношению к ней. Именно поэтому, в порядке свершения политического выбора, следует исследовать объекты в их пространственной множественности и инаковости, создать и артикулировать альтернативные пространственности, и, в частности, реабилитировать изменчивость пространства потоков.

Литература

- Кастельс, Мануэль* (1999) Становление общества сетевых культур. Антология // Новая постиндустриальная волна на Западе /Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: 1999.
- Латур, Брюно* (2002) «Дайте мне лабораторию, и я переверну мир» // Логос № 5-6 (35) С. 211-241.
- Фуко, Мишель* (1999) Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
- de Laet, Marianne, and Annemarie Mol* (2000) 'The Zimbabwe Bush Pump: Mechanics of a Fluid Technology', *Social Studies of Science* 30: 225-63.
- Haraway, Donna* (1994) 'A Game of Cats Cradle: Science Studies, Feminist Theory, Cultural Studies', *Configurations* 1: 59-71.
- Harvey, David* (1989) *The Condition of Postmodernity: an Enquiry into the Origins of Cultural Change*. Oxford: Blackwell.

¹⁸ Более подробно об этом см.: (Haraway, 1994), (Strathern, 1996), а также работы в сборнике (Law and Hassard, 1999).

- Hetherington, Kevin* (1997) *The Badlands of Modernity: Heterotopia and Social Ordering*. London: Routledge.
- Hetherington, Kevin, and Rolland Munro* (eds) (1997) *Ideas of Difference: Social Spaces and the Labour of Division*. Oxford: Blackwell.
- Latour, Bruno* (1988) *The Pasteurization of France*. Cambridge, MA.: Harvard University Press.
- Latour, Bruno* (1990) 'Drawing Things Together', pp. 19-68 in Michael Lynch and Steve Woolgar (eds), *Representation in Scientific Practice*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Law, John* (1986) 'On the Methods of Long Distance Control: Vessels, Navigation and the Portuguese Route to India', pp. 234-263 in John Law (ed.), *Power, Action and Belief: a new Sociology of Knowledge?* London: Routledge and Kegan Paul.
- Law, John* (1987) 'Technology and Heterogeneous Engineering: the Case of the Portuguese Expansion', pp. 111-134 in Wiebe E. Bijker, Thomas P. Hughes, and Trevor Pinch (eds) *The Social Construction of Technical Systems: New Directions in the Sociology and History of Technology*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Law, John and John Hassard* (eds) (1999) *Actor Network Theory and After*. Oxford: Blackwell.
- Law, John and Kevin Hetherington* (2000) 'Materialities, Spatialities, Globalities', pp. 34-49 in John Bryson, Peter Daniels, Nick Henry and Jane Pollard (eds) *Knowledge, Space, Economy*. London: Routledge.
- Law, John and Annemarie Mol* (1998) 'Metrics and Fluids: Notes on Otherness', in Robert Chia (ed.) *Organised Worlds: Explorations in Technology, Organisation and Modernity*. London: Routledge.
- Law, John and Annemarie Mol* (2001) 'Situating Technoscience: an Inquiry into Spatialities', 19: 609-621.
- Law, John and Annemarie Mol* (2002) 'Local Entanglements or Utopian Moves: an Inquiry into Train Accidents', pp. 82-105 in Martin Parker (ed.) *Utopia and Organization*. Oxford: Blackwell.
- Lee, Nick, and Steve Brown* (1994) 'Otherness and the Actor Network: the Undiscovered Continent', *American Behavioural Scientist*, 36: 772-790.
- Mol, Annemarie, and John Law* (1994) 'Regions, Networks and Fluids: Anaemia and Social Topology', *Social Studies of Science*, 24: 641-671.
- Singleton, Vicky* (1998) 'Stabilizing Instabilities: the Role of the Laboratory in the United Kingdom Cervical Screening Programme', pp. 86-104 in Marc Berg and Annemarie Mol (eds) *Differences in Medicine: Unravelling Practices, Techniques and Bodies*. Durham, NC.: Duke University Press.
- Singleton, Vicky* (2000) 'Made on Locations: Public Health and Subjectivities', submitted.
- Star, Susan Leigh* (1991) 'Power, Technologies and the Phenomenology of Conventions: on being Allergic to Onions', pp. 26-56 in John Law (ed.) *A Sociology of Monsters? Essays on Power, Technology and Domination*. London: Routledge.
- Strathern, Marilyn* (1996) 'Cutting the Network', *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 2: 517-535.
- Thrift, Nigel* (1996) *Spatial Formations*. London: Sage.

Перевод с английского Виктора Вахштайна

Харви Сакс*

Социологическое описание**

Предисловие

В настоящей работе я попытаюсь дать предварительный отчет о некоторых размышлениях последних лет, к которым я пришел в результате чтения «Самоубийства» Дюркгейма и методологических трудов Вебера.

Хотя в предлагаемом черновом варианте мои аргументы обозначены лишь контурно и направление решения едва намечено, надеюсь, суть моих размышлений будет понятна.

Введение

Моя цель — сделать современную социологию странной. Ее позиция в отношении своего предмета кажется настолько необычной мне и настолько естественной большинству тех, кто ее практикует, что представляется необходимым попытаться заново построить отношения между социологическим аппаратом и предметом социологии.

Сначала я изложу свои аргументы.

Я исхожу из того, что по крайней мере некоторые социологи пытаются заниматься социологией научно; я разделяю это стремление, и только в данной перспективе последующая дискуссия имеет смысл.

Как ученые мы стремимся буквально описывать свой предмет. В целях описания мы конструируем (или приспособляем под свои задачи) язык. Хотя, возможно, начинать с нашего языка было бы преждевременно, одно правило должно соблюдаться постоянно: что бы мы ни полагали в качестве предмета, оно должно быть описано; ничто, рассматриваемое нами в качестве предмета, не может стать частью нашего дескриптивного аппарата до тех пор, пока оно не подверглось описанию. В дальнейшем я раскрою мысль, сформулированную в предыдущем предложении.

Социологи предполагают, что социальная жизнь частично состоит в использовании людьми языка. Подобно другим элементам социальной жизни, язык, употребляемый людьми, составляет предмет, который в конечном итоге должен быть описан и который может войти составной частью в наш аппарат лишь будучи описанным.

Можно выдвигать различные гипотезы относительно связи используемого людьми языка с другими*** элементами их поведения. Возьмем одну из излюбленных социологических гипотез: в повседневной жизни люди пользуются разумными представлениями о социальной жизни. Язык, который они употребляют, выражает их представления и составляет описание деятельности. Применяя язык для описания видимого ими сегмента деятельности, они способны предсказать, каким будет следующий сегмент.

---

* Sacks H. Sociological description // *Berkeley Journal of Sociology*. 1963. №8. P. 1-16.

© Корбут Андрей, 2006.

© Центр фундаментальной социологии, 2006.

** Почти все идеи, изложенные в данной статье, были сформулированы в результате многочисленных встреч, которые я имел в последние годы с профессором Гарольдом Гарфинкелем из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. Профессор Гарфинкель не только стимулировал эти размышления нашими встречами и своими (по большей части неопубликованными) работами, но и нашел возможность профинансировать проведение данной работы. Ссылки, которые приводятся в тексте статьи, — лишь слабое отражение того, чем я ему обязан. Следует добавить, что он далеко не согласен со всем тем, что я собираюсь высказать.

Работа была осуществлена в период преддокторантской стажировки при финансовой поддержке Национального института психического здоровья (MF-17.547). Кроме того, она была поддержана в рамках проекта «Методы обоснования мнений при вынесении решений», спонсированного Военно-воздушными силами США. Расширенная версия статьи будет опубликована в сборнике материалов этого проекта.

*** невербальными (прим. ред.)

Гипотеза превращается в объяснение; благодаря предсказаниям люди могут приспосабливаться к действиям друг друга.

Как применяется данная гипотеза?

Социолог (в противоположность антропологу) обычно знает естественный язык тех людей, которых он собирается изучать. Он выбирает определенную категорию норм (заводские правила, юридические правила и пр.), выражаемых в естественном языке. Как член общества он знает, что значат слова, образующие правило, т. е. он знает, к какой деятельности они относятся и в чем именно состоит подразумеваемая ими деятельность. Он отправляется туда, где такого рода деятельность предположительно осуществляется, и наблюдает там сравнительную частоту случаев ее осуществления, описаниями которых эти правила являются и описаниями которых они не являются (когда им следуют и когда их нарушают)¹.

В типичном случае он обнаружит, что большую часть поведения можно рассмотреть как подчиняющуюся данным правилам, и наиболее «интересной» проблемой для него станет объяснение отклонений. В конце концов, мог бы сказать он, нетрудно понять, почему люди ведут себя конформно.

Я буду утверждать, что данная процедура с самых первых шагов неправильно отображает ту работу, которую предпринимает социология, делая своим предметом социальную жизнь².

Приняв в качестве постулата то, что полагаемое нами предметом должно быть описано, рассмотрим, что же на самом деле требуется, чтобы сначала выдвинуть, а затем проверить данную гипотезу (в изложенной выше форме).

Рассмотрим первую ее часть: язык, используемый людьми, составляет описание другой формы их поведения.

Наша первая проблема — описать какой-либо сегмент их языка и какой-либо сегмент другой формы их поведения³.

Во-вторых, нам нужен критерий для определения того, является ли определенный сегмент языка описанием определенного сегмента поведения. Предположим, что в качестве первичного критерия мы принимаем опознание (recognition).

В-третьих, соотнеся наше описание сегмента их языка с нашим описанием сегмента другой формы их поведения, мы предсказываем, что они будут опознавать в качестве сегмента поведения⁴.

Если наши предсказания приемлемо точны, мы можем сказать, что критерий опознания был удовлетворен. То есть на основе установленного соотношения между языком и поведением мы можем подготовиться к проверке сильной версии гипотезы.

Во-первых, мы выбираем описанный нами сегмент языка и описанный нами сегмент другой формы поведения. Мы выбираем сегменты, между которыми была установлена связь.

---

¹ На самом деле, он, скорее, изучает статистические показатели, сообщающие о частоте отклонения. В некоторых случаях, скажем, при исследовании преступлений, он чувствует слабость подобной практики, поскольку осознает (по крайней мере, после Сазерленда), что признания или полицейские отчеты не до конца точны. Как мы увидим дальше, проблема точности вполне обыденна.

² В истории социологии нет более трагической ошибки, чем рассмотрение «Самоубийства» Дюркгейма в качестве образцового исследования.

³ Хотя термин «описание сегмента языка» довольно необычен для социологов, описание языка — вполне распространенная деятельность. Например, лингвисты придают определенный смысл «описанию сегмента языка», строя грамматику. См., например, книгу Б. Харриса «Методы структурной лингвистики» (B. Harris, *Methods in Structural Linguistics*, 1951). Психолог Б. Ф. Скиннер ввел иное представление об описании языка в своей книге «Вербальное поведение» (B. F. Skinner, *Verbal Behavior*, 1957). Однако социологи, даже социологи знания, насколько мне известно, не занимались данной проблемой.

⁴ Мы предсказываем, какие данные будут получены в эксперименте (если мы применяем эксперимент), а не что именно скажут испытуемые. Поскольку данными будут единицы нашего описания их языка, а не слова их языка (слова их языка составляют «сырой материал», который надо преобразовать в данные), различные высказывания на их языке могут предоставлять «те же самые» данные.

Предположим, что в качестве критерия определения части их языкового поведения как описания в сильном смысле слова мы избираем то, что при помощи него они могут, основываясь на определенном фрагменте естественно возникающей «другой формы поведения», предсказать следующий сегмент другой формы поведения. Тогда наша проблема заключается в следующем:

Во-вторых, при помощи своего описания сегмента поведения мы предсказываем, в качестве какого именно они будут опознавать это поведение.

В-третьих, если мы оказались правы, то тогда на основе своего описания созданного ими сегмента языка мы предполагаем, какой следующий сегмент языка они создадут при появлении следующего сегмента другой формы поведения. Мы просим испытуемого «угадать». Если мы правы, мы идем дальше.

В-четвертых, когда предполагаемая форма поведения имеет место, мы предсказываем, будет ли она опознаваться как такая форма поведения, которую предугадывал испытуемый.

Если наше предсказание верно и если оно заключалось в том, что эта форма поведения будет опознаваться (т. е. если это та форма поведения, наличие которой он предугадывал), тогда мы могли бы сказать, что исходная гипотеза разумна, т. е. что полученные данные совместимы с ней. (В этом случае мы могли бы, соблюдая вежливость, перестать говорить о «догадках» исследуемого и начать говорить о его «предсказаниях».)

Я думаю, вполне справедливо утверждать, что, во-первых, социологи не пользуются только что описанной процедурой. Во-вторых, процедура, описанная первой, — типичная социологическая процедура. В-третьих, процедура, описанная второй покажется социологу очень странной.

Поскольку для меня странной представляется скорее первая, чем вторая процедура, цель настоящей статьи, как я сказал, сделать современную социологию странной.

В следующем разделе я представлю «репрезентативную метафору», которая предположительно характеризует позицию, занимаемую сегодня социологией в отношении своего предмета.

I

На научно-промышленной выставке по описанию неспециалиста демонстрация машины происходит следующим образом. Машина состоит из двух звеньев (parts); одно звено делает какую-то работу, а второе синхронно рассказывает вслух о том, что делает первое. Такой подход мы назовем «обыденной перспективой»⁵ восприятия машины. В обыденной перспективе данная машина могла бы называться «комментирующей машиной», а ее составляющие — «делающим» звеном и «говорящим» звеном.

Теперь рассмотрим, как ее могли бы воспринимать другие люди.

Если бы с машиной контактировал (encounter) иностранный инженер, он тоже мог бы «увидеть» два звена. Не зная языка, но зная — из наблюдения, — что машина делает, он мог бы отнестись к ней как к машине, предназначенной для обучения языку. То есть, наблюдая за тем, что делает машина, проговаривал для себя на своем родном языке, что она делает; слушая запись, сопровождающую действия делающего звена, он может выучить определенные слова английского языка, соответствующие словам его родного языка, которые могли бы описывать действия делающего звена. Мы назовем это обыденной перспективой в версии «чужака»⁶. В обыденной перспективе чужака машина занимается опознаваемой деятельностью, рассматриваемой, однако, на основе другого языка. Проблема,

⁵ Понятие «обыденной перспективы» было раскрыто в работе Гарольда Гарфинкеля «Обыденное знание социальных структур», представленной в качестве доклада на Международном социологическом конгрессе в Милане в 1959 г.

⁶ Проблемы, с которыми сталкивается чужак, великолепно проанализированы в работе Альфреда Шюца «Чужак».

с которой он сталкивается, стремясь понять машину, — это проблема «адекватного перевода»⁷.

Существуют также две более радикальные перспективы.

Представим себе, что с машиной контактирует тот, кто знает, что она делает, и владеет ее языком. Он, и только он, способен рассматривать отношение между звеньями как потенциально проблематичное. Если бы существовал какой-либо разрыв между описанием делающего звена, как он его уже понимает, и тем, что он пока принимает в качестве «подразумеваемого описания» (слова говорящего звена), он мог бы решить, что слова, используемые говорящим звеном, дают плохое описание или нуждаются в прояснении. Либо, *при той же комбинации* делающего и говоримого, он мог бы решить, что делающее звено машины неисправно или представлен плохой экземпляр «такой машины, как описываемая».

Он мог бы также решить, и только у него были бы для этого основания, что говоримое метафорично, или иронично, или представляет собой «просто набросок (sketch)», буквальный, но синекдохальный⁸. Либо он мог бы решить, что делаемое — это идеализированная версия «такой машины, как описываемая», или ее упрощенная версия, или карикатура.

В случае, если он будет рассматривать возможные способы снятия проблематичного отношения между звеньями, мы скажем, что он занимается «теоретизированием». В случае если он будет рассматривать «проблематичное отношение между звеньями» в качестве своей проблемы, решение которой состоит в «подгонке (reconciliation) данного отношения», мы скажем, что он разрабатывает «практическую теорию»⁹.

Практическая теория будет состоять в любого рода постановке проблемы (возникающей в результате понимания машины), которая предполагает в качестве решения «подгонку» звеньев, рассмотренных как делающее и говорящее звенья. Например, решениями, обеспечивающими подгонку, могут быть: понимание говоримого как наброска или понимание делающего как неисправного функционирования (как приемы согласования одного звена с концепцией другого звена). Практическая теория требует наличия «изначального преимущества»¹⁰, состоящего а) в совместном с машиной знании используемого ею языка и б) в знании, на основе определенного языка, того, что делает машина. Таким образом, наши предыдущие К (контактирующие) могут стать практическими теоретиками путем преодоления специфического для них недостатка преимуществ. Типы контактов отличаются лишь проявляемым со стороны практического теоретика интересом к принципиальной подгонке. В процессе обыденного контакта подгонка производится на ходу по мере возникновения проблем.

Последняя перспектива, которую я рассмотрю, такова: представим себе сталкивающегося с машиной К, который не знает ни ее языка, ни того, что она делает. Ему не хватает, могли бы сказать другие, их преимуществ. Хотя многие способны оказаться в таком положении, я предположу, что речь идет о наивном ученом. Я делаю такой выбор, поскольку наши предыдущие К могут, изменив установку, принять его перспективу. В таком случае я также прошу читателя представить себя впервые сталкивающимся с социальным поведением как проблемой. Я прошу об этом для того, чтобы читатель мог сравнить возможные перспективы.

Я полагаю, что если бы наивный ученый выслушал последовательное описание, созданное теми, кто контактировал с машиной до него, наиболее странным ему показалось

⁷ О проблеме перевода см. книгу У. Куайна «Слово и объект», особенно гл. 2.

⁸ На возможность подобных разночтений любой современной социологической работы мне указал профессор Гарфинкель.

⁹ Этим понятием я также обязан профессору Гарфинкелю.

¹⁰ Я использую понятие «преимущество» в том же смысле, что и Парсонс (T. Parsons, *The Structure of Social Action*, 1949, p. 583).

бы то, что на свете существует объект, который, если перефразировать их сообщения, был изобретен почти исключительно для облегчения работы его (объекта) научного изучения.

Чтобы понять, что он мог бы иметь в виду под этой фразой, я проинтерпретирую рассматриваемую метафору.

II

В данной метафоре говорится о контакте между множеством перспектив (обыденной, практического теоретика, или современной социологической, и наивно научной) и неким объектом. Общей чертой данных перспектив является всеобщая заинтересованность в придании объекту смысла. Придавая ему смысл, каждый, можно сказать, ставит проблемы, относящихся по разумению каждого, к этому объекту, и предлагает в качестве решения «описание» объекта.

Проблемы, обсуждаемые в данной статье, — их нужно указать, прежде чем продолжить рассмотрение метафоры — таковы. Учитывая многообразие значений понятия «описание» или многообразие критериев определения адекватности предлагаемых описаний, а) какие критерии использует сегодня социология и б) какие критерии она должна использовать, если принять во внимание постулат, гласящий, что предметом ее изучения является социальная жизнь?

Главное «послание» настоящей работы состоит в следующем: даже если можно сказать, что люди создают описания социального мира, задача социологии — не прояснять, «фиксировать» или критиковать эти описания, а описывать их. Описание людьми социальной жизни (если так можно истолковать их деятельность) является такой же реализацией (happening) субъекта, как и любая другая реализация любого другого субъекта, в том смысле, что она представляет работу для социологии, но, в противоположность любой другой реализации субъекта, она предоставляет решение социологической проблемы описания действий предмета социологии¹¹.

Давайте теперь сравним разнообразные описания, создаваемые в различных перспективах.

Рассмотрим сначала сходства и различия между двумя первыми и третьим К (последний — современный социолог, первый и второй — любой человек).

1. Оба занимаются подгонкой «звеньев» объекта, с которым они контактируют.

2. Оба не просто берут за основу, но применяют естественный язык, т. е. язык, которым они владеют (или которым могут овладеть), к объекту, с которым они контактируют¹².

¹¹ Речь не идет о принятии субъективной точки зрения. Принятие субъективной точки зрения — это не принятие такой перспективы в отношении предмета, которой пользуются только социологи или которой они способны пользоваться с большей готовностью, нежели остальные ученые. Это может означать только то, что мир понимается в их терминах, например, в терминах сил, которые особым образом воздействуют на (или испытывают воздействие) субъекта. Так, можно сказать, что развитие квантовой физики стало результатом перехода физики от перспективы астрономических тел к перспективе субатомных тел.

¹² Главная трудность «Самоубийства» Дюркгейма не в том, что он использует официальную статистику, а в том, что он вводит в социологию проблему практической теории. «Самоубийство» — категория естественного языка. Она порождает множество практических проблем, таких, например, как объяснение конкретных самоубийств или объяснения различий в показателях самоубийств. Говорить, что ошибка Дюркгейма заключалась в использовании официальной статистики, вместо, скажем, изучения вариаций в отчетах о самоубийствах, значит считать очевидным, что происходят события, которые социологи должны рассматривать как «подлинное самоубийство». Схожий аргумент был высказан в отношении преступления; см. Clinard, *Sociology Today* (Merton & Broom, eds.), p. 528-529. Исследование способа принятия решения о том, что совершено самоубийство, и исследование того, как следует воспринимать объект, чтобы о нем говорили как о «совершившем самоубийство», — таковы исходные задачи социологии. После создания процедурных описаний способов классификации самоубийств может оказаться, что данная категория и методология ее применения являются интересными социологическими проблемами. Мы не можем воспринимать людей как «потенциальных самоубийц». Мы можем, скорее, исследовать то, как такое представление о человеке используется людьми для оценки различных форм поведения друг друга.

3. Для тех, кто прибегает к обыденной перспективе, главные проблемы контакта вытекают из переменчивой адекватности их подготовки (осведомленности). Удачный контакт состоит, могли бы сказать они, в использовании своей подготовки для изучения того, что делает объект и как он функционирует (его средств и его целей). Цена такого рода успеха состоит в воспринимаемой адаптации к его действиям.

4. Различие между двумя этими перспективами может быть прояснено следующим образом. Предположим, что данная машина работает по замкнутому циклу. Она совершает определенную последовательность действий и, закончив, начинает ее снова.

В обыденной перспективе проблемы контакта возникают как проблемы по ходу контакта; «описание» должно быть лишь «достаточно хорошим», чтобы позволить контакту продолжаться. Возможные недопонимания могут оставаться без внимания до тех пор, пока они не вызовут действительных затруднений, а когда они вызовут затруднения, их следует разрешить лишь настолько быстро, насколько это необходимо для обеспечения продолжения контакта.

Тот факт, что разные К, относящиеся к первому классу, дают разные отчеты, не должен смущать; он свидетельствует лишь об уникальности каждого контакта.

Второй — социолог — ищет способа обоснования научности своего описания деятельности. Он стремится создать такое описание, которое бы создал коллега, наблюдая другой цикл, или которое бы коллега мог использовать для наблюдения за другим циклом, или которое коллега мог бы использовать для анализа последовательности действий машины.

5. Оба могут решать проблемы понимания путем постановки более-менее сложных (sophisticated) вопросов, т. е. вопросов, характерной чертой которых является то, что спрашивающий и исследуемый владеют общим языком, так что ответы на вопросы представляют собой ответы-на-вопросы. Следует отметить обоюдность общего языка: не только спрашивающий знает язык, употребляемый объектом (так, что он может обращаться к нему), но и объект знает язык спрашивающего. Его ответы — не просто ответы на заданные вопросы, а ответы на вопросы спрашивающего по поводу объекта. Т. е. сами ответы или какая-нибудь их версия могут сообщаться в качестве описания спрашивающего¹³. В рассматриваемой метафоре машина не имеет приспособления, позволяющего взаимодействовать с ней, но это было сделано исключительно ради простоты. Одна из версий машины могла бы быть такой: она молчит, пока задается вопрос (или, возможно, проигрывает в это время музыку либо комментирует текущую сцену). Когда вопрос задан, помимо ответа с требованием прояснения, она выдает повествовательное описание того, что она делает. Тогда можно было бы придумать серию вопросов, ответы на которые представляли бы собой описания, свободно выдаваемые данной версией по ходу контакта. Как мы увидим, существенной разницы между версиями нет.

6. Дело обстоит так, что единственная разница между работами социологов и высказываниями об обществе всех остальных людей заключается в интересе социологов к единственной методологической проблеме, которую «открыли» социологи. Я назову эту проблему «проблемой “и так далее”» (et cetera).

ПРОБЛЕМА «И ТАК ДАЛЕЕ»: Каким образом можно соблюсти научное требование буквального описания перед лицом того широко признаваемого исследователями факта, что описание даже специфического «конкретного объекта» никогда не может быть полным? То

В любом случае, пока мы не описали категорию — самоубийство, — т. е. не предоставили описание процедуры, используемой при объединении разных случаев в один класс, данная категория даже потенциально не составляет часть социологического аппарата.

Использовать неопианную категорию — значит сочинять тексты вроде тех, что печатают в детских книжках. Там встречаются рисунки объектов, испещренные цепочками слов. Остенсивное определение, возможно, и благородное дело, однако мне совершенно непонятно, каким может быть остенсивное определение «действия».

¹³ В других науках о человеке вопрос о том, могут ли ученый и исследуемый вступать в катехизические отношения, был предметом многочисленных споров. См., например, Brindly G. S, *Psychology of the Retina and Visual Pathways*, 1960, ch. 4, Edwards W. 68 *Psych. Review* 235, 1961. Swets. 134 *Science* 168, 1961.

есть как можно обеспечить описание, если, насколько бы обширным и насыщенным оно ни было, его все равно можно расширять до бесконечности? Мы называем данную проблему «проблемой “и так далее”», чтобы указать: к любому описанию конкретного объекта (или события, последовательности действий и пр.), сколь бы длинным оно ни было, исследователь должен добавлять поправку «и так далее», чтобы описание стало исчерпывающим.

Когда я говорю, что все различия между социологическими и «обыденным» (*anuman*) описаниями общества заключаются в интересе социолога к данной методологической проблеме, я подразумеваю, что:

а) различие между социологией и обыденными высказываниями об обществе можно объяснить в терминах интереса социологов к проблеме «и так далее»;

б) различия между разными социологами — это различия между предлагаемыми решениями данной проблемы. Социологическая теория составляет принципиальное «разрешение» данной проблемы;

в) разница между социологией и естественными науками — это не только разница в предмете.

Следующий раздел будет посвящен прояснению этих трех пунктов.

Но сначала я суммирую сказанное. Современная социология оказалась бы «наивному ученому» странной не потому, что она занимается деятельностью подгонки, а потому, что она предполагает, что деятельность подгонки производит описания, которые решают ее проблемы. Хотя деятельность подгонки может быть в чем-то полезна социологам, в случае ее правильного осуществления она будет протекать согласно второй процедуре, обозначенной в моем введении. Эта деятельность предпринималась бы после того, как была описана каждая из областей, требующих подгонки, а *также* после того, как было установлено, что они образуют отдельные области.

Однажды появившись, социология пойдет (когда появится) в ином направлении, нежели другие науки, поскольку, чтобы развиваться, социология должна освободиться не от философии, а от обыденной перспективы. Ее предшественники не похожи на тех, с кем должен был иметь дело Галилей; это люди, заинтересованные в практических проблемах, например, в поддержании мира или снижении уровня преступности. «Открытие» обыденного мира важно лишь как открытие проблемы, а не как открытие социологического ресурса.

III

Переосмысление проблемы «и так далее»

Я начну обсуждение с обширной цитаты, в которой Парсонс эксплицирует методологические аргументы Вебера.

«Вебер... согласен с тем, что полностью конкретная историческая реальность обладает бесконечным разнообразием и сложностью, и поэтому ее нельзя “схватить” во всей ее конкретности и индивидуальности при помощи какой-либо системы абстрактных понятий. Однако он отрицает как то, что в этом состоит отличие общественных наук от естественных, так и то, что это имеет какое-либо отношение к проблемам *логической* природы научных категорий. Любой “сырой” опыт обладает подобным свойством. Формулируемые нами естественнонаучные законы “природы” — не всеохватывающая конкретная реальность, “доступная опыту” человека, а определенные специфические аспекты, которые можно выразить при помощи абстрактных понятий. Это же относится и к человеческому действию. Каков бы ни был источник различия между двумя данными группами наук (а Вебер верит в то, что такое различие существует), он лежит не в данной области. Он должен принадлежать к области принципов, согласно которым из “доступных опыту” элементов реальности отбираются “факты”, значимые для достижения имеющейся научной цели. Это различие, по мнению Вебера, соотносится с областью логически

релевантных аспектов, т. е. не с объективной природой “реальности”, которую изучает наука, а с “субъективной” направленностью интереса ученого» (Parsons, p. 581-582, op. cit.).

«Стандарт адекватности знания должен соотноситься с наличной научной целью. Независимо от того, способен ли он охватить “все факты”... он вытекает из того соображения, что в логическом плане естественные и общественные науки находятся в одном положении по отношению к столь часто применяемому стандарту предсказуемости. Ни в том, ни в другом случае невозможно предсказать будущее положение дел во всей конкретной полноте деталей... Предсказуемость в естественных науках кажется такой высокой потому, что нас *интересуют* в основном аспекты природных событий, формулируемые в терминах известных абстрактных законов. Наш интерес к человеческим делам, как правило, располагается на ином уровне. В любом случае, предсказуемость всегда соотносится с широтой абстрактной генерализации, и предсказуемость есть там, где есть последняя. Вебер стремится показать, в какой степени реальная социальная жизнь целиком зависит от способности предсказывать с разумной точностью реакцию других людей на определенный стимул. Например, в какой мере был бы возможен “милитаризм”, если бы офицеры не могли полагаться на исполнение приказов, т. е. предсказывать поведение своих солдат после команды? Именно этот предсказуемый аспект социальной жизни особенно интересовал Вебера» (Parsons, p. 582-583, op. cit.).

1. Социологический и обыденный способы рассуждения об обществе

Ниже я покажу, что на уровне своих описаний социология не отличается от повседневного способа рассуждения об обществе.

А. Проблема соответствия

Социология стремится к производству буквальных описаний социальной жизни. Один из классических критериев буквальности — соответствие между предлагаемым описанием и феноменами, на которые направлено описание (подразумеваемым объектом). Полное описание должно, предположительно, удовлетворять критерию соответствия и не вызывать сомнений в своей буквальности. Для неполного описания существует возможность того, что оно будет воспринято как одна из альтернатив, упомянутых в приведенной метафоре (например, ироническое, урезанное и т. д.). Признание проблемы «и так далее» означает, что невозможно установить соответствие исключительно за счет ознакомления с описанием и наблюдения за объектом; помимо описания необходимо создать «приложение» (appendix), которое будет обеспечивать подгонку одного к другому.

Рассмотрим проблему сравнения предлагаемых описаний. Особенность любого описания, заключающаяся в том, что оно не только неполно, но и а) его можно бесконечно расширять и б) это расширение невозможно свести к формуле экстраполяции, предполагает, что любое описание можно считать столь же далеким от полноты либо столь же близким к полноте, как и любое другое. Просто прочитав два описания, отличающиеся длиной, стилем и пр., можно заключить, что если одно более пространно, то другое более кратко, если одно более поверхностно, то другое более глубоко, и т. п.

В таком случае, как можно, просто прочитав различные описания, решить, которое из них обладает лучшим соответствием, т. е. «более социологично»? Очевидно, аккредитация авторов не дает разумных оснований для решения. Как не дает их и приложение раздела, посвященного методам, поскольку в случае признания нами проблемы «и так далее» оказывается, что если применение «одних и тех же методов» не дает «одного и того же описания», это не отражается ни на а) актуально используемых методах, ни на б) сообщении об этих методах. Явно не является решением и привлечение для определения адекватности описания «авторской цели» или читательской цели чтения работы. Это переносит вопрос использования соответствия для установления адекватности из а) области соответствия

между описанием и подразумеваемым объектом в б) область соответствия между целью, описанием и подразумеваемым объектом. Перед нами все еще стоит проблема подгонки. Только теперь мы говорим, что чья-либо *удовлетворенность* и есть адекватное основание для удовлетворенности его коллеги. Либо, возможно, удовлетворенность его коллеги является адекватным основанием для его собственной удовлетворенности.

Кроме того, если учесть статус проблемы «и так далее», т. е. если учесть, что у нас нет способа сравнения описаний в терминах близости к соответствию, мы сталкиваемся с проблемой, которую нельзя обойти, сказав: со временем описание станут лучше. Возможно, интерес Вебера, как и многих социологов, к «практическим проблемам» можно объяснить их сомнениями в том, что социологические описания носят кумулятивный характер. Проблема «и так далее» определенно ставит под сомнение возможность кумулятивности.

Б. Проблема генерализации или абстракции

Поскольку не существует критериев для определения адекватности описаний общества и, следовательно, не существует критериев для определения «социологического характера» описания, из проблемы «и так далее» вытекают некоторые любопытные выводы в отношении идеи абстрактных или генерализированных описаний, а именно: любое описание можно прочитать как «абстрактное», но при этом в обычном понимании абстрактного (как, скажем, в математике) ни одно описание *не является* абстрактным.

Обратите внимание: если даже в отношении описания конкретного объекта дело обстоит так, что будут перечисляться только некоторые его свойства, тогда совершенно ясно, что объект будет выделяться (*recapture*) за счет использования описания в качестве инструкции по его установлению. Но столь же вероятно, что описание может быть воспринято в качестве указания на ряд объектов, между которыми нельзя совершить выбор (отсюда видимость генерализации).

Причина того, почему эти описания неспособны быть абстрактными в смысле, принятом в математике, состоит в том, что общие понятия последнего типа сохраняют черты конкретных случаев — имея генерализацию, можно всегда выделить конкретный объект. Описания, которые игнорируют черты конкретных объектов, не позволяют произвести такое выделение, и поскольку проблема «и так далее» означает, что даже целенаправленные описания конкретных объектов игнорируют *неопределенное количество* их черт, то очевидно, что математический смысл абстракции недостижим, если мы признаем проблему «и так далее». Значение этого вопроса, вероятно, даже более глубоко, чем нам хочется думать. Во-первых, не имея абстрактных объектов в математическом смысле, мы не способны определить возможные трансформации, не затрагивающие инвариантные свойства наших так называемых абстрактных объектов. Во-вторых, исчезает возможность предсказания. Это происходит потому, что предсказание соотносится с первым моментом: это гарантированная трансформация абстрактного объекта¹⁴.

В некотором смысле Вебер и Парсонс правы, когда на основе проблемы «и так далее» приходят к генерализированным описаниям. Но они правы только в тривиальном смысле, т. е. в том смысле, что пока принимается проблема «и так далее», можно также создавать генерализированные описания. Это «можно также» делать потому, что невозможно создавать буквальные описания конкретных объектов. Однако, поскольку любое описание, которое предположительно касается конкретного случая, может быть прочитано как касающееся «подобных случаев», совершенно непонятно, что дает намеренно генерализированное описание.

Неприятным последствием создания генерализированных описаний является то, что при этом из конкретных объектов делаются «версии» общего объекта. Тогда с любым объектом в реальном мире взаимодействуют как с «несовершенным» (как с версией

---

¹⁴ Обсуждение вопросов, рассматриваемых в данном абзаце, см. в работе Кассирера «Субстанция и функция», гл. 1.

идеального объекта из идеального мира). Например, когда поведение не соответствует поведению, описываемому как рациональное, объект называют «частично рациональным». Хотя в определенном смысле люди могут быть нерациональными, то, что их поведение не соответствует поведению, ожидаемому от идеальных рациональных людей, не свидетельствует об их иррациональности; это свидетельствует лишь о неадекватности наших описаний¹⁵.

Если можно претендовать лишь на то, что наши «абстрактные» объекты обладают типичными чертами совокупности конкретных объектов, тогда, хотя это утверждение допустимо, нельзя заявлять о каком-либо преимуществе по сравнению с обыденных «генерализованным» описанием¹⁶.

Я попытался показать, что если мы предлагаем ограничиться решением обыденным проблем, только решать их лучше, чем это обычно делается, тогда наша претензия на превосходство ничем не обоснована. Если же мы, напротив, заявляем, что занимаемся иного рода работой, тогда совершенно неясно, как это можно обеспечить.

Заключение

Данная работа посвящена тому пути, по которому пошла социология под влиянием «Самоубийства» Дюркгейма и методологических сочинений Вебера¹⁷. Ключевой особенностью этого пути является привлечение обыденных категорий в качестве социологических ресурсов, а не черт социальной жизни, которые социология должна изучать как свой предмет.

---

¹⁵ Здесь бесполезно обращаться к физике как к дисциплине, которая имеет дело с «идеальными объектами». Дело в том, что у нас нет имеющихся у них моделей, в которых установлены математические связи между математическими объектами. Пока даже в отношении идеальных рациональных акторов было лишь выдвинуто предположение, что, учитывая их рациональность, они бы вели себя определенным образом в определенных ситуациях. То, что абстрактные акторы будут вести себя именно так, доказано не было. Далеко не очевидно, что эта проблема тривиальна, т. е. что мы можем найти доказательства того, как вели бы себя наши рациональные акторы. Не установив обязательных связей даже между абстрактными объектами и не имея данных для выбора того, какие обязательные связи подходят, было бы самонадеянно утверждать, что физика способна обеспечить эффективность наших нынешних теоретических разработок.

¹⁶ Следует отметить, что проблема «и так далее» не только ставит под вопрос «теоретизирование», но и бросает тень сомнения на роль (помимо обыденной функции ознакомления нас с необычными странами и народами) этнографических отчетов о конкретных случаях. Нет никаких гарантий того, что они хотя бы «прочны» или что они являются фундаментом, на котором будет построена теория. Короче, совсем не очевидно, что у социологии нет теории потому, что она ждет своего Тихо Браге.

¹⁷ Подход, принятый сегодня в социологии, можно, конечно же, проследить гораздо дальше вглубь истории, но признанные теоретики общества считали его вполне подходящим. Современное состояние социологии требует изменения лишь с точки зрения интереса к созданию науки о социальной жизни. Тот, кто не намеревается создавать науку, не испытывает потребности рассматривать нынешнее положение дел как радикально проблемное.

Должен заметить, что в отношении социальной теории такого рода революцию можно связать с изречением Маркса (из «Тезисов о Фейербахе»): «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, — вовсе не вопрос теории, а *практический* вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления». Маркс важен для социальной теории не в силу своей «системы» (которая — всего лишь одна из систем), а тем, что он четко обозначил конец «наивной социальной теории». Он признал, что теоретик не «открывает» общество, не обнаруживает его «там, в мире» путем наблюдения и не просто регистрирует происходящее. Он полагает, что теоретик, интересующийся практическими проблемами, не может просто довольствоваться прописыванием решений, исполнение которых возлагается на других людей. Определяя объективную социальную теорию как теорию применяющуюся, он возлагает на теоретиков (как естествоиспытатель принимает на себя обязанность демонстрации) ответственность за практический коррелят естественнонаучной демонстрации, т. е. за успешность. Можно прочитать Маркса вполне по-донкихотски, как просто занимающегося пробной демонстрацией возможностей социальной теории. Он выбирает сложный случай, например, неорганизованную, бесправную социальную группу, и вводит «предполагаемое описание» общества, которое только действия людей могут сделать верным. После этого он пытается добиться исполнения «предполагаемого описания», так, чтобы оно стало верным. Все это нужно «просто» для того, чтобы продемонстрировать задачу социальной теории, которая коррелятивна задаче естественнонаучной демонстрации предмета исследования.

Из этой характерной черты социологии легко выводится как путь Дюркгейма и его последователей, т. е. объяснение вариаций феноменов, предположительно классифицированных посредством обыденных категорий, так и путь Вебера и его последователей, т. е. признание того, что, учитывая проблему «и так далее», нашей целью могут быть также генерализированное описание и ориентация на практическую значимость.

Можно, конечно, выбрать путь практического теоретика и вести себя подобно человеку из приведенной метафоры, но для любого, кто заинтересован в создании науки о социальной жизни, идея настоящей статьи состоит в том, что принятое социологией направление не ведет к такого рода науке.

Возможно, всем, кто размышлял о данном вопросе, представляется очевидным, что Вебер ошибался, утверждая, что любая наука сталкивается с проблемой «и так далее», т. е. что ее открытие есть открытие того, что мир настолько сложен, что его невозможно описать буквально. Безусловно, никто не продемонстрировал, что мир неопишуем. Но как могла бы выглядеть подобная демонстрация¹⁸? Проблема неполноты описаний определяется двумя их чертами, которые держал в уме Вебер: во-первых, тем, что они созданы на языке, который сам не подвергается анализу, и, во-вторых, тем, что эти описания апеллируют к обыденному опыту.

*Перевод с английского Андрея Корбута
Под редакцией Светланы Баньковской*

---

¹⁸ Может, так? «Но теперь известно, что мир необыкновенно многообразен, и это можно проверить в любое время, взяв горсть мира и внимательно ее рассмотрев» (Kafka, *Parables and Paradoxes*, 1961, p. 41).

РЕФЕРАТЫ

Владимир Попов

Джованни Арриги
Пространственное и иное «закрепление» исторического капитализма

Arrighi G. Spatial and Other «Fixes» of Historical Capitalism // Journal of World-Systems Research, Vol. X, N 2, Summer 2004. P. 527–539.

Цель статьи Джованни Арриги (кафедра социологии университета Джонса Хопкинса, США, Балтимор) – представить концептуальную карту процессов глобализации исторического капитализма. Речь идет об отборе необходимой географической и исторической информации, а не о простом фиксировании пространственно-временной динамики развития капитализма. Арриги обращается к трем концептам Дэвида Харви, сформулированным в работе «Новый империализм», а именно: понятиям «пространственно-временное закрепление» (spatial-temporal fix), «кризис перемещения» (switching crisis) и «накопление путем лишения прав владения» (accumulation by dispossession)¹. Арриги полагает, что эти концепты плодотворно сочетаются с эволюционной моделью мирового капитализма, разработанной им в книге «Долгий двадцатый век: деньги, власть, и истоки нашего времени» и развитой в работе «Хаос и управление в современной мировой системе»².

Арриги выделяет у Харви следующие аргументы. «Пространственно-временное закрепление» капитала означает возможное решение капиталистических кризисов путем отнесения расходов / доходов на будущие периоды (временная отсрочка) и географической экспансии. Капиталисты используют эту стратегию, чтобы решить проблемы избыточного накопления, когда капитал на определенной территории уже не может приносить прибыль. Избыточный капитал заставляет искать прибыльные вложения в новом географическом пространстве, которое вскоре обустроивается физически и социально³. Происходит пространственное расширение системы накопления. Если капитал не находит пространства для освоения, он подвергается девальвации, и тогда возникает другая проблема: движение капитала может происходить безболезненно, а может вызывать «кризис перемещения». Речь идет о местном сопротивлении движению капитала. Оно может возникнуть из центра. Таково, например, сопротивление США по отношению к Китаю, экономическое усиление которого бросает вызов гегемонии Соединенных Штатов в Юго-Восточной Азии. Сопротивление может исходить и из вновь обустроенных пространств, не желающих терять экономические выгоды от инвестиций. Так или иначе, «кризис перемещения» затрагивает проблему баланса сил, которая выражается в ослаблении гегемона и подъеме новых держав. Для гегемона существуют два возможных выхода из затруднительного положения: организация финансового кризиса путем девальвации активов на облагодетельствованных территориях и использование военно-политических средств для обращения международной конкуренции в свою пользу. В совокупности эти средства Харви называет «накоплением

© Попов Владимир, 2006

© Центр фундаментальной социологии, 2006.

¹ Harvey D. The New Imperialism. Oxford: Oxford University Press, 2003.

² Arrighi, G. The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times. London: Verso, 1994. Arrighi G. and Silver B. J. Chaos and Governance in the Modern World System. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1999.

³ Например, растущую экономику Китая Харви рассматривает как поглотитель избыточного капитала Запада.

путем лишения прав владения»⁴, что в исторической перспективе выразилось в переводе различных прав собственности (общественной, государственной и т. д.) в эксклюзивные частные права; в колониальном и неокониальном присвоении активов и природных ресурсов; в подавлении альтернатив капиталистическому использованию человеческих и природных ресурсов и т. п. Прочитируем отрывок из работы Харви, который приводит Арриги: «Накопление путем лишения прав владения высвобождает комплекс активов (включая рабочую силу) по самой низкой (в некоторых случаях – по нулевой) стоимости. При чрезмерном накоплении капитал может захватить такие активы и немедленно обратить их на прибыльное употребление»⁵. Получается, что «накопление путем лишения прав владения» и «пространственно-временное закрепление» выступают эквивалентами решения проблемы перенакопления капитала.

Концепты Харви, полагает Арриги, могут быть продуктивно использованы для объяснения экспансионистских тенденций исторического капитализма за последние пятьсот лет. В истории капиталистических экспансий Арриги выделил четыре «систематических цикла накопления». Каждый из этих последовательных циклов обнаруживал существенно больший масштаб пространственного расширения, но меньшую временную продолжительность действия, чем предыдущий, включал фазу материальной экспансии (вложения в производство и торговлю) и фазу финансовой экспансии (вложения в обладание титульных прав собственности). Четыре циклические экспансии осуществлялись в формах пространственно-временного перемещения капитала и накопления путем лишения прав владения, вызывая кризисы перемещения капитала. При каждом последующем цикле эти формы приводили к появлению новой господствующей силы и новой организации системы накопления, меняя географию исторического капитализма.

Характеристики новых гегемонов и возникавшей вместе с ними системы накопления позволили Арриги описать эволюционную модель роста комплексности капитализма⁶. Четыре цикла систематического накопления совпадают по времени с доминированием четырех исторических гегемонов: Генуэзской республики, Нидерландов, Соединенного королевства Великобритании и Соединенных Штатов Америки. Генуэзцам, представлявшим город-государство, удалось создать пространную торгово-финансовую сеть в Средиземноморье и по берегам Черного моря и удачно обращать экономическую конкуренцию европейских и восточных держав в свою пользу. Нидерланды, представлявшие в эпоху своего расцвета гибрид городов-государств и национального государства, выстроили более пространную торгово-финансовую сеть, но в отличие от генуэзцев, «покупавших» защиту своей сети у внешних держав, стали нести издержки по защите своих интересов самостоятельно. Великобритания – развитое национальное государство в пору своего подъема и процветания – захватила огромные территории, став мировой империей. Она продолжила развитие голландской модели торгово-финансовой экспансии, но стала

---

⁴ Харви подчеркивает, что термин «накопление путем лишения прав владения» во многом означает то, что Маркс описывал как «так называемое первоначальное накопление капитала». Речь идет об экспроприации и разграблении различных активов общественной и частной собственности.

⁵ Harvey D. *The New Imperialism*. Op. cit. P. 149.

⁶ Арриги обобщает эволюционную модель мирового капитализма в таблице, состоящей из трех основных переменных, которые, в свою очередь, содержат дополнительную разбивку. Первая переменная – доминирующая организация правительства. Исторический капитализм эволюционирует от города-государства через национальное государство к мировому государству. Вторая переменная – типы режимов и циклов. Циклы разбиваются на экстенсивные и интенсивные. Третья переменная – включенные издержки, содержащие четыре подвида: издержки защиты, производства, транзакций и воспроизводства. Наложение эволюции государственного устройства на типы режимов и циклов дают следующую схему развития: Генуя как город-государство обнаруживает экстенсивную модель капиталистической экспансии, вынося издержки вовне. Нидерланды демонстрируют интенсивный цикл экспансии, принимая на себя только издержки по защите интересов капиталистического класса. Великобритания как национальное государство проявляет экстенсивную модель экспансии, включающую издержки защиты и организации производства. США, приближаясь к статусу мирового государства, представляет интенсивную модель экспансии с издержками по защите, производству и транзакциям.

включать в постоянные издержки не только защиту интересов правящего капиталистического класса, но и затраты на формирование производственных цепочек. С этого времени капитализм превратился в доминирующий способ производства в мире. США представляют собой уже нечто большее, чем национальное государство. Беспрецедентная военная мощь позволяет им доминировать во всем мире, налагать удушающие экономические санкции на любое недружественное государство. Капиталистическая экспансия США, основанная на экономических ресурсах их внутренней территории и военной мощи, стала включать не только издержки по защите интересов правящего капиталистического класса и издержки производства, но и затраты на поддержание значимых внешних рынков.

Циклы пространственной экспансии исторического капитализма, отмечает Арриги, вскрывают ещё одну важную характеристику. Каждый последующий цикл возрождает правительственные и экономические стратегии и структуры, которые были вытеснены в предшествующем цикле. Так, Нидерланды в период своей гегемонии восстановили венецианские практики государственного монополистического капитализма, которые преодолели генуэзцы. Великобритания в пору своего доминирования прибегла к практикам генуэзского космополитического капитализма и практике управления испанской колониальной империи. США возродили практику корпоративного капитализма, свойственного былой голландской гегемонии. Таким образом, заключает Арриги, переходы между историческими циклами капиталистического накопления могут описываться как маятниковое движение между имперскими космополитическими и национальными корпоративными организационными структурами. Имперские космополитические структуры Арриги называет «экстенсивными режимами», а национальные корпоративные структуры – «интенсивными режимами». Первые, как правило, проводят территориальную экспансию, вторые консолидируют освоенное пространство.

Глобализация исторического капитализма, утверждает Арриги, ведет к усилению имперских космополитических (национальных корпоративных) правительственных и деловых организаций. Однако чем влиятельней становятся эти организации, тем меньше оказывается срок их существования. Речь идет о том, что уменьшается время между кризисами перенакопления капитала, которые ликвидируют старые режимы накопления и формируют новые. Преодоление кризиса перенакопления посредством пространственно-временного перемещения занимало по времени более полувека. При этом происходили кризисы перемещения, заставлявшие использовать накопление путем лишения прав владения. Арриги обнаружил определенные закономерности, сопровождающие кризисные процессы перенакопления. Он выделяет три систематических явления.

Во-первых, пространственно-временное перемещение капитала ослабляет центры накопления капитала. Образуются новые регионы, обеспечивающие более надежные и прибыльные вложения. Центру приходится сдерживать усилившийся переток капитала. Рано или поздно, баланс нарушается в пользу новых организационных структур, подрывающих стабильность центра.

Во-вторых, в кризисных процессах перенакопления значительную роль играют государства. Формируются тесные смычки государственных и бизнес-структур. В прошлом преодолеть кризис чрезмерного накопления помогали более мощные спайки государственных и деловых организаций восходящих гегемонов, чем существовавшие правительственно-деловые комплексы теряющих мощь центров. Так было в случае Нидерландов по отношению к Генуе в XVI в., Великобритании по отношению к Нидерландам в XVII в., США по отношению к Великобритании в начале XX века.

В-третьих, накопление путем лишения прав владения провоцирует социальные конфликты, ослабляющие доминирующий режим накопления. Воздействие социальных факторов на режим накопления усиливается с ходом эволюции. Кульминацией социальных процессов, подрывающих гегемона, стали освободительные революции конца 1960-х и начала 1970-х годов в третьем мире.

В итоге Арриги формулирует пять правил, позволяющих представить географические процессы, лежащие в основе глобализации исторического капитализма за последние пятьсот лет.

1. Следует отказаться от идеи количественно расширяющейся, но структурно неизменной мировой капиталистической системы. Речь идет об отказе от понятия экономических циклов Кондратьева, циклов гегемонии, логистики как эмпирического выражения структурной неизменности. Наоборот, глобализация исторического капитализма включает фундаментальные структурные трансформации пространственных сетей, в которые встроена система накопления.

2. Приоритет в анализе должен отдаваться сетям, лежащим в основе организации доминирующего бизнеса и правительственных структур режима. Пространственная организация империалистических космополитических (экстенсивных) режимов отличается от таковой национальных корпоративных (интенсивных) режимов. Эти различия должны учитываться в анализе.

3. Наиболее важными в анализе представляются критические моменты смены материальной фазы экспансии её финансовой фазой. Сравнение последовательности явлений в эти критические моменты позволяет выявить структурные трансформации. Сравнение каждого из этих явлений с аналогичными явлениями более поздних этапов существования того же режима позволяет определить циклические трансформации, включённые в повторение кризиса перенакопления.

4. Репрезентации любого режима накопления на поздних этапах его эволюции фиксируют не просто доминирующее пространственное местоположение, но также промежуточное возникновение сил и сетей, которые впоследствии должны обеспечить решение кризиса перенакопления. По возможности следует обозначить также промежуточное возникновение сил и сетей, которые не становятся доминирующими, но представляют вполне убедительные альтернативы структурам, начавшим доминировать.

5. Особое внимание следует уделять социальным конфликтам в периоды накопления путем лишения прав владения. В ситуации кризиса перенакопления социальные конфликты перестают быть «зависимой переменной», а становятся «независимой переменной».

Владимир Попов

Уильям Томпсон
Комплексность, сокращение предельных отдачи и
периодическая фрагментация Месопотамии

Thompson W. Complexity, Diminishing Marginal Returns, and Serial Mesopotamian Fragmentation // *Journal of World-Systems Research*, Vol. X, N 3, Autumn, 2004. P. 613–652.

Статья американского исследователя Уильяма Томпсона (факультет политической науки университета Индианы США) посвящена причинам централизации и фрагментации древних обществ. Томпсон полагает, что история древней Месопотамии (3400–1000 до н. э.) может быть описана как циклические колебания между периодами централизации и высокой комплексности и периодами глубокой дезинтеграции. Какие факторы обуславливали такие колебания?

Томпсон убежден, что можно создать адекватную модель объяснения циклов централизации и высокой комплексности древних обществ. Комплексность означает здесь сложные разветвленные структуры внутри общества (управление посредством организованной бюрократии, разделение труда в сельском хозяйстве, выделение ремесла и торговли в отдельные сферы деятельности, наличие регулярной армии, религиозная организация и т. д.). Ученый исследует одиннадцать переменных, охватывающих политэкономический кризис, ухудшение климата, урбанизацию, а также централизацию / фрагментацию. Взаимосвязь этих переменных он эмпирически изучает на основе положений теории сокращения предельных отдачи (theory of diminishing marginal returns), разработанной Джозефом Гейнтером¹.

Шумер, отмечает Томпсон, исторически знаменует первые цивилизационные достижения: урбанистическую революцию, создание разветвленной транспортной системы, революцию ремесла, изобретение письма, военной фаланги, первую империалистическую экспансию (Саргон Древний, царь Аккада). Древняя Месопотамия демонстрирует также первые циклические колебания между периодами централизации и фрагментации: политэкономическая экспансия города Урук в 4 тыс. до н. э. и её закат к концу этого тысячелетия; возникновение Аккада в 24 в. до н. э. и его падение под ударами гутиев к концу 22 в. до н. э.; восстановление Шумера под властью правителей династии Ур III в 21 в. до н. э. и их падение в 20 в. до н. э.; возрождение империи при Хаммурапи 1792–50 до н. э. и её быстрый распад; воссоздание империи при Касситской династии (1518—1270 до н. э.) и её разгром ассирийцами².

Почему история Месопотамии повторялась пять или шесть раз в течение нескольких тысячелетий? Традиционный ответ на этот вопрос, утверждает Томпсон, предполагает особое внимание к аграрным процессам того времени. Интенсификация земледельческого труда в периоды политической централизации сопровождалась истощением почв, их засолением в результате чрезмерной ирригации. Падала урожайность, что приводило к снижению устойчивости политического режима, который опирался на избыточную продуктивность аграрного хозяйства. Кроме того, акцентировались снижение уровня

© Попов Владимир, 2006

© Центр фундаментальной социологии, 2006.

¹ Tainter Joseph A.. The Collapse of Complex Societies. Cw.2sq. 2000. «Global Change, History, and Sustainability» // *The Way the Wind Blows: Climate, History, and Human Action* / Ed. by Roderick J. McIntosh, Joseph A. Tainter, and Susan K. McIntosh. New York: Columbia University Press, 1988.

² Эти пять исторических периодов политической гегемонии в нижней Месопотамии Томпсон в дальнейшем рассматривает как фазы централизации, промежуточные периоды – как фазы фрагментации.

атмосферных осадков, обмеление Тигра и Евфрата, военные поражения и утрата контроля над торговыми путями. С другой стороны, в исторических условиях древней Месопотамии объяснению подлежит не дезинтеграция, а наоборот – успешная политическая интеграция, так как ее городам был свойственен высокий уровень автономии.

Томпсон не отбрасывает традиционные аргументы, поскольку между ними обнаруживаются статистически значимые связи. Его интересует обобщённая модель истолкования централизации и фрагментации. Такую модель он находит в теории Тейнтера, объясняющей процессы разрушения комплексности обществ в результате сокращения предельных отдач от различных вложений в поддержание комплексности. Применительно к объекту своего исследования Томпсон называет три задачи, требующие решения. Во-первых, необходимо разработать соответствующий индекс предельных отдач. Во-вторых, нужно исследовать взаимосвязи между традиционными переменными (изменение климата и уровня рек, смена правительств, свертывание экономики, вторжения неприятелей и обрушение торговли). Наконец, следует изучить склонность месопотамских городов к централизации и децентрализации в контексте взаимосвязей между кризисом, климатом и предельными отдачами.

В теории Тейнтера Томпсон выделяет следующие положения:

1. Общества – это организации по решению проблем, нуждающиеся в ресурсах и энергии для своего поддержания и роста.

2. В процессе эволюции общества достигают более высокой комплексности в той мере, в какой их различные подсистемы становятся всё более зависимыми друг от друга в удовлетворении потребностей по эксплуатации ресурсов.

3. Первым делом потребляются самые легко доступные и наименее дорогие в эксплуатации ресурсы. После того, как они оказываются исчерпанными, обращаются к более затратным ресурсам, не обязательно дающим высокую производительную отдачу.

В соответствии с положениями Тейнтера, отмечает Томпсон, рост комплексности древней Месопотамии можно представить так. Сельское хозяйство Шумера требовало ирригации и интенсивных трудозатрат на поддержание ирригационной системы. Эта стратегия нуждалась в политической иерархии, бюрократии и религиозной организации. Защита аграрных общин предполагала вложения в регулярную армию и в её профессиональное управление. Рост населения вызывал необходимость в повышении аграрной производительности, что, в свою очередь, означало усиление ирригации и умножение трудозатрат. Урбанизация и разделение труда в ещё большей степени стимулировали потребность в увеличении сельскохозяйственной продуктивности.

Эти предположения, утверждает Томпсон, закладывают основу для обобщений, образующих ключевой аргумент теории сокращения предельных отдач.

1. Общества постоянно сталкиваются с проблемами, решение которых требует увеличенных вложений ресурсов для простого поддержания *status quo*.

2. Непрерывные вложения в комплексность приводят к падению предельных отдач: общества могут столкнуться с новыми проблемами, требующими решения, и ощутить отсутствие ресурсного запаса, который можно использовать для устранения затруднительных ситуаций. Следовательно, в дальнейшем они ослабят свою способность реагировать на проблемы.

3. Падение предельных отдач ведет к меньшей привлекательности комплексности в качестве средства решения проблем; социополитическая организация общества, вероятно, будет сведена к менее комплексному уровню, который будет поддерживаться локальными ресурсами.

4. Технологические инновации и новые энергетические возможности могут замедлить или приостановить тенденцию к снижению предельных отдач.

По мнению Томпсона, теоретическая модель Тейнтера предполагает низкую вероятность равновесия в решении возникающих проблем на основе уравнения вложений и отдач. Старые проблемы могут увеличить потребность в ресурсных затратах, а появление

новых может привести к удорожанию ресурсов и их дефициту. К тому же способности обществ накапливать ресурсные запасы весьма ограничены.

Из этого вытекает, что преимущества комплексности обществ (плотные взаимосвязи между подсистемами общества) начнут снижаться из-за возрастающей стоимости мобилизации ресурсов. В политическом отношении произойдет ослабление лояльности к теряющей силу центральной власти, появятся локальные сообщества, объединенные той или иной ресурсной базой.

Центробежные процессы, указывает Томпсон, могут быть приостановлены благодаря нахождению новых ресурсов при помощи технологических инноваций или новых источников энергии. Внешние завоевания также могут обеспечивать доступ к недостающей ресурсной базе, которая в ином случае была бы недоступной или предлагалась бы по слишком высокой цене. В Древнем мире внешняя экспансия являлась куда более распространенной стратегией решения внутренних проблем обществ, чем технологические новации. Однако империалистические экспансии были успешными только на определенный срок. В любом случае общества возвращались к ситуации, когда предельные отдачи от вложений в новые ресурсы начинали падать. Согласно теории Тейнтера, фрагментация обществ в этом контексте может рассматриваться как лучшее решение социетальных проблем, нежели теряющая силу централизация.

Ухудшение климата, вторжения варваров, засуха или засоление почв – это источники проблем. В теории Тейнтера, утверждает Томпсон, исследовательский интерес заостряется не на источниках, а на мере приближения обществ к точке бифуркации – предельному снижению отдач от вложений в решение текущих проблем. Если общество близко подходит к этой точке, усиливается его уязвимость, повышается вероятность оказаться растерзанным под действием стратегических проблем. Если общество достаточно далеко отстоит от этой точки, оно способно справляться с трудностями ещё какое-то время. Традиционные объяснения коллапса обществ, подчеркивает Томпсон, ограничены, поскольку они упускают из вида способность обществ мобилизовать ресурсы для решения проблем.

Теория Тейнтера, указывает американский исследователь, нуждается в операционализации: в измерительных процедурах предельных отдач. Учитывая различные типы ресурсов, которые может мобилизовать общество, попытка найти адекватные измерительные методы представляется весьма сложной. Применительно к древней Месопотамии можно исходить из показателя роста населения. Как только общество начинает испытывать снижение отдач от вложений в решение проблем, следует ожидать уменьшения рождаемости, увеличения смертности от голода, войн и болезней и в результате – замедление или даже прекращение роста населения. С другой стороны, если вложения в решение проблем дают положительную отдачу, можно ожидать роста населения. Чтобы протестировать теорию Тейнтера, отмечает Томпсон, необходимы показатели роста населения, централизации и фрагментации, а также показатели действия возможных источников стресса – ухудшение климата, экономические перемены, правительственные и торговые кризисы, иноземные вторжения.

На основе доступных данных по древней Месопотамии (4000–1000 до н. э.) Томпсон исследует количественные и качественные характеристики семи показателей: централизация / фрагментация, рост населения городов, экономические колебания, торговые кризисы, смены политических режимов, нашествия пришельцев и их миграции, состояние климата.

Централизация / фрагментация – это, согласно Томпсону, номинальный показатель размера империи в разные периоды истории Шумера: Урук (3800–3100 до н. э.), Аккад (2350–2150 до н. э.), Ур III (2100–2000 до н. э.), империя старого Вавилона (1760–1600 до н. э.) и Касситская империя (1415–1154 до н. э.)³.

³ Для целей статистического анализа периоды расширения и централизации древней Месопотамии Томпсон кодирует как единицы, периоды фрагментации – как ноль. В свою очередь, остальные переменные анализа (показатели урбанизации, экономических колебаний, торговых кризисов, смен политических режимов, вторжений и миграции, климатических изменений) кодируются при помощи двоичных знаков.

Индекс урбанизации показывает изменение численности населения шумерских городов. В его основу положен перечень исторических городов Месопотамии с населением более 10 тыс. человек, составленный Георгом Модельски⁴. Список Модельски включает данные численности населения 27 городов Междуречья за период с 3700 до н. э. по 1000 до н. э.

Индекс экономических колебаний описывает столетние периоды экономического процветания и упадка. Относительно процветающими были периоды 3800–3300 до н. э. и 2700–2300 до н. э. Периоды экономического упадка относятся к 4000–3800 до н. э., 3200–2900 до н. э., 2300–2100 до н. э., 2000–1900 до н. э., 1600–1400 до н. э., 1200–1000 до н. э.

Индекс торговых кризисов описывает периоды разрывов устоявшихся торговых отношений с окружением Шумера. Как указывает Томпсон, наблюдались три очевидных периода торговых кризисов: 3200–3000 до н. э., 2200–2000 до н. э., 1200–1000 до н. э., сопровождавшихся кардинальной переориентацией экспортно-импортных операций с востока на запад.

Индекс смен политических режимов описывает периоды гегемонии царских династий отдельных городов. Убейд (5000–4000 до н. э.), Урук (4000–3100 до н. э.), Джемдет-Наср (3100–2900 до н. э.), Ранняя Династия (2900–2300 до н. э.), Аккад (2350–2150 до н. э.), Третья Династия Ура III (2100–2000 до н. э.), Старая Вавилония (2000–1600 до н. э.), Касситская династия (1590–1150 до н. э.).

Индекс нашествий и миграции обобщенно отображает периоды конфликтов Шумера и его периферии, где проживали различные племена. Выделяются четыре кластера интенсификации таких конфликтов (3200–3000 до н. э., 2200–2000 до н. э., 1600–1500 до н. э., 1200–1000 до н. э.).

Индекс изменений климата включает температурные колебания, периоды засухи и изменения уровней Тигра и Евфрата. Относительно высокие уровни воды наблюдались в периоды 4000–3400 до н. э., 1500–1300 до н. э. Самые низкие уровни этих рек фиксировались в 3300–3000 до н. э., 2500–2000 до н. э., 1300–1100 до н. э.

Затем Томпсон проводит статистический анализ количественных данных показателей и выявляет статистически значимые двухвариантные отношения между ними. Отметим главные выводы его анализа.

Степень централизации и фрагментации древней Месопотамии имеет отрицательную связь с уровнем населения городов. Плотность связи этих показателей достаточно слабая.

Положительные корреляции обнаруживаются между сменами политических режимов, обвалами торговли и иноземными вторжениями. Кроме того, каждый из четырех политэкономических кризисов Шумера связан с понижением уровней рек Тигра и Евфрата и повышением температуры.

Повышение уровня рек Тигра и Евфрата положительно сказалось на централизации Шумера, а ухудшение климата вело к фрагментации. Возможно, предполагает Томпсон, процессы централизации в Месопотамии способствовали ухудшению климата, так как в это время усиливалась вырубка лесов и поощрялась чрезмерная ирригация.

Томпсон приводит результаты статистического многовариантного анализа, которые свидетельствуют, что централизация / фрагментация отрицательно связаны с температурой и экономическим спадом и положительно – с вторжением иноземцев; политэкономические кризисы отрицательно связаны с уровнем рек и температурой, практически никак не связаны с процессами урбанизации и положительно – с ухудшением экономической конъюнктуры.

Результаты статистического анализа подтверждают правоту Тейнтера, отрицающего традиционные объяснения упадка обществ. В частности, политэкономические кризисы Шумера демонстрируют отсутствие систематической связи с другими социетальными проблемами (например, с сокращением численности населения и фрагментацией сложившегося порядка). Если между этими энтропийными процессами и есть связь, подчеркивает Томпсон, то она более сложна по своему характеру, чем это может установить

⁴ Modelski G. World Cities, – 3000 to 2000. Washington, D.C.: Faros, 2000

двухвариантный регрессионный анализ. Например, внешние вторжения могут способствовать дефрагментации порядка, а могут и стимулироваться фрагментацией. Означает ли это, что между этими переменными нет систематической связи? Отнюдь, утверждает Томпсон, это говорит о том, что между вторжениями и фрагментацией отсутствует линейная каузальная связь, но не всякая связь вообще.

Количественный анализ основан на идее об относительно точно установленной последовательности процессов. Теоретически внешние вторжения должны приводить к сокращению городского населения и фрагментации. В истории древней Месопотамии такие процессы практически не наблюдались. Наоборот, политэкономические кризисы иногда вспыхивали в начальной фазе убывания городского населения и фрагментации, а иногда следовали за этими процессами.

В заключении Томпсон отмечает, что его анализ позволил установить отрицательную связь между размерами городского населения Шумера и централизацией / фрагментацией. Можно полагать, говорит он, что рост городского населения увеличивал вероятность фрагментации в Месопотамии. С другой стороны, это также могло означать, что уменьшение населения городов стимулировало процессы централизации.

Владимир Попов

Роберт Байл

Соотношение между деградацией социального мира и окружающей среды в эволюции международной политэкономии

Biel R. The Interplay between Social and Environmental Degradation in the Development of the International Political Economy// Journal of World-Systems Research, Vol. XII, 2006. P. 109–147.

Статья английского исследователя Роберта Байла (подразделение организационного планирования Лондонского университетского колледжа) посвящена анализу капитализма как диссипативной системы, развивающейся за счёт сброса внутренней неупорядоченности в два типа окружающего её мира: в экосистему и в ту часть общества, которая питает своими ресурсами господствующий порядок, но не пользуется его преимуществами. При помощи марксистского анализа, усиленного системной теорией, Байл пытается ответить на вопросы: как капиталистический способ регуляции оперирует в своем окружении и может ли он преодолеть ограничения, свойственные поглощающей способности одной сферы своего окружения, путем улучшения несущей способности другой?¹ Речь идет о том, что развитие капитализма за счёт усиленной эксплуатации экосистемы достигло предела. Дальнейшая эволюция капитализма возможна только путём изменения социального мира. Байл исследует отношения центра и периферии мирового капиталистического хозяйства, которые он также рассматривает как диссипативные².

Байл исходит из посылки, что любой порядок оплачивается определенными издержками, которые относятся на счёт окружающего его мира. Эволюция социальной системы оплачивается деградацией окружающей среды – экосистемы: потребляются её возобновляемые и невозобновляемые ресурсы, которые рано или поздно иссякнут. Развитие капитализма может быть представлено как интенсивный подрыв экосистемы и возрастание энтропии³. Накопление как базовый принцип капитализма, отмечает Байл, имеет свойство положительной обратной связи, которая принимает форму неконтролируемого процесса: накопление богатства возрастает по спирали. Этот процесс обосновывается ложной идеей, что накопление само питает себя, а не происходит за счёт деградации экосистемы. К тому же у процессов накопления есть социальное измерение: одни социальные слои богатеют, а другие – нет. В концепции Байла ядро социальной системы представляют капиталисты, а периферию – остальное общество. Между ядром и периферией социальной системы

© Попов Владимир, 2006

© Центр фундаментальной социологии, 2006.

¹ Согласно теоретическим посылкам Байла, капитализм как способ производства и накопления имеет два типа окружающего мира: экосистему, включающую возобновляемые и невозобновляемые ресурсы, и социальный мир, состоящий из некапиталистических классов общества.

² Под «центром» имеются в виду развитые страны капитализма (Запад в целом), под «периферией» – развивающиеся страны третьего мира (очевидно, включая Индию и Китай).

³ Под энтропией в данном случае понимается рост системных издержек, сопровождающий капитализм как способ производства и накопления. Рост издержек (удорожание природных ресурсов из-за их интенсивного истощения, снижение производительности труда и ухудшение условий воспроизводства трудовой силы и т. п.) приводит к нестабильности капитализма, а лавинообразный рост издержек – к системному коллапсу. Капитализм на протяжении его истории сопровождают циклические кризисы, из которых ему до сих пор удавалось удачно выходить путем реструктуризации производственных процессов, внедрения технологических новаций, империалистических экспансий, педалирования глобализации (неоколониализма) в интересах транснациональных корпораций и т. д.

существуют диссипативные отношения: ядро питается ресурсами периферии и в некоторых обстоятельствах сбрасывает туда отходы своей внутренней неупорядоченности.

По мнению Байла, прояснить социально-экономические отношения внутри капитализма помогают концепты системной теории. Однако существуют теоретические ловушки в применении системной теории к анализу социального мира, которые нужно обойти. Системный подход часто используют для идеологического обоснования *status quo* капитализма. Таким образом, системная теория начинает служить интересам правящего класса. Особенно это проявляется в современных дискуссиях о глобализации: из практического рассмотрения вычеркиваются альтернативы или радикальные предложения об ограничениях капитализма. Всё это, утверждает Байл, противоречит природе системного подхода, так как системная теория открыта по своей сути и отвергает телеологию. Вторая ловушка – это переоценка роли структурализма. Отношения внутри капиталистической системы динамичны, предполагают реальную борьбу и столкновения. Поэтому необходим баланс между структуралистскими объяснениями и интерпретацией с точки зрения осознанного действия. Системная теория помогает обогатить анализ, подчеркивая роль информационных потоков для возникновения новых сетевых структур и их действий.

Сначала Байл при помощи системного подхода рассматривает теорию зависимости (*dependency theory*), сложившуюся в современной международной политэкономии (МПЭ). Понятие зависимости в контексте этой теории, отмечает он, содержит внутреннее противоречие. Именно центр зависит от периферии, а не наоборот, так как центр питается ресурсами периферии. На уровне же идеологии отношения выглядят иначе. Центр отличает себя от периферии и строит свою идентичность на основе отрицания. Хаос и беспорядок приписываются периферии, а центр возвеличивает свой порядок. Идеология глобализации предполагает включение периферии, но само включение означает принесение присяги набору ценностей, навязанному центром. Вместо установления стабильных, равных отношений, возникают отношения контроля.

В конечном итоге, утверждает Байл, приписывание периферии хаоса и беспорядка начинает функционировать как самосбывающееся пророчество: процветание центра отражается в экспорте беспорядка, который в периферии негативно отражает порядок, установленный в центре. Это демонстративно подтверждает необходимость контроля центра над периферией. Колониальная политика осуществляется путем вывоза ресурсов из зависимых территорий, взамен колонии получают бедность и хаос. Вывоз природных ресурсов сопровождается установлением социального контроля в периферии. Таким образом, контроль на одной частью окружающего мира (социальной) означает контроль над другой (природной средой). Отношения контроля описываются как властные отношения. Следовательно, социально-политическая власть дает контроль над ресурсами, который, в свою очередь, увеличивает социально-политическую власть центра. Однако центр сам сталкивается с внутренними энтропийными процессами, налагающими ограничения на его способность эффективно контролировать процессы в периферии. Несмотря на усиленную эксплуатацию и деградацию периферии, включаются различные компенсационные процессы: социальный потенциал и природная среда периферии продолжают истощаться, но происходит это с разной скоростью и в неодинаковой мере⁴. Байла интересует вопрос, как энтропия может выражаться в социальном измерении?

Он полагает, что понятие энтропии может пониматься как исчерпание возможного пространства для манёвра в системе. Для подтверждения своего тезиса Байл рассматривает работу Розы Люксембург «Накопление капитала»⁵. В этом труде Люксембург постулирует

---

⁴ Понятие «истощение социального потенциала» следует понимать как воздействие ряда параллельных процессов, как то: разрушение традиционного уклада жизни, стабилизовавшего ранее социальные отношения, ухудшение условий воспроизводства трудовой силы вследствие низкой заработной платы, негодных условий проживания, отсутствия образования, здравоохранения и т. п.

⁵ Luxemburg, Rosa. 1951 [1912], *Die Akkumulation des Kapitals – eine Beitrag zur ökonomischen Erklärung des Imperialismus*. Berlin: Paul Singer; and English translation of the above, London: Routledge and Kegan Paul.

мысль о том, что накопление следует рассматривать как отношение капитала с его некапиталистическим окружением. Накопление питается за счёт «прогрессивного расчленения и дезинтеграции» социального мира и природной среды. Вслед за Люксембург Байл полагает, что энтропия может представляться как сужение остающегося пространства для поддержки порядка в ядре социальной системы. Размывание социальных структур периферии не может происходить бесконечно. В итоге, традиционный порядок периферии начинает меняться на различные типы социальных беспорядков, что, подобно бумерангу, ударяет по ядру.

Однако эмпирические данные показывают, что социальная энтропия периферии инерционна. За счёт чего это происходит? Байл считает, что энтропию в периферии сдерживают возникающие в результате глобализации экономические структуры и облагодетельствованные элиты, которые совместно стабилизируют международные политэкономические отношения. Сформировался постколониальный периферийный порядок. Новые формы зависимости периферии оказываются подчиненными потребностям стабилизации ядра социальной системы центра⁶. Тем не менее, новые уровни относительной стабилизации не устраняют энтропию, а лишь сдвигают во времени наступление её негативных последствий.

История свидетельствует, что развитие капитализма происходит неравномерно и скачкообразно. Как рассматривать периодические кризисы накопления? Байл полагает, что кризисы капитализма означают интенсивное истощение потенциала социальной сферы в форме безработицы в странах центра и в росте долга стран развивающегося мира. Являются ли кризисы свойством самой капиталистической системы или результатами намеренных актов? Байл считает, что кризисы капитализма следует рассматривать прежде всего как нарушение регуляции. Процессы регуляции – это одновременно продукты системы и намеренные акты. Соответственно, скачкообразное развитие можно анализировать как изменение определенного набора регулирующих инструментов. Проблема развития капитализма заключается в том, что применение различных способов регуляции исчерпывает пространство для дальнейших маневров.

Далее Байл исследует фазы процветания и кризисов современной капиталистической системы. Порядок после Второй мировой войны основывался на кейнсианской модели развития стран Запада с её известной петлей положительной обратной связи: инвестиции стимулируют занятость, занятость стимулирует спрос, спрос стимулирует инвестиции. Данная модель включала в себя постоянное наращивание издержек, о чем свидетельствует непрерывный рост потребления энергии с 1945 г. Это говорит о том, что такой рост усиленно питался ресурсами экосистемы и происходил за счёт её деградации. При этом из сферы публичной политики исчезли такие концепты, как империализм и социальный дарвинизм, которые были свойственны предыдущим фазам развития капитализма⁷. Кейнсианская модель развития прервалась в начале 1970-х годов, после чего последовал десятилетний кризис. Но и после 1980 г. с началом новой фазы капиталистического накопления потребление энергии продолжало расти⁸. Это доказывает, утверждает Байл, что интенсивная

---

⁶ Проще говоря, речь идет о подчинении интересам капитала возникающих общественно-экономических структур периферии в форме контроля ТНК над производственными и распределительными процессами.

⁷ Империализм как публичная идеология элит капиталистического центра XIX и начала XX вв. свидетельствовал о необходимости решения внутренних проблем капиталистического развития путем захвата и вывоза социальных и природных ресурсов колоний. Идеология социального дарвинизма процветала в элитных кругах того времени как выразитель необходимости усиленной эксплуатации наемного труда для решения проблем капиталистического накопления. С развитием технологий, открытием и расширенной эксплуатацией невозобновляемых ресурсов экосистемы эти темы исчезают из публичной политики капиталистического центра и заменяются, в частности, на темы развития и укрепления демократии, прав человека и др., при помощи которых центр изолированно контролирует периферию.

⁸ На основании данных, которые приводит Байл, мировое потребление энергии в 1945 г. составляло приблизительно 1,5 млрд. тонн нефтяного эквивалента. К 1980 г. мировое потребление энергии уже составило почти 7 млрд. тонн нефтяного эквивалента в год. В 2005 г. мировое потребление энергии достигло 10,5 млрд. тонн нефтяного эквивалента в год.

деградация экосистемы неизбежно включена в процессы МПЭ. Вопрос в том, что последует дальше. По мнению Байла, постколониальный режим неизбежно усилит диссипацию беспорядка в социальной сфере.

Бедность, говорит Байл, подрывает основы порядка – социальный контроль (добровольное принятие порядка низшими классами) и потребление. Постколониальная идеология развития обещает избавление от бедности. Однако что происходит в реальности? Богатство центра растет, а в периферии процветают только местные элиты. Дело в том, считает Байл, что центр и периферия находятся в разных фазах развития, которые продуктивно описываются кривой Кузнец⁹. Например, центр находится в фазе массового потребления, а периферия – в индустриальной фазе. Массовое потребление в центре вынуждает экспансию рынков и капитала. Индустриальная фаза развивающихся стран испытывает нужду в дешевом массовом труде. Инвестиции капитала в развивающиеся страны используют преимущества дешевого труда и сохраняют высокие нормы прибыли. Таким образом, социальная сфера периферии изобильно питает потребление центра.

Новая фаза постиндустриализма с начала 1980-х годов по-прежнему обеспечивает центру высокое потребление на новом уровне развития. Центр стал специализироваться на инновационных технологиях, системах финансового и корпоративного управления. Произошло изменение режима накопления. Это потребовало широкомасштабного импорта дешевых товаров из развивающихся стран. Периферия, проходящая фазу индустриального развития, стала специализироваться на поставках дешевых товаров на внешние рынки. Массовое потребление периферии при этом существенно ограничивается из-за отсутствия развитого внутреннего рынка. Соответственно, бедность не снижается, а растёт. Байл считает, что ассиметричные отношения представляют основную характеристику сложившейся МПЭ.

Согласно тезису Байла, основная проблема МПЭ – это нахождение разумных пределов, предотвращающих сползание периферии к социальному хаосу. Он исходит из гипотезы, что уровень истощения потенциала социальной сферы зависит от достаточности пространства для маневра в её отношениях с физической средой. Возникает вопрос, снижается ли нагрузка на экосистему в результате перехода капитализма к постиндустриальной фазе накопления? Данные показывают, что, например, потребление энергии не снижается, а возрастает. Смещение производств из стран Запада в Азию также не сокращает степень деградации окружающей среды: в центре деградация несколько снижается, но она возрастает в периферии¹⁰. Байл приходит к выводу, что ухудшение состояния физической среды связано с капиталистическим накоплением как таковым, а не с отдельными фазами его развития, например, с индустриализацией. Представляется, заключает Байл, что капитализм в настоящий момент оперирует на пределе возможностей физической среды. Не могут поправить дело такие технологические новации, как биотехнологии, новые виды энергетики, поскольку с новыми технологиями связаны высокие риски разрушения окружающего мира.

---

⁹ Кузнец Саймон (1901-1985), американский экономист, разработавший оригинальную методику исчисления ВВП и других экономических показателей. Сочинения в области экономической статистики и эконометрии. Нобелевская премия (1971). Кривая Кузнец⁹ описывает фазы экономического развития, которые проходит любая страна при переходе от традиционализма через индустриализм к постиндустриализму. Первая фаза – это отрыв от традиционных способов ведения хозяйства, вторая фаза – индустриализация (создание основных средств производства и производственной инфраструктуры), третья фаза – общество массового потребления, четвертая фаза – переход к постиндустриальным способам существования.

¹⁰ Процессы реструктуризации, активно запущенные в МПЭ после 1980-х годов, наряду с прочим, резко увеличили транспортные издержки и поставили мировую экономику в зависимость от разбухшей транспортной системы. Например, снижение мировых транспортных потоков сырьевых товаров на 5% может парализовать целые отрасли промышленности (особенно, металлургию) и рынки сбыта, вызвав по цепной реакции кризисы мировых фондовых рынков. Соответственно, глобальная транспортная система вносит существенный вклад в деградацию окружающей среды.

Как понимать тогда концепцию устойчивого развития, которую в настоящий момент усиленно транслируют элиты центра? Байл считает, что эта идея связана с попыткой перенести издержки регуляции на социальную сферу¹¹. Концепция устойчивого развития предполагает в качестве своей основы капиталистический способ производства и накопления. Она рассчитана не на сокращение, а на расширение рынков и включение в рыночные отношения принципиально нерыночных сущностей. Если, например, рассматривать реки как предмет экономического потребления, то любая деятельность, влияющая на их состояние, будет означать специфические издержки, которые кому-то придется оплачивать. Мировой банк как генератор идеи устойчивого развития подводит под эту концепцию идею приватизации всей природной сферы и её выражение в монетарных терминах: если природные ресурсы будут в частных руках (читай – транснациональных корпораций), то это снизит деградацию окружающей среды, так как частный собственник лучше учитывает издержки, чем любой другой. На практике, утверждает Байл, это будет означать увеличение энтропии социальной сферы в форме неопределенности и исключения: стоимость необходимых благ для социума неизбежно возрастет. Соответственно, это приведет к возникновению протестных движений. Задача устойчивого развития будет состоять тогда в нейтрализации протеста путем предложения притягательных альтернатив.

В качестве альтернатив центра выступает система современного менеджмента. В 1980-е годы наблюдался повсеместный переход от жестких форм фордистского менеджмента к гибким формам управления: освобождение инициативы снизу; удобный график труда; система субконтрактов и т. п. Однако устраняет ли новая система управления социальную энтропию? Байл полагает, что капитализму при помощи новой системы управления удалось замедлить энтропию, но не преодолеть её. Гибкие производственные цепочки, образующие «новый мировой регионализм», действуют как среда для переноса порядка / беспорядка. Они подпитывают своими ценностями центр, а взамен получают неопределенность и риск. В целом, позитивный вклад периферии невозможно отвязать от её роли сточной канавы для поглощения беспорядка.

Современный дискурс развития, запущенный в международных организациях центра, акцентирует значимость социальных вопросов периферии. Эти вопросы трактуются в настоящий момент как «управление социальным капиталом». Подоплёка здесь следующая. Замена диктаторских режимов периферии после Второй мировой войны проходила под лозунгом демократизации. Центр предложил развивающимся странам концепцию «гражданского общества» и поддерживал те силы, которые соглашались с его руководством. После установления демократических режимов в периферии центр предложил концепцию «полиархии», препятствующую установлению в периферии сильных национальных государств (невыгодных центру) или «продвинутой» демократии, которую центр резервирует за собой. Вопрос состоит в том, сможет ли центр удержать этот порядок в нисходящей фазе циклического кризиса МПЭ.

Прежде всего не ясно, какая форма капиталистического накопления появится в результате кризиса. Возникновение нового режима предполагает перенос куда-то издержек кризиса, необходимую подпитку переходного периода, удовлетворение требований новых субъектов. За счёт чего возникнет нечто новое?

Дело в том, утверждает Байл, что подпитка нового режима со стороны экосистемы будет крайне ограничена из-за её основательной деградации. Остается социальная сфера. Речь идет о том, что произойдет с системой управления социальным капиталом в экономике и концепцией гражданского общества в политике. Одну и ту же карту нельзя разыграть дважды. Эти две формы регуляции по-прежнему будут так или иначе существовать, но выступить цементирующими факторами нового режима уже не смогут. Что тогда? Определить возможности для маневра трудно. Очевидно следующее. Произойдет ошутимое падение экономического производства и отказ от достигнутой комплексности: от

---

¹¹ Складывается впечатление, что Байл рассматривает идеологию устойчивого развития как иезуитский способ реанимации социального дарвинизма элитами центра.

плюралистических форм в политике и разнообразных международных экономических связей. С точки зрения управления элиты периферии могут выйти из-под контроля, начав проводить изоляционистскую политику. Центр, обладая превосходящими военными силами, вряд ли будет смотреть на это сквозь пальцы. Усилятся процессы миграции.

Поднятый в элитных кругах центра дискурс о бедности в странах третьего мира следует рассматривать как превентивную меру по оттягиванию негативного сценария событий. Списываются долги. Периферийные элиты получают кредиты на развитие. Открываются западные рынки для части товаров. Однако пространства для манёвра, заявляет Байл, остается всё меньше и меньше.

РЕЦЕНЗИИ

Виктор Вахштайн*

Социология повседневности: от «практики» к «фрейму»

И. Гофман Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: Пер. с англ. / Под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой; вступ. статья Г.С. Батыгина. М.: Институт социологии РАН, 2003.

Интерес к повседневности в современной социальной теории возрождается под знаком «практического поворота» (*practise turn*) [14] – обособления мира рутинизированных практик в самостоятельную область исследований. В работах целого ряда популярных сегодня теоретиков «практика» претендует на роль универсальной объяснительной категории, а сама повседневность трактуется как пересечение более или менее структурированных потоков взаимодействия. Однако за этим «более/менее» скрывается различие, которое сторонники «практического поворота» старательно игнорируют. Перенос внимания с отрезков деятельности на способ их организации, последовательное изучение структуры и *синтаксиса взаимодействия*, не зависящего от содержания практик, диктует иную, не «практическую» логику мышления о повседневной реальности. В этой логике значимым становится не содержание действий, а их взаимосвязь, интерференция и соотношение друг с другом. Такой «структуралистский» анализ повседневности противопоставляет практикам *фреймы* – нередуцируемые и неконструируемые формы социального взаимодействия.

Идея фрейм-аналитического исследования повседневной реальности непосредственно связана с именем Ирвинга Гофмана. До выхода в 1974 г. книги «Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта» Гофман пользовался репутацией автора социально-драматургической теории, символического интеракциониста и соратника Г. Блумера. Его ранние работы («Представление себя другим в повседневной жизни», «Клиники», «Стигма») оказались востребованы впоследствии именно «теоретиками практик»: Э. Гидденсом [3, с. 121-130], П. Бурдьё [9], из российских исследователей – В. Волковым [2]. «Анализом фреймов» Гофман заявляет о себе как об исследователе повседневности, чьи теоретические притязания значительно шире трех постулатов и шести «базовых представлений» символического интеракционизма [8, р. 621]. От исследования *практик* интеракции «лицом к лицу» он переходит к изучению *фреймов* социального взаимодействия.

Перевод «Анализа фреймов», выполненный под редакцией Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой, – явление во многом знаковое. До того на русском языке выходили работы Гофмана, нацеленные на изучение разного рода практик (практик самопрезентации, практик организации пространства взаимодействия, практик управления впечатлениями). Без ссылок на ранние гофмановские произведения не обходится сегодня ни одна статья по «практико-ориентированной» социологии повседневности. Альтернатива такому подходу к повседневной реальности – изложенная самим Гофманом в «Анализе фреймов» – могла бы оживить теоретическую дискуссию вокруг понятия «повседневного мира» как мира, сотканного из потоков взаимодействий. (Впрочем, ведется эта дискуссия весьма вяло, и сама безжизненность обсуждения создает иллюзию концептуальной безальтернативности «практико-ориентированных» исследований повседневности.)

Рецензируемая работа открывается критикой теоретического основания интеракционизма – утверждения конструируемости социальной реальности взаимодействующими акторами. Согласно «теореме Томаса», если акторы определяют

---

* Виктор Семенович Вахштайн – старший научный сотрудник Центра фундаментальной социологии

© Вахштайн Виктор, 2006.

© Центр фундаментальной социологии, 2006.

ситуацию как «реальную», то она реальна по своим последствиям. Гофман отклоняет данное допущение: «Определение ситуации как реальной, несомненно, влечет за собой определенные последствия, но, как правило, они лишь косвенно влияют на последующий ход событий; иногда легкое замешательство нарушит привычный сценарий и едва ли будет замечено теми, кто неправильно распознал ситуацию. Весь мир – не театр, во всяком случае, театр – еще не весь мир» (с. 61). Из чего следует, что ситуации существуют независимо от их «определений» взаимодействующими индивидами, а потому значение субъективного смысла в конструировании социального мира сильно преувеличено и внимание исследователя должно быть перенесено на нередуцируемые структуры взаимодействия, на его контексты. «По всей вероятности, – продолжает Гофман, – факт определения ситуации можно обнаружить почти во всех случаях жизни, но создают это определение, как правило, не участники ситуации...» (с. 61). Перефразируя Дж. Г. Мида, можно сказать, что определения ситуации создаются взаимодействием, но не взаимодействующими.

Такие неконструируемые определения и называются Гофманом фреймами. Термин «фрейм» находит активное применение в социолингвистике (для обозначения контекстов высказываний) и когнитивистике (для анализа структур представлений), однако Гофман заимствует это понятие у философа и этолога Грегори Бейтсона [7]. В концепции Бейтсона «фрейм» изначально используется для описания контекстов коммуникации животных.

У Гофмана «фрейм» также служит для контекстуализации социального взаимодействия и указания на его структурные характеристики, приобретая, впрочем, некоторую двойственность¹. Фрейм – это одновременно «матрица возможных событий», которую таковой делает «расстановка ролей» взаимодействующих, и «схема интерпретации», присутствующая в любом восприятии. «Мы принимаем соответствие или изоморфизм восприятия структуре воспринимаемого, – пишет Гофман, – несмотря на то, что существует множество принципов организации реальности, которые могли бы отражаться, но не отражаются в восприятии» (с. 86).

Так, фрейм становится центральной объяснительной категорией – он и «внутри» и «снаружи», и воспринимаемое и средство интерпретации воспринятого. Социальная жизнь и схемы ее распознавания индивидом структурно изоморфны. Теперь поток социального взаимодействия может быть проанализирован не просто как дискретный, состоящий из отдельных событий, сплетенный из «отрезков деятельности», но и «фреймированный», организованный в доступные изучению структуры. «Структура “фрейма”, – в отличие от “ситуации”, – устойчива и не подвержена влиянию повседневных событий. Она аналогична правилам синтаксиса» [11, р. 11-12].

Обращение Гофмана к метафоре синтаксиса неслучайно. «Структуралистская революция», произошедшая в 60-70-х гг. (не в последнюю очередь под влиянием стремительно развивавшихся когнитивных наук), увлекла исследователей коммуникации идеей поиска «мета-кода», некоей схемы упорядочения взаимодействий, существующей независимо от содержания этих взаимодействий. В исследованиях искусственного интеллекта в тот же период приносит свои плоды идея изучения структур представления информации. Работа Гофмана по анализу фреймов выходит практически одновременно с известной работой М. Минского «Фреймы для представления знаний».

Связь с основными интенциями «структуралистской революции» прослеживается в самом языке теории фреймов. «Frame» – каркас, скелет, рама, кадр, остов, оправа, стойка, форма. В немецком издании «Анализ фреймов» переведен как «Рамочный анализ» (Rahmen-Analyse). Переводчик книги на французский язык также перевел «фрейм» – «рамка», «кадр». (Последнее не покажется бесосновательным, если принять во внимание тот факт, что Гофман – работавший в Канадском национальном кинокомитете – строит свою концепцию с

---

¹ Гофман подчеркивает отличие собственной трактовки понятия «фрейм» от трактовки Бейтсона: «Бейтсон полагает «фреймирование» психологическим процессом; я считаю его свойством самой организации событий и когниций» [12, р. 84].

многочисленными заимствованиями из теории кино, активно цитируя В. Пудовкина, Б. Балаша, Б. Успенского.)

В рецензируемом издании используется калька английского термина – «фрейм». Хотя это переводческое решение лишает гофмановское понятие того богатства бытовых ассоциаций, которые имеются у слова «frame» в английском языке, перевод достаточно точен. Нужно лишь принять во внимание, что «фрейм» у Гофмана – это псевдотермин, заимствованное из обиходного языка слово, а вовсе не точное и однозначно определяемое понятие. (Другой возможный перевод этого ключевого гофмановского понятия, предложенный А.Д. Ковалевым, – «формат» [5].)

Фреймы организованы в системы фреймов (frameworks)². Среди систем фреймов «онтологическим приоритетом» обладают первичные или базовые системы, за которыми не скрывается никакая другая «настоящая» интерпретация (с. 81). Первичные системы фреймов – это и есть «настоящая реальность». В свою очередь, они подразделяются на природные и социальные. «Природные системы фреймов, – полагает Гофман, – определяют события как ненаправленные, бесцельные, неодоушевленные, неуправляемые – “чисто физические”... Здесь царят детерминизм и предопределенность... Социальные фреймы, напротив, обеспечивают фоновое понимание событий, в которых участвуют воля, целеполагание и разумность – живая деятельность, воплощением которой является человек» (с. 82).

При всей их значимости, первичные системы фреймов, составляющие фундамент мира повседневности, не находятся в центре внимания И. Гофмана. Его гораздо больше занимают возможности трансформации, преобразования «настоящей, живой деятельности» в нечто пародийное, поддельное, «ненастоящее». Гофман выделяет два типа трансформаций.

Основной тип – *переключение* – представляет собой способ реинтерпретации некоторой деятельности, уже осмысленной в базовой системе фреймов («если нет исходной схемы, то нечего переключать»); ее перевод в другую систему координат (с. 104). Эта система координат, в сущности, образует некоторый мир вымысла. В качестве вымышленного мира может рассматриваться мир текста, мир сна, мир спектакля, мир спортивного состязания и т.д. В них «настоящая», разбитая на отрезки деятельность становится превращенной.

Второй тип – *фабрикация* – предполагает целенаправленное формирование ложного представления о происходящем (с. 145). Данный класс трансформаций объединяет розыгрыши, экспериментальную инсценировку (навязывание испытуемому ложного представления о целях эксперимента), учебный обман (взлом сейфа для тестирования системы безопасности), «патерналистские конструкции» (сокрытие информации во благо жертвы), проверки (введение жертвы в заблуждение для оценки ее действий), а также многочисленные формы злонамеренного обмана.

В отличие от фабрикации, переключение не предполагает намеренной лжи. Оно осуществляется посредством *выдумки* (имитации непревращенной деятельности в игровых целях), *состязаний* (в которых драка становится боксом, а погоня – бегом), *церемониалов* (символических преобразований повседневности), *технической переналадки* (например, воспроизведения фрагмента непревращенной деятельности в учебных целях), *пересадки* (трансформации мотивов привычной деятельности).

Одно из любопытных наблюдений Гофмана состоит в следующем: *наибольшим потенциалом переключаемости* обладает деятельность, сама явившаяся результатом переключения (с. 143). Например, учения – это «техническая переналадка» боевых действий. Специфика перемещения войск, отдаваемых команд, выполняемых тактических задач здесь предписывается определенным сценарием. Смысл сценария состоит в том, чтобы, с одной стороны, приблизить копию к оригиналу («условия, максимально приближенные к боевым...»), а с другой – сохранить происходящее в рамках фрейма трансформированной активности («без жертв»). Однако во фрейме «учения» к технической переналадке

² В отечественной литературе есть и другой перевод слова «framework» – «рамочная структура» [4], однако он предполагает отказ от самого термина «фрейм».

добавляется еще один слой (lamination) трансформации – состязание. В учениях участвуют две противоборствующие «армии», и исход «войны» заранее не известен. Теперь представим, что все происходящее снимается для учебного фильма и должно *выглядеть реалистично*. С этой целью некоторые фрагменты учений играют «на камеру», солдаты принимают более сосредоточенный и «боевой» вид, стараясь максимально соответствовать своей роли. Так в структуру фрейма включается третий слой трансформации. Если же допустить, что не все фрагменты играют перед камерой одинаково удачно и требуют дополнительных репетиций, то мы сталкиваемся с еще одним слоем технической переналадки – но теперь сами учения выступают «оригиналом», а репетиция – «копией».

Каждый следующий слой фрейма – это отражение отражения, перевод в новую систему координат того, что уже выдержало несколько переводов. В итоге Гофман оказывается перед необходимостью ответить на вопрос: как соотносятся между собой трансформированная и нетрансформированная деятельность в структуре мира повседневности?

«Когда мы считаем что-либо нереальным, – пишет Гофман, – мы иногда не учитываем, что реальность не обязательно должна быть очень уж “реальной”; с таким же успехом она может быть как инсценировкой событий, так и самими этими событиями, а может быть репетицией репетиции или репродукцией оригинального изложения. Любое из изображений может быть в свою очередь создано путем копирования нечто такого, что само является макетом, и это наводит нас на мысль, что суверенным бытием обладает отношение, а отнюдь не субстанция. (Бесценная авторская акварель, хранящаяся по соображениям безопасности в папке с репродукциями, оказывается в данном контексте лишь репродукцией)» (с. 677). Собственно, здесь фрейм-анализ перестает быть частной микросоциологической теорией и обнаруживает свой философский потенциал. Гофмановская постановка вопроса о реальности «социальной реальности» продолжает ряд задач, которые в философии повседневности связаны с именами У. Джемса, Э. Гуссерля и А. Шюца.

Джемс одним из первых заменяет классический вопрос «Что есть реальность?» вопросом «При каких условиях мы считаем вещи реальными?». Миры розыгрыша, церемониала, выдумки, соревнования, тренировки перед выступлением – это не просто части реальности, это самостоятельные универсумы, находящиеся в определенном отношении к миру непревращенных форм деятельности. Отсюда перенос внимания с самих форм опыта – рутинных или сфабрикованных – на отношения между ними.

«Я не думаю, – пишет Гофман, – что Джемс указал на что-то ценное в отношении “верховой” реальности (какая бы система фреймов при ее определении не задействовалась), однако я полагаю, он был очень находчив во всем, что связано с фиктивными областями. Его различение типов “субуниверсумов” не столь полезно, но утверждение того, что каждый из них имеет свой “особый и самостоятельный стиль существования”, представляет собой “согласованную систему” и каждый из этих миров “пока находится в центре внимания, по-своему реален” плодотворно. Этими идеями я обязан Джемсу. Их я и попытался развить в “Анализе фреймов”» [12, р. 83].

Впрочем, не только Джемсу обязан Гофман этими идеями. Другой источник его вдохновения – феноменологические теории Арона Гурвича и Альфреда Шюца, где последовательно развивается предложенное Э. Гуссерлем различение «предикаций существования» и «предикаций реальности». Как отмечает Шюц, «противоположностью первых являются предикации несуществования, последних – предикации нереальности, вымысла» [6, с. 22]. То, что «не существует», может, тем не менее, быть реальным *per se*, без обращения к субъективному смыслополаганию изолированного актора. Миры театра, сна и вымысла обладают *собственной* организацией, представляя собой замкнутые «регионы жизненного мира» (А. Шюц) или автономные «порядки существования» (А. Гурвич).

Итак, в теориях предшественников Гофмана эти области а) замкнуты и б) онтологически неравноценны (одна из реальностей обязательно оказывается «базовой»),

«верховой»). Первый тезис Гофман оспаривает еще во введении «Анализа фреймов». Утверждение Шюца о специфическом «шоке», который мы используем при переходе от одного региона к другому (например, когда опускается театральный занавес), кажется ему сомнительным. Напротив, «не-буквальные-реальности» (non-literal-realms) сосуществуют с нетрансформированной деятельностью; трансформация не «нависает» над рутинной, а встроена в нее³. Следовательно, жесткой границы между сегментами мира повседневности нет.

Со вторым тезисом все не столь очевидно. Само различие Гофманом «базовых» и «не базовых» систем фреймов указывает на сходство интенций Гофмана и Джемса. Онтологическая неравноценность мира фундаментальной деятельности, за которой «ничего не скрывается», и результатов трансформаций изначально принимается на веру. «При доказывании того, что повседневная деятельность снабжает нас своего рода оригиналом, с которым можно сопоставлять разного рода копии, – отмечает Гофман, – предполагалось, что исходная модель является чем-то подлинным, способным к фактическому существованию и в своем бытовании она гораздо прочнее связана с окружающим миром, чем любое изображение» (с. 679). Оказалось же, что повседневная жизнь зачастую представляет собой многослойное отображение некоего образца или модели, «которые сами являются воплощением чего-то весьма неопределенного в своем бытийном статусе» (с. 679). Теперь становится понятен сарказм Гофмана в его рассуждениях о «верховой реальности» у Джемса. Между копией и оригиналом нет разницы. Изображения являются такой же реальностью, как и сама «верховная» реальность.

Несмотря на кажущуюся легкость изложения и бесспорный талант Гофмана-рассказчика, концептуальный аппарат теории фреймов исключительно сложен для перевода. Наибольшую сложность представляют уже упомянутые понятия «*frame*» и «*framework*». Последнее может переводиться как «система фреймов» лишь условно. В действительности речь идет о «фрейме фреймов», «метафрейме», интерпретирующем все включенные в данный кластер схемы интерпретации. Попытка описания такой «структуры структур» опять же обнаруживает близость словаря гофмановской теории к структуралистскому дискурсу⁴.

Другая трудность перевода на русский язык словаря теории фреймов обусловлена специфическим стилем Гофмана, его склонностью пользоваться «псевдотерминами», т.е. заимствованными из повседневного языка многозначными понятиями. «Промачи» (muffings), «игровое притворство» (playfulness), «обман» (hoaxing) – за каждым из этих понятий в словаре теории фреймов закреплено вполне определенное теоретическое содержание, которое оказывается погребенным под лавиной обыденных ассоциаций. Такая манера терминологического заимствования из обыденного языка наследуется Гофманом от его учителей – представителей Чикагской школы социологии (в первую очередь от Эверета Хьюза). Отсюда ряд неточностей при переводе. Так, во вступительной статье Г.С. Батыгина, содержащей подробное описание и детальный анализ основных понятий теории фреймов, есть разбор ранней статьи Гофмана («On cooling the mark out», 1952), название которой предлагается переводить как «Трезвое отношение к видимостям». Однако в статье речь идет не о сознательной «маркировке» (mark out) «людей, влияющих на наше поведение» с целью «снижения риска быть обманутыми» (с. 13), а об используемых мошенниками специфических приемах приведения в чувство (cooling out) своей жертвы (the mark), которую заставляют смириться с обманом и тем самым «адаптируют к неудаче». Поэтому дословный перевод статьи – «О приведении жертвы в чувство». Впрочем, подобные неточности

³ Хотя Гофман признает, что, будучи встроенными в мир рутины, отрезки трансформированной деятельности пригнаны к нему не столь плотно, как «деятельность в буквальном смысле слова» (с. 677).

⁴ Любопытно, что некоторые современные социологи-постструктуралисты (Б. Латур, М. Каллон), противопоставляя жесткой «структуре» подвижную и гибкую «сеть» как иную форму социального взаимодействия, апеллируют к И. Гофману, достраивая его концепт «*framework*» до теоретической оппозиции «*framework/network*» [13].

неизбежны при переводе работ Гофмана⁵. Все это несколько не умаляет достоинств вступительной статьи Батыгина, в которой впервые предпринимается попытка дать структуралистскую контекстуализацию теории фреймов.

Еще одна трудность перевода «Анализа фреймов» связана с особенностями привлечения Гофманом ряда концептов из лингвистики, этологии, когнитивистики, киноведения и музыковедения. Например, понятие «переключение» (keying) нагружено музыкальной метафорикой (с. 105). При этом англоязычному читателю дается ряд намеков на то, что «ключи» следует понимать по аналогии с музыкальными ключами. (Хотя и сам Гофман признает, что слово «тональность» здесь было бы более уместно: переключить действие, значит «сыграть» его в другой «тональности», в ином смысловом диапазоне). Отнюдь не всегда эту метафоричность гофмановского словаря можно донести до русскоязычного читателя.

Несмотря на перечисленные трудности, перевод позволяет проследить связь теории фреймов с некоторыми базовыми посылками повлиявших на Гофмана структуралистских теорий. «Анализ фреймов» – это прежде всего работа о смысловых *структурах* повседневного мира. Тем не менее, одной структуралистской реинтерпретации социологии повседневности не достаточно для осмысления тех философских вопросов, которым посвящен «Анализ фреймов».

Что дает исследователю повседневности переключение внимания с практик на фреймы, с содержания деятельности на ее структурную контекстуализацию? Ирвингу Гофману такой «структуралистский поворот» позволил представить социальную реальность повседневного взаимодействия во всей ее многослойности и «не-буквальности». Не «субстанция» (содержание действий), а «отношения» (закрепленные в структуре фреймов) обладают суверенным бытием. Отношения же эти проявляются в первую очередь в структурной организации фреймов, в системе «слоев» и пространственно-временных «скобок» деятельности.

Критикуя гофмановскую теорию, Н. Дензин и Ч. Келлер писали: «Театральная и метафорическая интерпретация Гофманом “фрейма” заводит его в несуществующий мир театра, где трансформации надстраиваются над трансформациями... Если структуралистская интерпретация “Анализа фреймов” подтверждается (а мы полагаем, что это так), тогда вклад Гофмана в интерпретативную социальную науку оказывается ограниченным. Его фреймы – замороженные формы. Его концепция реальности – обманчива и туманна. Постулированные им “трансформации” не имеют под собой никакой основы или причины. Его фреймы схватывают события на периферии социальной жизни. Мистификации, промахи, ложные шаги, порнография, благотворительность, репетиции, игры без игр, игры животных, телевизионная реклама, театральные сценарии, грандиозные обманы и Дон Кихот в кукольном представлении, безусловно, находятся на краю повседневной жизни большинства людей... Никакого взаимодействия в “Анализе фреймов” нет» [10, р. 72-74].

Что в этой критике звучит более угрожающим обвинением: «структурализм», отказ от изучения «живого взаимодействия» или исследование «несуществующего мира», туманной реальности? Очевидно, две эти претензии связаны так же тесно, как внимание к «не-буквальным-реальностям» связано со «структуралистским» способом их анализа в работах самого Гофмана.

Отражения отражений отнюдь не находятся на периферии социальной жизни. Они заполняют повседневность, делая ее все более виртуальной, убеждающей нас в реальности несуществующего. Таким образом, исследователь повседневности оказывается перед выбором: или продолжить поиск ускользающего оригинала, фундаментального уровня социальной реальности в практиках повседневного взаимодействия или, признав тождество оригинала и копии, переключиться с изображения в зеркале на сами процессы отражения, искажения, трансформации. Теория фреймов Ирвинга Гофмана – яркий пример того, как эти

---

⁵ Например, в немецких источниках данная статья упоминается под названием «Хладнокровная разметка» [1].

процессы могут быть описаны на языке не «практико-ориентированной» социологии повседневности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абельс Х.* Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию / Пер. с нем. под общ. ред. Н.А. Головина и В.В. Козловского. СПб.: Алетейя, 1999.
2. *Волков В.В.* О концепции практик в социальных науках // Социологические исследования. 1997. № 6.
3. *Гидденс Э.* Устроение общества. Очерк теории структуриации. М.: Академический проект, 2003.
4. *Гоффман Э.* «Я» и Другой // Личность. Культура. Общество. 2000. Том 2. Вып. 3(4).
5. *Ковалев А.Д.* «Фрейм-анализ» Гоффмана с точки зрения переводчика // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. N 2. [online] <<http://www.sociologica.ru/04tra1.pdf>>.
6. *Шюц А.* О множественности реальностей // Социологическое обозрение. 2003. Том 3. № 2.
7. *Bateson G.* A Theory of Play and Fantasy // Psychiatric Research Reports, 1955, №2.
8. *Blumer H.* Symbolic Interactionism: Perspective and method. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1969.
9. *Bourdieu P.* Erving Goffman: Discoverer of infinitely small // Erving Goffman: Vol. 1 / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. London: Sage Publications, 2000. P. 3-5.
10. *Denzin N., Keller Ch.* Frame Analysis Reconsidered // Erving Goffman: Vol. 4 / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. London: Sage Publications, 2000. P. 65-79.
11. *Goffman E.* Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior. New York: Anchor, 1967.
12. *Goffman E.* A reply to Denzin and Keller // Erving Goffman: Vol. 4 / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. London: Sage Publications, 2000. P. 79-91.
13. *Latour B.* On interobjectivity // Mind, Culture, and Activity: An International Journal. 1996. Vol. 3. № 4.
14. The practice turn in contemporary theory / ed. by T. Schatzki et al. New York : Routledge, 2001.

ОБЗОРЫ

Наиль Фархатдинов и Никита Харламов

Создавая Мыслящие Миры

17-18 ноября 2006 года в Москве, в Политехническом музее прошла конференция по философии, политике и эстетической теории «Создавая Мыслящие Миры». В качестве докладчиков в ней приняли участие Бернар Стиглер, Валерий Подорога, Жак Рансьер, Шанталь Муфф, Молли Нейсбит, Борис Кагарлицкий и Михаил Рыклин. Нейсбит, кроме того, зачитала доклад, подготовленный Саскией Сассен, которая, к сожалению, не смогла присутствовать на конференции. Модераторами дискуссии выступили Свен-Олов Валленстейн и Анна Костикова. Конференция была организована Федеральным агентством по культуре и кинематографии, Российским институтом культурологии, художественным фондом «Московская биеннале», издательской программой «Интерроса». Она приурочена ко второй Московской биеннале современного искусства, которая пройдет весной будущего года. Организаторы поставили перед собой задачу создать вокруг биеннале «дискурс», некоторый интеллектуальный контекст из обсуждений и дискуссий. В феврале 2007 года ожидается второй этап конференции. Среди приглашенных Джорджо Агамбен, Хэл Фостер и Джудит Батлер.

Предлагаем вниманию читателей обсуждение конференции, представленное в виде диалога. Собеседники «по горячим следам» пытаются осмыслить (с точки зрения социологов, не в последнюю очередь) происшедшее: определить место подобного рода конференций в российском интеллектуальном пространстве и поделиться впечатлениями о самом этом пространстве.

Наиль Фархатдинов. Итак, если это была биеннале, то почему понадобилась философская конференция (первая биеннале прошла без подобного мероприятия)? А если это конференция – событие, так сказать, для российского интеллектуального сообщества и с его участием, то почему в формате биеннале?

Никита Харламов. «Конферналле» какое-то получается... И как его рассматривать?

Н.Ф. Можно предположить, что таким образом организаторы хотели поддержать биеннале со стороны «теории».

Н.Х. А зачем таким мероприятиям «теория»?

Н.Ф. Современное искусство дано нам онтологически, и как таковое оно сопряжено с другими сферами знания – философией, социологией, психологией, психоанализом и т.д. То, что произошло с искусством, можно трактовать по Беньямину: изменилось само искусство, значит, должно измениться и его восприятие, но восприятие всегда запаздывает. Оно догоняет изменившееся искусство разными способами, в частности, при помощи философии.

Н.Х. Почему выгоднее всего прибегать к помощи именно философии?

Н.Ф. Потому что вопрос «Что такое искусство?» ставится изначально в философии, и в этом отношении она удобнее, чем, например, социология. Благодаря обращению к философии восприятие может догнать изменившееся искусство. Когда необходимо объяснить, что «мусор» – инсталляции, непонятные объекты, видео – является искусством, происходит обращение к философии. Но привлекать философию к разговору об искусстве – не то же самое, что говорить о философии. Говорить о философии можно, не имея специального образования и специальных знаний. Если же говорить о чем-то *при помощи* философии (когда философия привлекается как инструмент), то оказывается, что нужно разбираться в философских проблемах.

Прошлую биеннале критиковали за то, что подобного обращения не было, поэтому организаторы решили предупредить возможную критику и обратились к философскому

теоретизированию. Парадокс заключается в том, что конференция проводилась для тех, кто либо делает современное искусство, либо его легитимирует. Но в области философии художники оказываются вне игры – просто в силу того, что не все знают философию.

Н.Х. Здесь мне видится еще одна проблема, которая не была понята Иосифом Бакштейном (одним из кураторов биеннале). Он утверждает существование примата искусства перед философией. Так, он заявил, что не искусствоведы пишут о РыкLINE, а РыкLINE пишет об искусстве.

Н.Ф. Почему так называемый «примат» отдается тому, о ком пишут, а не тому, кто пишет, наблюдает и исследует объект? Приматы тоже никогда не напишут о РыкLINE, а вот он о них очень даже может написать!

Н.Х. Многие художники (и кураторы) – если судить по тем аннотациям и текстам, которые они сами же пишут к своим произведениям и выставкам, – как минимум знакомы с Марксом, Фрейдом, Деррида, Фуко... Я предполагаю, что очень многие художники всерьез увлекаются философией. Поэтому сам художник в большей или меньшей степени встроен в философский дискурс. Другое дело – насколько он в него включен: на какой базе, на каких знаниях и образовании, и что он с этим дискурсом делает. Я думаю, есть художники, которые могли бы быть блестящими философами, и есть художники, которые читают Деррида как развлечение в метро. Но вряд ли сами они считают, что «дискурса не хватает», им-то он как раз не нужен, у них свой дискурс...

Н.Ф. Философию попытались использовать как средство, между тем она таковым не является. Объясню почему. Доклады, прочитанные в первый день, были не об искусстве, а о предмете исследования философов. Философия всячески противилась, когда из нее пытались сделать средство легитимации. Во второй день попытки продолжились, она сопротивлялась в силу того, что доклады были предметные.

В итоговой дискуссии вопросы из зала заставили философов говорить об искусстве. И произошла трансформация философской конференции в конференцию об искусстве с привлечением философов. При этом об искусстве не было ни одного доклада, сделанного художником, и ни один художник, присутствовавший в зале, не задал вопроса.

Н.Х. Задавали вопросы журналисты, философы...

Н.Ф. Философы, которые проповедуют «левые идеи». Мне, правда, не совсем ясно, откуда в этом пространстве вообще взялись левые идеи.

Н.Х. Как раз ясно, откуда они взялись! У нас до сих пор сохраняется максимализм, мы обязательно впадаем в крайности. Либо мы насквозь левые и утрировано демонстрируем себя леваками, как, например, Кагарлицкий или, скажем, Лимонов, либо, наоборот отказываемся от левых идей и всячески вычищаем их из своего дискурса.

В западной интеллектуальной традиции такого нет. Все широкое левое течение не было ни радикально маргинальным, ни радикально мейнстримовым. В 1968 году оно активизировалось, потом притухло, потом опять активизировалось... Те же левацкие идеи Бодрийера им и не утрируются и не выхолащиваются.

Вот на конференции и возникло противоречие. С одной стороны, западные философы, которые так или иначе опираются на левую мысль, никогда не ставили себе целью сознательно ее игнорировать. С другой стороны, наши философы, наоборот, хотят, чтобы их считали левыми. Это дает повод иронизировать в ЖЖ: «Подорога думал, что он единственный правый философ в России, а он оказался единственным правым философом в мире»...

Н.Ф. Конференция была организована вполне в духе современного искусства, к которому привлекаются люди, не являющиеся художниками. К участию в философском дискурсе были привлечены люди, не являющиеся философами. Видимо, предполагалось, что это «оживит» и «заострит» дискуссию. Однако «интерактива» не получилось. Что-то наподобие дискуссии состоялось, но ее итог был предсказуем. Не было «чистых» философов за исключением нескольких представителей того круга, который сложился вокруг современного искусства в начале или середине 90-х, не было академических философов,

которые, возможно, занимаются другой проблематикой, не было социологов... Скорее всего, люди не пришли либо потому, что до них не дошла информация о программе конференции, поскольку, например, в Интернете она была помещена на сайтах, имеющих отношение к искусству, а не к философии, либо они просто проигнорировали это мероприятие из-за предубеждения к прозападной, постмодернистской философии в духе Подороги и Рыклина, которая профессионально им неинтересна.

Поэтому сложно было что-то обсуждать. Даже сам формат «перекрывал» взаимодействие: не соблюдался регламент, сокращалось время на вопросы. «Интерактив» постоянно «сворачивался» и «задвигался»: не было тем, интересных для общего обсуждения, да и физической возможности обсуждать что-либо. Все это, скорее, походило на гастроли с аплодисментами.

Н.Х. Или на потребление философии.

Н.Ф. Я бы не сказал «потребление». У аудитории не наблюдалось потребности.

Н.Х. Эту потребность создали.

Н.Ф. Уже вполне наблюдаемым усилием.

Н.Х. Получается прямо по Кагарлицкому. Существует некоторая возможность, и ее используют для того, чтобы сконструировать потребность...

Н.Ф. Не совсем понятно, откуда берется эта возможность.

Н.Х. Деньги есть!

Н.Ф.: А откуда деньги?

Н.Х. Волшебная сила искусства! (В том числе добывать деньги на такие мероприятия). Современное искусство существует ведь и в экономической ипостаси. Ясно, что оно нуждается в некотором дискурсе вокруг себя, хотя бы арт-критическом. Само потребление такого искусства, например, поход на выставку – это уже своего рода дискурс. А потом в дело включается экономическая структура, существующая вокруг искусства – галеристы, промоутеры, кураторы, получающие деньги за раскрутку и продажу этого искусства. Чтобы достичь своей цели, им необходимо поддерживать систему в рабочем состоянии. И когда говорят: «У вас не хватает философского дискурса, в который сами художники так или иначе включены», принимается решение его создать. Выделяются деньги, по сравнению с ценой некоторых произведений даже не очень большие, а затем сам факт проведения «дискурса» работает на экономическую систему. На самом деле, не важно, кто в нем участвует. По какому критерию выбирал приглашенных на конференцию? Кстати, вначале – в апреле – была намечена одна комбинация – Славой Жижек и Бенджамин Бухло. Но как тогда не было понятно, что объединяет этих людей, как потом не было понятно, что объединяет людей, которые действительно приехали, так и сейчас непонятно, что объединяет тех, кто заявлен на февральскую конференцию.

Н.Ф. Может быть, любовь к искусству? Кто из философов не любит искусство?

Н.Х. Мне оно напоминает демонстрацию «экзотических животных» в клетках. Большинство докладчиков довольно экзотичны. Многие ли у нас знают их работы? Тот же Стиглер, я слышал это имя, но не знаю, переведены ли его труды на русский язык. То же можно сказать и обо всех остальных зарубежных участниках конференции. Чтобы наладить коммуникацию, задать какой-то вопрос, нужно понимать, о чем они рассуждают. А это очень проблематично не только потому, что тяжело воспринимать на слух английский, на котором читается доклад, но и потому, что сначала надо поставить обсуждаемые проблемы в какой-то контекст.

Н.Ф. Здесь, наверное, важно, как происходит коммуникация. Носит ли она персональный характер, когда конкретный человек разрабатывает определенную тему и все вопросы адресуются к нему, или есть проблема, которую конвенционально признают наличествующей, и люди собираются обсуждать ее с разных позиций. Конференция показала, что проблем как таковых нет. И только в завершающей сессии была предпринята попытка объединить все доклады в единую логическую схему.

Н.Х. Нельзя ли поподробнее о «проблемном» и «персональном» подходах?

Н.Ф. Когда есть доклад, можно обсуждать этот доклад. Когда есть проблема, точнее, когда приоритетной является проблема, обсуждается не доклад, а проблема. Но здесь сложилась странная ситуация. Конечно, формат был задан как докладный, не как круглый стол. Круглый стол предполагает проблемный подход, докладный формат предполагает обсуждение докладов. Но поскольку присутствующие и не были знакомы с докладами, их сложно обсуждать. В результате во главу угла ставится биография Стиглера, которую раздали за 5 минут до начала конференции...

Н.Х. Получается, что произошло несоответствие формата цели?

Н.Ф. Именно! Сессии ведь были названы конкретно, четко. «Образование понятий»...

Н.Х. Конкретней некуда. Я названия этих текстов плохо понимаю. Мне кажется, они были придуманы в последний момент, когда определился список тех, кто готов сделать доклад. Названия были во многом предназначены... нет, не предназначены, а «постназначены», скажем так, об этом свидетельствует то, что это событие позиционировалось и анонсировалось в СМИ по персональному признаку...

Н.Ф. Все начиналось действительно как персональное мероприятие: все видели имена, но не видели проблемы. Потом заслушали доклады и поняли, что проблема не раскрыта. В итоге получили откровенно занудную, скучную заключительную часть.

Н.Х. Хочу обратить внимание на прочитанный Нейсбит доклад Сассен, который по сути является резюме ее книжки, вышедшей в 2006 году. Сассен сделала очень простую вещь: представила доклад, фактически отражающий то, что она делала на протяжении последних пяти-шести лет. Она занимается проблемами контргеографий, поведением наименее привилегированных групп, протестными движениями, пространственной реализацией некоторых глобальных сущностей в городской среде.

Если бы Сассен присутствовала на конференции, я бы спросил ее о том, как она оценивает роль современного искусства в качестве политического компонента протестных движений, иными словами, как она увязывает современное искусство в самом широком смысле слова с контргеографиями глобализации. Я читал, что в 2001 году она пыталась выявить эту связь, но у нее, как мне кажется, это получилось не очень удачно.

На мой взгляд, Сассен занялась этим сейчас потому, что тема глобальных городов исчерпывается. Во-первых, есть книга «Global Cities», она стала классикой социологии и политэкономии, она в дискурсе, имеет свою критику. Во-вторых, появился корпус исследователей, которые изучают эту тему, выдвигают и проверяют различные гипотезы и т.д. Сама Сассен – уже классик этого направления и не очень понятно, какие открытия здесь можно в ближайшее время сделать. Можно ждать 10 лет, наблюдать за тем, что происходит с глобальными городами, и писать третье издание книжки. Но пока стоит заняться чем-то другим, что она и делает.

Возвращаясь к дискуссии о конференции, подчеркну: коммуникация возможна тогда, когда есть знание контекста, работ, понимание того, как они родились и что происходит в этой области. Конференция предполагает, что будет дискуссия. Но дискуссии ведут люди, которые заинтересованы в философии, а если она позиционирует себя как проблемная, то обсуждать необходимо проблемы, затронутые в докладах. Не читая работ, мы не можем знать контекста. Это первое противоречие. Второе противоречие состоит в том, что не было рабочих исследователей.

Н.Х. Кстати, о том, какая литература у нас выходит. Мне кажется, по мнению издателей, издавать можно и нужно только то, что уже утвердилось как современная классика. Деррида, Делеза и Фуко издавать выгодно, потому что многие о них слышали и будут их читать. При этом мы отстаем от запада, и этот временной разрыв становится все больше. А что касается современных отечественных философов, мне кажется, что проблема их отсутствия многоаспектна. Не думаю, что только мы сомневались, удастся ли попасть на эту конференцию.

Н.Ф. Да, конференцию совершенно неоправданно пытались организовать как закрытое мероприятие элитного толка.

Н.Х. Кроме того, с точки зрения профессионального сообщества, в известной мере сработало самореализующееся пророчество: не трудно было предположить, что если таких совершенно разных людей, как, например, Кагарлицкий и Подорога, «поместить» в одну конференцию, то единого дискурса не будет. Будут выступления по проблемам, которые каждый участник уже давным-давно разрабатывает, и в случае необходимости все это можно прочитать, а осуществить какую-то коммуникацию в таких условиях невозможно.

Мне кажется, дискурс мог бы состояться, например, если бы приехал один Стиглер. Он выступает 40 минут. После чего час – вопросы. Соответственно, аудитория думает только о Стиглере, ей проще справиться с потоком информации и как-то его структурировать.

Н.Ф. Непонятно, зачем нужен второй этап. В нем была бы необходимость, если бы был сформулирован какой-то вопрос. Но этого сделано не было. На конференции собрались люди со своими темами, сферами деятельности. Молли Нейсбит – философски ориентированный историк искусства, Сассен – социолог, Стиглер – философ, Кагарлицкий – социолог и теоретически фундированный левый публицист.

Н.Х. Получается, что особой необходимости во втором этапе нет, все дело в том, что Агамбен и Сассен не приехали, а мы их хотели бы пригласить. В результате вряд ли удастся избежать того непонимания и тех сомнений, которые возникли по поводу первого этапа.

Н.Ф. Еще нужно отметить спокойное течение конференции. На ней ни разу не были затронуты темы, которые были бы настолько пересекающимися, чтобы возникла дискуссия на уровне «реплика-реплика». Обсуждение докладов сводилось к фразе: «как вы относитесь к...»

Н.Х. Поскольку проблем не было, и непонятно было, как их ставить, вопросы формулировались в самой общей форме. И поэтому реплики по определению были просто несопоставимы. Это как если бы я спросил у пяти людей, какая это чашка, и один сказал, что она белая, другой – что на ней нарисована эмблема, третий – что в ней кофе, а четвертый – что она стоит на столе.

Н.Ф. Но парадокс, как в известной истории о трех слепых, ошупывавших слона, заключается в том, что мы не получаем цельного представления об этой чашке.

Н.Х. Они смотрели на один и тот же объект с совершенно разных точек зрения и в принципе не могли прийти к общей плоскости дискурса. Они даже не противоречили друг другу. Дискуссия была просто невозможна.

Н.Ф. А в итоге была публично заявлена формальная задача о легитимации современного искусства в стране. У Бакштейна есть старая идея – проводить ликбезы по современному искусству, вот и здесь он пытался делать именно это.

Н.Х. Но делать это при помощи философии – непозволительная в нашем положении роскошь: философские идеи, которые пошли в ход (а именно эти идеи сегодня в той же моде, что и обсуждавшееся искусство), едва известны нашей просвещенной публике.

Странность всей ситуации с легитимацией нашего современного искусства усугублялась еще и тем обстоятельством, что приглашенные зарубежные философы, похоже, впервые с этим искусством столкнулись.

Н.Ф. Получается, что с одной стороны, прошла в высшей степени представительная конференция, но именно в силу ее представительности, она не состоялась!

Н.Х.: Совершенно согласен. Когда за маленьким столом на одной сцене сидят Несбит, Рыклин, Кагарлицкий, Муфф, Рансьер, Стиглер и все они пытаются в течение двадцати минут сформировать единый дискурс, получается настоящий шок.

Н.Ф. Вообще, идея о том, что философа необходимо видеть живым – это скорее попытка приобщиться к знанию...

Н.Х. Это ритуал, ритуальное действие. Я думаю, это явления одного порядка с потреблением места: необходимо поехать к пирамиде Хеопса, чтобы насладиться действительной пирамидой Хеопса, а не фотографией в журнале National Geographic. В каком-то смысле это попытка вновь создать сакральное, своего рода ауру по Бенъямину, для знания. В таком случае, докладчики на конференции выступают как жрецы философского

знания, пифии. Как не было коммуникации между человеком и пифией, так и здесь ее нет. Коммуникация получилась односторонней. По сути, это сакрализация биеннале.

Н.Ф. Возможно, еще одна проблема состоит в том, что темы сессий, видимо, задавались из-за рубежа.

Н.Х. Я думаю, что темы эти возникли буквально в последний момент, когда определились докладчики. Их нужно было разделить на сессии, которые были маркированы чисто формально.

Н.Ф. В Интернете сначала появились названия сессий, а потом доклады. Возможно, была договоренность о том, что надо сделать такие сообщения. Много, вероятно, делалось вынужденно. И, по-видимому, все эти темы были сформулированы вне зависимости от российского контекста. Не известен механизм, почему конференция, приуроченная к российской биеннале, в сторону России обращалась на уровне...

Н.Х. Приглашения Подороги, Рыклина и Кагарлицкого.

Н.Ф. На мой взгляд, для налаживания коммуникации этого мало. Сделали странную вещь: вырезали сеть коммуникаций из Европейского философского пространства и перенесли в Политехнический музей – как экспонат, да только по дороге она развалилась на нескольких отдельных докладчиков.

Н.Х. Честно говоря, мне не ясно, по каким признакам отбирались докладчики, даже те, кто был назван первыми: Бенджамин Бухло, Гаятри Чакраворти Спивак, Петер Слотердайк, Славой Жижек. Я не очень уверен, что они составляют единую коммуникативную сеть, что между ними и между их работами есть устойчивые взаимосвязи и параллели. И если, например, Кагарлицкий и Подорога представляют разные течения, принадлежат к разным институциям и объединены только тем, что живут в России и работают в Москве, то Стиглер и Рансьер, в свою очередь, объединены тем, что оба живут во Франции.

Каждый наш философ сделал то же самое, что сделали приглашенные господа: изложили то, чем сейчас занимаются. Подорога изложил свои мысли о литературе, Рыклин – свои тезисы относительно разгрома выставки «Осторожно религия!», Кагарлицкий – левацкую публицистику. Я думаю, лучшее объяснение произошедшему состоит в том, что изначальное позиционирование проблемы было бессодержательным: нам нужна «форма дискурса» и мы хотим найти *способ* «создать дискурс». Поскольку у нас есть деньги, и мы можем на них создать этот дискурс, давайте пригласим докладчиков из-за рубежа. Принцип приглашения понятен: докладчики должны говорить по-английски и их имена должны быть на слуху в европейской интеллектуальной элите. Это своего рода эффект Матфея по Мертону: статус Сассен, Стиглера, Подороги уже позволяет не опасаться, что это нечто непопулярное и неизвестное. Они известны.

Н.Ф. Возможно, сыграл свою роль и модератор.

Н.Х. Валленштейн? Я не знаю, кто это и какова его роль в данном случае, но очень может быть... Может быть, сложилась такая ситуация, что все эти люди просто актуализированы в сознании у одного арт-критика.

Н.Ф. Согласен, весьма вероятно. Похоже, мы исчерпали свои суждения об этом событии ...

Н.Х. Если не обсуждать конкретные доклады, то больше добавить нечего, а обсуждать их, учитывая вышеизложенное бесполезно и невозможно.

Н.Ф. По поводу докладов, мне кажется, можно сказать следующее. Во-первых, люди говорили о разном. Во-вторых, они «говорили о непонятном», поскольку это «разное» разлилось настолько, что в целом создавалось впечатление какофонии или «праздничного концерта» – после ансамбля песни и пляски выступает иллюзионист. В-третьих, многое осталось непонятным и потому, что «публика» (по крайней мере студенческая) не подготовлена к восприятию таких «номеров» – она у нас «слабонервная» и «чувствительная», все больше «смыслов» ищет, меньше – «форм».

СТАТЬИ И ЭССЕ

*Ирина Савельева,
Андрей Полетаев**

Ценности и установки в массовых представлениях американцев

Для изучения ценностей и установок, разделяемых рядовыми американцами, мы использовали результаты нескольких специальных обследований, проводившихся в 1990-е годы, а также отдельные вопросы, включавшиеся в американские социологические исследования в последние 15 лет. Естественно, что у опросов много очевидных минусов и ограничений, но, к сожалению, это практически единственный источник сведений об обыденных представлениях.

Главный недостаток опросов состоит в том, что в них в лучшем случае выявляются только «конечные результаты», но механизм формирования тех или иных представлений с их помощью не обнаруживается. Критический настрой часто вызывают уже сами формулировки вопросов, задаваемых респондентам. Обычно, как бы ни старались быть объективными организаторы опроса, респондентам все равно навязывается некоторое мнение как в формулировке вопроса, так и в наборе предлагаемых вариантов ответа. Наконец, существует проблема надежности результатов. В США уже примерно 20 лет опросы проводятся в основном по телефону (ранее они проводились путем личного интервью). Между тем около 10% населения США проживают в домохозяйствах, в которых нет домашнего (стационарного) телефона, а в некоторых социальных группах (прежде всего малообеспеченных), этот показатель гораздо выше.

В последние годы получают распространение опросы по Интернету в режиме online (например, в социологической службе Хэрриса создано соответствующее специальное подразделение – Harris Interactive). Хотя при проведении интернет-опросов применяется ряд технических приемов, призванных уменьшить возможные смещения результатов (вплоть до предоставления компьютеров и подключения к сети респондентов, попавших в выборку, но не пользующихся Интернетом), полностью избежать смещений здесь пока не удается, и мы старались минимизировать использование данных, полученных в режиме online.

Естественно, мы вообще не используем результаты, полученные путем свободного голосования, будь то телефонные звонки на радио и телевидение или электронное голосование на интернет-сайтах (хотя *тематика* таких нерепрезентативных опросов бывает порой весьма интересной).

Возвращаясь к репрезентативным общенациональным выборкам, отметим, что в США в последние 10–15 лет они обычно составляют 1200, 800 или 600 человек при численности взрослого населения (18 лет и старше) около 200 млн человек. Ошибка выборки (при 95% вероятности) оценивается, соответственно, в 3, 4 и 5 процентных пунктов.

---

* Савельева Ирина Максимовна, доктор исторических наук, ординарный профессор, директор Института гуманитарных историко-теоретических исследований ГУ–ВШЭ

Полетаев Андрей Владимирович, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института гуманитарных историко-теоретических исследований ГУ–ВШЭ, заведующий сектором Института мировой экономики и международных отношений РАН

© Савельева И., Полетаев А., 2006.

© Центр фундаментальной социологии, 2006.

In God We Trust

Путешествовавший по Новому свету в начале 1830-х годов Алексис де Токвиль в хрестоматийной работе «Демократия в Америке» (эта работа, кстати, включена в американские образовательные программы) писал:

«Америка остается той частью света, где христианская религия в наибольшей степени сохранила подлинную власть над душами людей. И эта страна, где религия оказывает в наши дни наибольшее влияние, является в то же время самой просвещенной и свободной» [3, С. 222].

Удивительно, но, как и многие другие наблюдения Токвиля, его рассуждения о роли религии в США по-прежнему актуальны и на уровне констатаций, и в свете предложенных им объяснений. Религиозность по сей день остается важнейшей составляющей американского образа жизни.

Подавляющее большинство современных американцев (более 90%) заявляют, что они верят в Бога. Впрочем, американцы вообще много во что верят – в ангелов, чудеса, загробную жизнь, рай и ад, дьявола, НЛО, реинкарнацию, ведьм и прочее (табл. 1). На эту тему проводится множество опросов¹, но они не имеют прямого отношения к нашему исследованию. Существенно подчеркнуть, однако, широкое распространение верований прежде всего в христианские символы (Бог, ангелы, дьявол, рай, ад, чудеса), в 2–3 раза превышающее степень распространения нехристианских верований (НЛО, астрология, реинкарнация, привидения, ведьмы).

Таблица 1.

Верите ли лично Вы в существование каждого из перечисленных ниже явлений? . . . (список, % «верящих») 2003

Бог	92	НЛО	34
Рай	85	Привидения	34
Чудеса	82	Астрология	29
Ангелы	78	Реинкарнация	25
Ад	74	Ведьмы	24
Дьявол	71		

Do you personally believe in the existence of each of the following? [list] (FOX News/Opinion Dynamics Poll. Sept. 23–24, 2003. Telephone. Registered voters. N = 900. MoE = ±3 p.p.).

Согласно опросам Гэллапа за 1980–2006 гг., 82–86% американцев утверждают, что религия занимает важное место в их жизни (в том числе 55–58% американцев заявляют, что религия играет в их жизни *очень* важную роль). Не более 15% респондентов говорят, что религия не очень важна для них, или затрудняются с ответом².

Подавляющее большинство американцев (81–83%) считают себя христианами³. По данным опросов Гэллапа за 2005 г., о другой религиозной принадлежности заявляют только 5%, и всего 10% называют себя атеистами или агностиками⁴.

Ответы на вопросы о религиозности подтверждаются и данными о посещении церкви. Согласно регулярно проводимым опросам Гэллапа, около 60% американцев посещают

¹ См., например: <http://www.pollingreport.com/religion.htm>; <http://www.pollingreport.com/religion2.htm>.

² *How important would you say religion is in your own life – very important, fairly important, or not very important?* (Gallup Polls. 1980–2006.).

³ См., например, опросы Хэрриса: *Would you describe yourself as a Christian, or not?* (The Harris Polls. July 17–21, 1998. Telephone. N = 1011. MoE = ±3 p.p.; August 2000. Telephone. N = 1010. MoE = ±3 p.p.).

⁴ *What is your religious preference – are you Protestant, Roman Catholic, Jewish, another religion, or no religion? [If anything else, ask:] Would you fall under the general category of Protestant religions, is it a Christian religion, but not Protestant, or is it something else?* (Gallup Polls. 2005.).

церковь или синагогу не реже одного раза в месяц (в том числе примерно 33% – не реже одного раза в неделю), еще 27% ходят в церковь изредка и только 13% – никогда⁵.

Опрос службы Хэрриса (2000 г.) показывает, что в спасение (survival) души после смерти верят примерно 85% американцев, в том числе 64% верят, что после смерти попадут на небеса, т.е. по сути считают себя праведниками, 5% рассчитывают на чистилище, и лишь 1% относит себя к закоренелым грешникам, которых ждет ад. Впрочем, 16% все-таки полагают, что их спасенная душа окажется «где-то еще» (somewhere else)⁶.

Согласно опросу Time/CNN (2002 г.), 59% опрошенных американцев верят в Конец света, предсказанный в Откровении Иоанна Богослова, причем 17% респондентов думают, что станут очевидцами этого события⁷. По данным опроса Newsweek (1999 г.), 40% полагают, что Конец света произойдет в соответствии с библейским описанием Армагеддона – битвы между Иисусом и Антихристом, в том числе 18% думают, что это случится при их жизни⁸.

Столь высокий уровень религиозности, возможно, объясняет неудовлетворенность американцев значением религии в стране (им хотелось бы, чтобы присутствие религии было еще более ощутимым). По данным опросов FOX News/ Opinion Dynamics, проводившихся в 1996–2003 гг., примерно 70% респондентов устойчиво считают, что роль религии в жизни большинства населения «слишком мала»⁹.

Уверенность большинства американцев в недостаточной роли религии в жизни нации сочетается с убежденностью в сохранности христианских устоев в США. По опросам журнала Newsweek, в 1998 г. 59% респондентов были убеждены, что американское общество в целом воплощает христианские ценности и дух Христа, в том числе 10% считают, что общество «очень близко» к ним и 49% – что «достаточно близко» (24% ответили «не слишком близко»; 9% – «совсем не близко» и 8% затруднились с ответом)¹⁰. В 2002 г. 45% респондентов заявили, что считают США христианской или библейской страной/государством (nation). Столько же – 45% – считают Америку светским государством, 10% затрудняются с ответом¹¹. И это при том, что по Конституции, которую, как мы увидим ниже, американцы очень чтят, США – светское государство!¹²

До сих пор мы акцентировали внимание на *состоянии* религиозных установок и ценностей американцев, но важно также понять, как население оценивает *изменения*, происходящие в данной области (динамику). Согласно опросам CNN/ USA Today/ Gallup, большинство американцев, уверены, что религия в целом теряет свои позиции в обществе.

⁵ *How often do you attend church or synagogue: at least once a week, almost every week, about once a month, seldom, or never?* (Gallup Polls. 1992–2006.).

⁶ *Do you believe in survival of the soul after death? [If “Yes”, ask:] When you die, where do you think you will go: heaven, hell, purgatory, or somewhere else?* (The Harris Poll. August 2000. Telephone. N = 1010. MoE = ±3 p.p.).

⁷ *[As you may know, the last book of the New Testament, called the Book of Revelation, contains passages which some people say predict how the world will end.] Do you think the events described in the Book of Revelation will occur at some point in the future or don't you think so? [If “Yes” ask:] Do you think that the end of the world, as predicted in the Book of Revelation, will happen in your lifetime or don't you think so?* (Time Magazine/ CNN Poll, conducted by Harris Interactive. June 19–20, 2002. N = 1003. MoE = ±3 p.p.).

⁸ *Do you believe that the world will end, as the Bible predicts, in a battle at Armageddon between Jesus and the Antichrist? [If “Yes” ask:] Do you believe that Jesus will return to Earth in your lifetime?* (Newsweek Poll, conducted by Princeton Survey Research Associates. October 21–22, 1999. N = 755. MoE = ±4 p.p.).

⁹ *Do you think religion plays too large or too small a role in most people's lives today?* (FOX News/ Opinion Dynamics Polls. 1996–2003. Registered voters.).

¹⁰ *Do you think American society as a whole reflects the values and spirit of Jesus very closely, somewhat closely, not too closely, or not at all closely?* (Newsweek Poll, conducted by Princeton Survey Research Associates. December 10–12, 1998. N = 806).

¹¹ *Which one of the following three statements comes closer to your view? The United States is a Christian nation. The United States is a Biblical nation, defined by the Judeo-Christian tradition. The United States is a secular nation in which religious belief, or lack of it, isn't a defining characteristic.* (Newsweek Poll, conducted by Princeton Survey Research Associates. June 27–28, 2002. Telephone, N = 1000. MoE = ±3 p.p.).

¹² «... Никакая проверка религиозности не должна требоваться в качестве условия для занятия какой-либо должности или официального поста на службе Соединенных Штатов» (Ст. VI Конституции США, 1787 г.).

Оставляя в стороне краткосрочные колебания, в течение последних 10 лет в среднем 57–58% респондентов устойчиво отвечает, что влияние религии на американскую жизнь уменьшается, и только 36–39% полагает, что оно возрастает¹³.

The Ten Commandments

Высокий уровень религиозности (прежде всего христианской) предопределяет важность моральных ценностей, в основном консервативно-традиционного характера. В одном из опросов Гэллапа, проведенном в 1986 г., респондентам предложили оценить свои установки в вопросах, касающихся секса, морали, семейной жизни и религии по шкале, градуирующей 7 степеней – от «очень традиционных, старомодных» ценностей до «очень либеральных, современных»¹⁴. К приверженцам «очень традиционных, старомодных» принципов отнесли себя 24% ответивших, на другом полюсе оказалось только 5%. Примечательно, что подавляющее большинство – 54% респондентов – сосредоточились в верхней, условно говоря, более консервативной, части шкалы (рис. 1).

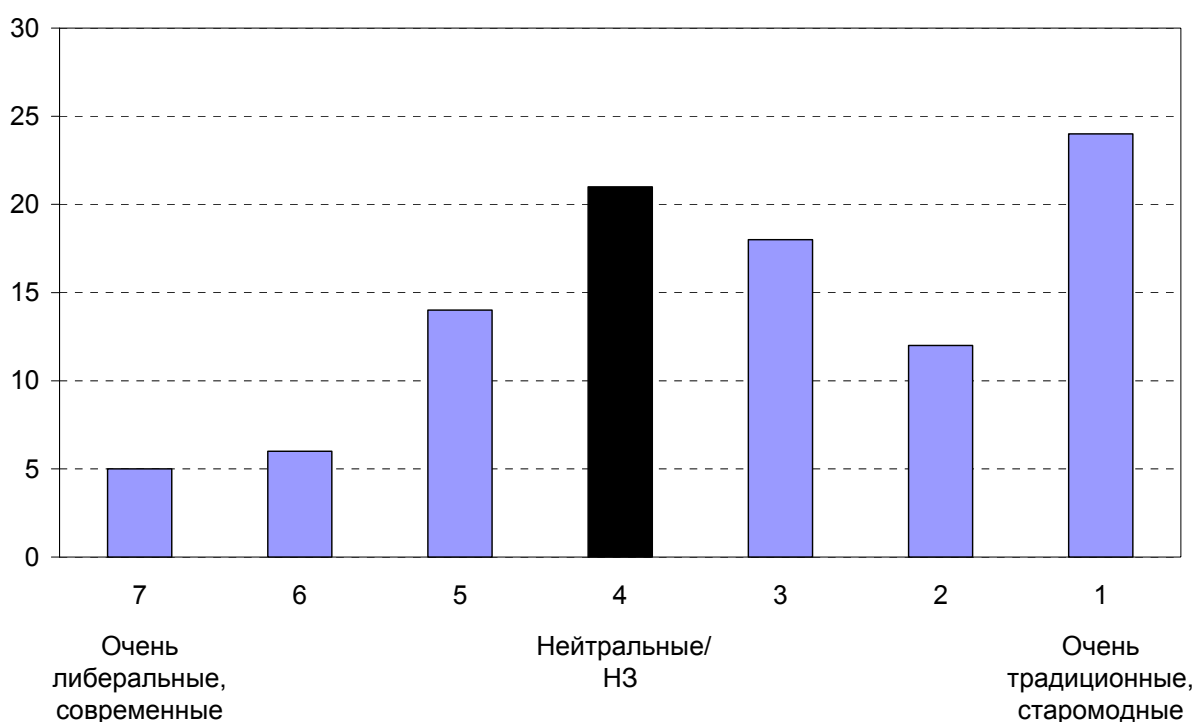

Рис. 1. Некоторые люди являются приверженцами очень традиционных ценностей в таких вопросах, как секс, нравственность, семейная жизнь и религия. Если 1 характеризует носителя очень традиционных, старомодных ценностей, а 7 характеризует приверженца очень либеральных, современных взглядов на эти проблемы, где Вы поместили бы себя на этой шкале? 1986 г.

После коротко всплеска либеральных настроений в 1960–1970-е годы, в последние десятилетия приверженность консервативным взглядам усиливается, что хорошо видно, например, по данным ежегодно проводимых опросов первокурсников университетов и 4-летних колледжей (см. табл. 2).

¹³ At the present time, do you think religion as a whole is increasing its influence on American life or losing its influence? (CNN/ USA Today/ Gallup Polls. 1995–2006).

¹⁴ Some people have very traditional values about such matters as sex, morality, family life and religion. If 1 represents someone who has very traditional, old-fashioned values, and 7 represents someone who has very liberal, modern values about these matters, where on this scale would you place yourself? (Gallup Poll. April 11–14, 1986. In-person. N = 2943).

Таблица 2.

Характеристики установок первокурсников американских университетов и 4-летних колледжей (%) 1970–2004 гг.

Характеристики	1970	1980	1990	2000	2004
Политическая ориентация					
Либерал	36	21	25	25	26
Центрист	43	57	52	52	46
Консерватор	17	19	21	19	22
Личные цели (% «очень важная» или «первоочередная»)					
Добиться хорошего финансового положения	36	63	72	73	74
Обрести осмысленную жизненную философию	79	63	46	42	42
Идти в ногу с политическими событиями	57	45	47	28	34
Установки (% «одобряю» или «решительно одобряю»)					
Отменить смертную казнь	59	35	23	31	33
Легализовать марихуану	41	37	19	34	37
Узаконить аборты	86	54	66	54	54

Political orientation [list]. Personal objectives [list]. Attitudes [list]. Annual surveys of first-time full-time freshmen in 4-year colleges and universities (The American Freshman: National Norms (Annual). The Higher Education Research Institute, University of California, Los Angeles, CA). Цит. по: *Statistical Abstract 2006, Table 272.*

Если 79% первокурсников 1970 г. видели свою цель в поисках смысла жизни, то к 2004 г. их доля плавно снизилась до 42%, да и интерес к политике упал с 57% до 34% респондентов. Зато в жизненных ориентациях этой категории молодежи на первое место с 1990 г. выходит материальное преуспевание – к этой цели стремятся уже 73% против 36% в 1970 г. Таким образом, соотношение озабоченных собственным финансовым благополучием и занятых постижением смысла жизни становится прямо противоположным. Интересно, что в политических ориентациях молодежи столь радикальных сдвигов не произошло: подавляющая часть первокурсников заявляют о центристских (или, скорее, нейтральных) позициях. Но все-таки доля тех, кто относит себя к либералам, с 1980-х годов понизилась на 10 и более процентных пунктов по сравнению с 1970 годами, а доля консерваторов немного повысилась. Этот сдвиг в жизненных и политических ориентациях сказался, в частности, на отношении к правовым нормам, которые традиционно служат индикатором «либеральности» (легализация абортов, марихуаны и отмена смертной казни). Из таблицы видно, что доля сторонников этих норм заметно сократилась, причем перелом в позициях зафиксирован уже в 1980 г. Тогда же резко увеличилась и доля озабоченных финансовым благополучием, правда, для части из них такой «материализм» еще не означает утраты идеализма.

Материалы опросов позволяют констатировать конфликт между «традиционными» и «новыми» («политкорректными») ценностными установками и расклад сил в этом конфликте. В 1999 г., по опросу NBC News/Wall Street Journal, соотношение сторонников «старых» и «новых» установок составляло 2:1 (60% против 29%)¹⁵, но оно, видимо, медленно меняется в пользу последних. Естественно, что при этом какая-то часть американцев пытается примирить «консервативные» и «либеральные» ориентации между собой.

В результате активного утверждения ряда новых ценностей, связанных с повышением уровня толерантности, признанием прав «других» или «меньшинств» в самых разных

¹⁵ *Which should be a more important goal for our society these days: promoting greater respect for traditional social and moral values, or encouraging greater tolerance of people with different lifestyles and backgrounds?* (NBC News/ Wall Street Journal Poll, conducted by the polling organizations of Peter Hart (D) and Robert Teeter (R). June 16–19, 1999. N = 2011).

областях (религиозной, культурной, сексуальной и т. д.), представления о морали у американцев оказываются довольно специфическими. Например, по данным опроса Гэллапа (2006 г.), только 15% ответивших считают морально приемлемым самоубийство, но при этом 50% признают моральность самоубийства, осуществляемого с помощью врача. Только 4% считают морально допустимыми сексуальные связи между женатыми мужчинами и замужними женщинами, но при этом 44% не находят аморальными гомосексуальные отношения¹⁶.

Хотя для американцев характерны высокие нравственные стандарты, они не думают, что в стране с моралью все замечательно. Это напоминает ситуацию с оценкой религии и может свидетельствовать как о зазоре между оценкой собственной и «общественной» морали, так и о неустанном стремлении к идеалу.

По данным опроса Гэллапа, общее положение дел с нравственностью в стране американцы ранжировали в 2006 г. следующим образом: «отличное или хорошее» – 14%, «удовлетворительное» – 45%, «плохое» – 42%¹⁷. (В принципе такие оценки можно интерпретировать и как показатель высокого уровня нетерпимости значительной части американцев к либеральным нравам своих сограждан.)

Интересно, что в области нравственности у американцев не наблюдается чувства «национального» превосходства, по крайней мере это не просматривается в опросах. В опросе 1999 г., организованном Shell Oil Company, был задан вопрос: «Что вы думаете в целом об американских моральных стандартах в сравнении с другими странами? Относятся ли американские моральные стандарты к самым высоким, выше средних, средним, ниже средних или самым низким?»¹⁸. В итоге 55% ответивших оценили моральные стандарты американцев как средние, а к самым высоким и самым низким их отнесли, соответственно, 6% и 7% (рис. 2).

---

¹⁶ *Next, I'm going to read you a list of issues. Regardless of whether or not you think it should be legal, for each one, please tell me whether you personally believe that in general it is morally acceptable or morally wrong. How about ... ? [list]* (Gallup Poll. May 8–11, 2006. Telephone. N = 1002. MoE = ±3 p.p).

¹⁷ *Thinking for a moment about moral values: How would you rate the overall state of moral values in this country today – as excellent, good, only fair, or poor?* (Gallup Poll. May 8–11, 2006. Telephone. N = 1002. MoE = ±3 p.p.).

¹⁸ *On the whole, how do you think that America's moral standards today compare with those of other countries? Compared with the rest of the world, are America's moral standards among the highest, above average, average, below average, or among the lowest?* (Shell Oil Company Poll, conducted by Peter D. Hart Research Associates (D). March 16–20, 1999. N = 1277).

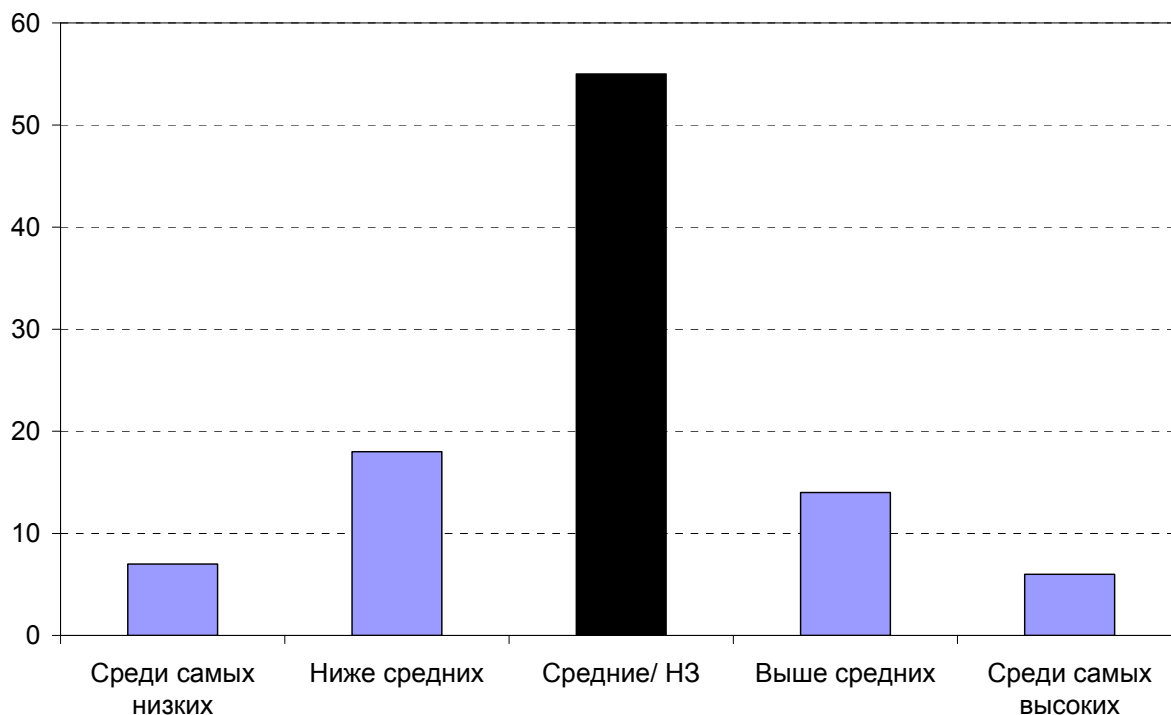

Рис. 2. Как Вы оцениваете американские моральные стандарты по сравнению с другими странами? 1999 г.

Если говорить об оценке американцами *тенденций* в области морали и нравственности, то подавляющее большинство (70–80%) устойчиво считают, что состояние морали в обществе ухудшается как в краткосрочном, так и в долгосрочном плане (по крайней мере в последние 100 лет). И только от 10% до 20% респондентов полагают, что состояние морали в обществе, как в краткосрочном, так и в долгосрочном периоде, улучшается. О таком соотношении массовых представлений свидетельствует большое число опросов, дающих достаточно объективный результат¹⁹. Впрочем, мотив «упадка нравов» – один из самых навязчивых в партитуре человеческой истории, поэтому вряд ли стоит удивляться тому, что он отчетливо звучит в американском общественном мнении.

Unalienable Rights

Система ценностей в США очень специфична и, на первый взгляд, противоречива. Сегодняшняя американская реальность уходит корнями в свое, по историческим меркам хоть и недолгое, но все же более чем двухвековое прошлое. На фоне секуляризации массового сознания в Европе, начавшейся в XVIII в., история США выглядит достаточно уникально. Здесь очень рано развивается процесс демократизации, но он «уживается» с культом религии и религиозной «картиной мира». В европейских странах, где религиозные установки на протяжении последних веков оставались значимыми (таких, например, как Италия или Испания), с демократией очень долго были проблемы.

В свое время еще Алексис де Токвиль заметил, что в США, в отличие от Европы, религиозные и моральные установки народа самым тесным образом связаны с приверженностью демократическим ценностям и политическим свободам.

«Я... считаю нравы одной из основных причин, которыми можно объяснить существование демократической республики в Соединенных штатах. Под словом “нравы” я подразумеваю... моральный и интеллектуальный облик народа.

... Религию, которая в Соединенных Штатах никогда не вмешивается непосредственно в управление обществом, следует считать первым политическим институтом этой страны.

¹⁹ См.: <http://www.pollingreport.com/values.htm>.

Ведь хотя она и не усиливает стремление людей к свободе, она значительно облегчает жизнь свободного общества. Именно так жители Соединенных Штатов смотрят на религиозные верования... По их мнению, религия необходима для укрепления республиканских институтов. И это мнение принадлежит не какому-либо одному классу или партии, а всей нации, его придерживаются все слои населения» [3, С. 220, 223–224].

Со времен Токвиля прошло более 150 лет, и американцы, конечно, стали другими: они благоденствуют, живут в обществе массовой культуры, пожинают плоды научно-технического прогресса, радикально расширили пределы своей толерантности – но, судя по исследованиям и опросам, религиозность и твердые нравственные стандарты не просто остаются социальным императивом, они по-прежнему лежат в основе политической культуры страны²⁰.

Как и религия, политика (выборы, гражданские инициативы, законодательная деятельность и право в целом) занимают очень важное место в сознании американцев. Интерес к политическому процессу закладывается в школе. С этим связана и ориентация исторических представлений на те политические события и личности, с которыми ассоциируются успехи и прорывы в развитии демократии.

Косвенно судить о том, как соотносятся по значимости моральные и политические установки, позволяют данные опроса Гэллапа за 1999 г. Респондентам предъявили список ценностей, которые могут быть предметом обучения в государственной школе, и предложили высказаться по поводу каждой из них: следует или не следует обучать им всех учеников государственных школ в их округе (табл. 3).

Таблица 3.

Сейчас я прочитаю Вам список ценностей, которым можно учить в государственных школах. Выскажетесь, пожалуйста, по поводу каждой из них: следует или не следует обучать им всех учеников государственных школ в вашем округе? 1999

Ценности	Следует обучать	НЗ	Не следует обучать	Разность (1)–(3)
	1	2	3	4
Честность	98	0	2	96
Признание людей иного расового и этнического происхождения	94	1	5	89
Демократия	93	1	6	87
Моральное мужество	90	2	8	82
Забота о друзьях и членах семьи	90	0	10	80
Патриотизм и любовь к родине	89	1	10	79
Золотое правило*	87	3	10	77
Признание людей, придерживающихся непопулярных или спорных политических или социальных позиций	72	2	26	46
Воздержание от добрачных связей	68	1	30	38
Признание людей с другими сексуальными ориентациями, а именно: гомосексуалов и бисексуалов	55	3	43	12
Признание права женщин на аборт	47	3	50	–3

I am going to read you a list of different values that might be taught in the public schools. For each one, please tell me whether you think it should be taught, or should not be taught, to all students in the public schools of your community. How about... [list] (Phi Delta Kappa/ Gallup Survey. May 1–30, 1999. Telephone. N = 4189).

²⁰ Подробнее см., например: [4, гл. 2, особ. с. 88–95].

На первом месте в этом списке оказывается честность. Далее следуют толерантность и демократия, за ними – моральное мужество, забота о друзьях и членах семьи, патриотизм и «золотое правило нравственности»²¹. Патриотизм в этом рейтинге занимает лишь шестое место. Примечательно, что воспитывать терпимость по отношению к расово и этнически *другим* респонденты сочли даже более важным, чем учить демократическим принципам (это не обязательно означает, что расовая толерантность считается *более* приоритетной, возможно, она считается важной, но недостаточно привитой). Но в любом случае расовая и этническая терпимость, по результатам опроса, оказывается важнее политической толерантности, а та, в свою очередь, – терпимости к сексуальным меньшинствам. Впрочем, и этому больше половины ответивших тоже считают необходимым учить в школе.

Если говорить о собственно правах и свободах, гарантированных Конституцией США, то, по данным опроса Гэллапа в 2003 г., американцы ранжируют их, с точки зрения своего личного «чувства свободы», следующим образом (в скобках – доля респондентов, считающих данное право «критически важным» для себя): 1) право голосовать (60%); 2) свобода вероисповедания (55%); 3) право на свободу слова (52%); 4) право на справедливый суд (52%); 5) право на невмешательство в частную жизнь (47%); 6) право обращаться к правительству с петициями (45%); 7) право на защиту от необоснованных обысков и арестов (40%); 8) свобода печати (36%); 9) право на хранение и ношение оружия (30%)²².

Право участвовать в выборах, оказавшееся по результатам опроса самым главным атрибутом личной свободы, кажется на первый взгляд куда более формальным правом, чем многие другие. Однако, скорее всего, его высшая приоритетность свидетельствует в пользу развитой политической культуры населения, понимающего, что именно от людей, избранных во власть всех уровней, в огромной степени зависит соблюдение остальных, гарантированных законом прав личности, их защита и развитие. Кроме того, значительная часть Конституции США и последующих поправок к ней посвящена именно системе выборов и избирательным правам, что тоже способствует восприятию этого института как базового в системе демократических ценностей. (Кстати, главное отличие между гражданами США и лицами, проживающими в США, но не имеющими гражданства, состоит именно в праве голоса.)

В отличие от оценки ситуации с моралью и религией, большинство американцев довольны положением с правами и свободами. В 1995 г., по данным опроса Гэллапа, 64% американцев в целом были удовлетворены эффективностью демократии в стране (в том числе 15% – полностью удовлетворены), и только 27% – неудовлетворены (в том числе 7% – полностью неудовлетворены)²³ (рис. 3).

---

²¹ «Обращайся с другими так же, как ты хочешь, чтобы обращались с тобой». С небольшими вариациями в формулировках эта идея появляется в различных культурах в середине I тыс. до н.э. (в Махабхарате, изречениях Будды, у Гомера и Геродота, Конфуция, в Ветхом Завете в Книге Товита). В Новом Завете «золотое правило» упоминается в Нагорной проповеди: «Итак, во всем как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки» (Мф. 7: 12). Подробнее см.: [2].

²² *Next I am going to read some basic American rights. For each one, please indicate whether this is crucial to your own sense of freedom, very important but not crucial, somewhat important, or not important at all. [list]* (Gallup Poll. November 10–12, 2003. Telephone. N = 1004. MoE = ±3 p.p.).

²³ *How satisfied are you with the way democracy works in this country? Are you very satisfied, somewhat satisfied, neither satisfied nor dissatisfied, somewhat dissatisfied, or very dissatisfied?* (Gallup Poll. April 21–24, 1995. Telephone. N = 1007. MoE = ±3 p.p.).

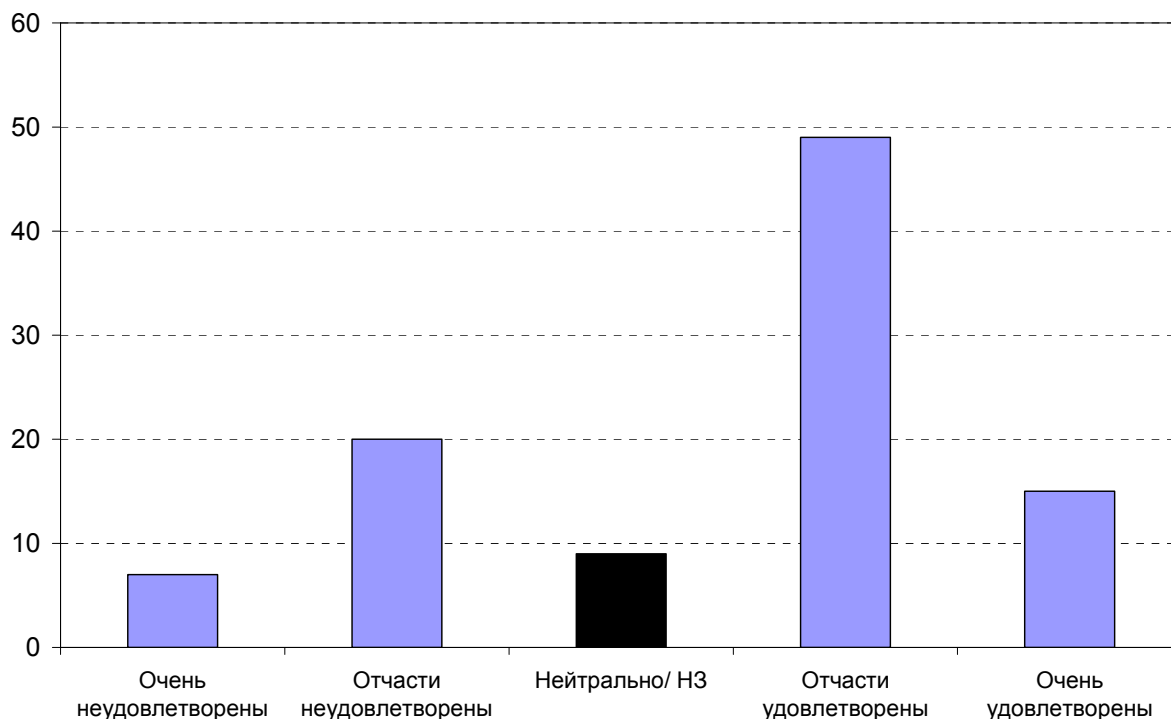

Рис. 3. *Насколько Вы удовлетворены эффективностью демократии в стране? 1995 г.*

Если в области морали американцам свойственна сдержанная самооценка, то в сфере демократии и прав человека им, напротив, присущи некоторые миссионерские (причем глобальные) установки. Распространение демократии в мире, защиту прав человека, борьбу с бедностью и болезнями они рассматривают как сферу ответственности США. Как пишет американский историк Дэниел Бурстин,

«С самого начала американцам очень не хотелось считать, что их переселение, их территориальные захваты, их дипломатия и их войны не имели высшей цели, и они определяли эту цель как “миссию”... Корни помощи иностранным государствам, Корпуса мира и других многочисленных международных институтов глубоко спрятаны в традициях американского миссионерства» [1, Т. 3, С. 699–700].

По данным опроса Гэллапа за 2005 г., задачи обеспечения прав человека в других странах, помощи в повышении уровня жизни в менее развитых странах, «построение демократии в других странах», хотя и уступают по значимости внешнеполитическим целям, непосредственно связанным с безопасностью США, тем не менее от 30 до 50% американцев считают их «очень важными» (табл. 4).

Таблица 4.

Я собираюсь прочитать Вам список возможных внешнеполитических целей, которые могут преследовать США. Пожалуйста, ответьте по поводу каждой из них, считаете ли Вы ее «очень важной» задачей внешней политики Соединенных Штатов, в определенной мере важной, не очень важной или совсем не важной. [список, % «Очень важная цель»] 2005

Цели внешней политики	%
Предотвращение актов международного терроризма	82
Предотвращение распространения ядерного оружия и других средств массового поражения	82
Обеспечение необходимых энергоресурсов	70
Защита безопасности наших союзников	57
Поддержание военного превосходства во всем мире	56
Обеспечение и защита прав человека в других странах	53
Помощь в повышении уровня жизни в менее развитых странах	38
Защита более слабых стран от внешней агрессии	39
Построение демократии в других странах	31

Next, I'm going to read a list of possible foreign policy goals that the United States might have. For each one please say whether you think it should be a very important foreign policy goal of the United States, a somewhat important goal, not too important a goal, or not an important goal at all. [list] (Gallup Poll. February 7–10, 2005. Telephone. N = 1008. MoE = ±3 p.p.).

Помимо «миссионерского» рвения, признание важности «демократических» внешнеполитических задач объясняется вполне прагматическими представлениями о том, что обеспечение национальной безопасности США косвенно зависит и от успехов на поприще «демократизации всего мира» и ликвидации бедности. Хотя «построение демократии в других странах» в приведенном рейтинге занимает последнее место, на вопрос «Как Вы считаете, распространение демократии по всему миру существенно для безопасности США или не имеет большого значения для безопасности США?», заданный в ходе опроса Гэллапа в 2005 г., 52% респондентов ответили утвердительно (46% – отрицательно)²⁴.

Если нравственное состояние нации американцы оценивают достаточно сдержанно, то своими достижениями в области демократии они определенно гордятся и претендуют на роль учителей во всемирном масштабе, о чем свидетельствует и приведенная выше оценка внешнеполитических приоритетов.

В частности, американцы считают уровень личной свободы в США самым высоким в мире. В сравнительных оценках ряда стран с позиции свобод личности, гарантированных их гражданам, сделанных в опросе Гэллапа в 1995 г., по мнению американцев, лидируют США – 8,2 по 10-балльной шкале. (Другие страны американцы оценили следующим образом: Канада – 7,5; Великобритания – 6,8; Мексика – 4,5; Россия – 3,8; Китай – 3,0.)²⁵

Американцы очень дорожат своими неотъемлемыми правами и свободами, и реестр этих прав от века к веку пополняется. Во второй половине XX в. главные изменения в этой области произошли в связи с движением за гражданские права. По опросу Pew Research Center (1999 г.), подавляющее большинство опрошенных (84% против 5%, при 11% «воздержавшихся») расценивают движение за гражданские права [чернокожего населения] в

²⁴ *Do you think spreading democracy throughout the world is essential for U.S. security, or doesn't it make much difference to U.S. security? (CNN/ USA Today/ Gallup Poll. February 4–6, 2005. Telephone. N = 1011. MoE = ±3 p.p.).*

²⁵ *Just your opinion, how far up or down on a ten point scale would you rate each of the following nations in terms of the individual freedom granted to its citizens. A ten means the highest level of personal freedom and a one, the lowest. You can choose any number from one to ten... [list, average score] (Gallup Poll. August 11–14, 1995. Telephone. N = 2836.*

XX в. как «изменение к лучшему»²⁶. При этом в ходе опроса Diageo/ Hotline (2006 г.) 37% респондентов оценили нынешнее состояние расовых отношений в США как отличное или хорошее, 43% – как приемлемое или нормальное, и только 17% – как плохое²⁷.

Интересны результаты опросов Pew Research Center за 1999 г., задачей которого было определить, как американцы оценивают изменения, происшедшие в жизни разных социальных групп с 1950-х гг. Судя по ответам, почти для всех групп американского общества «жизнь стала лучше, жизнь стала веселее» (табл. 5).

Таблица 5.

*[Сейчас я собираюсь зачитать список некоторых групп американцев. По поводу каждой из них скажите, пожалуйста, стала ли она жить лучше или хуже с 1950-х годов.]
Стала ли жизнь этой группы американцев лучше или хуже за последние 50 лет?
(список, % респондентов, 1999 г.)*

Группы	Жизнь стала лучше	Без изменений/НЗ	Жизнь стала хуже	Разность (1)–(3)
	1	2	3	4
Женщины	83	8	9	74
Геи и лесбиянки	61	26	13	48
Мужчины	51	31	18	33
Афроамериканцы	81	13	6	75
Латиноамериканцы	65	30	5	60
Белые мужчины	53	30	17	36
Инвалиды	82	10	8	74
Престарелые граждане	61	14	25	36
Дети	46	10	44	2
Тинейджеры	33	11	56	–23
Американские рабочие	60	15	25	35
Американский средний класс	51	27	22	29
Члены профсоюзов	35	36	29	6
Фермеры	20	15	65	–45
Верующие	46	34	20	26

Now I'm going to read a list of some groups of Americans. For each one, please tell me whether life has gotten better or worse since around 1950. ... Has life gotten better or worse for this group of Americans over the past 50 years? [list] (Pew Research Center for the People & the Press Millennium Survey, conducted by Princeton Survey Research Associates. April 6 – May 6, 1999. Telephone. N = 770 (half-sample). MoE = ±4 p.p.).

Так, более 80% американцев считают, что за вторую половину XX в. улучшилась жизнь женщин, афроамериканцев и инвалидов. Примерно 60% полагают, что улучшилась жизнь геев и лесбиянок, выходцев из Латинской Америки, престарелых граждан и рабочего класса. В глазах американского общественного мнения за 50 лет изменилось к худшему положение только двух социальных страт: фермеров и тинейджеров (что касается последней категории, то речь идет прежде всего о проблемах их социализации).

²⁶ *I'm going to read a list of some changes that have taken place over the last 100 years. Please tell me if you think each one has been a change for the better, a change for the worse, or hasn't made much difference. How about the Civil Rights movement? (Pew Research Center for the People & the Press Millennium Survey, conducted by Princeton Survey Research Associates. April 6 – May 6, 1999. Telephone. N = 770 (half-sample). MoE = ±4 p.p.*

²⁷ *How would you rate the state of race relations in the United States these days? Would you say they are excellent, good, only fair, or poor? (Diageo/ Hotline Poll, conducted by Financial Dynamics. February 16–19, 2006. Registered voters. N = 807. MoE = ±3.5 p.p.*

Innovate or Lose

Считается, что демократическое устройство США и приверженность американцев демократии в самых разных ее формах во многом обусловили такую черту американского сознания, как любовь к технике, техническим приспособлениям и усовершенствованиям и, соответственно, прогрессистские установки в технико-экономической сфере. В США уже после Гражданской войны начал резко увеличиваться поток технических изобретений, причем изобретений, ориентированных на практику и на потребителей и быстро внедрявшихся в жизнь. Благодаря этому утилитарный подход к технике соединялся с отчетливо выраженным технологическим оптимизмом, и в сознании американцев XX-го в. исторический процесс размечен и такими вехами, как «усовершенствование упаковки (от бумажного пакета и складной коробки к целлофану, к двойной целлофановой обертке и неизвестно к чему)», автомобиля «(от модели “Т” к ежегодной модели, к полугодовой модели и неизвестно к чему)» [1, Т.3, С. 745] и бесчисленным числом других научных прорывов и бесценных мелких усовершенствований вроде пульта для телевизора.

Яркие свидетельства эмоционального отношения американцев к новым техническим устройствам дают материалы опроса Гэллага (2005 г.), в котором респондентов спрашивали, что они обычно испытывают, когда к ним в руки впервые попадают технические новинки, и как они их осваивают²⁸. В итоге 38% опрошенных заявили, что они чувствуют себя в этом случае комфортно, а 34% – что испытывают радостное возбуждение (рис. 4). Достаточно представить себе человека, который испытывает «радостное возбуждение», опробуя только что купленный пылесос, чтобы ощутить специфику всенародной американской любви к технике.

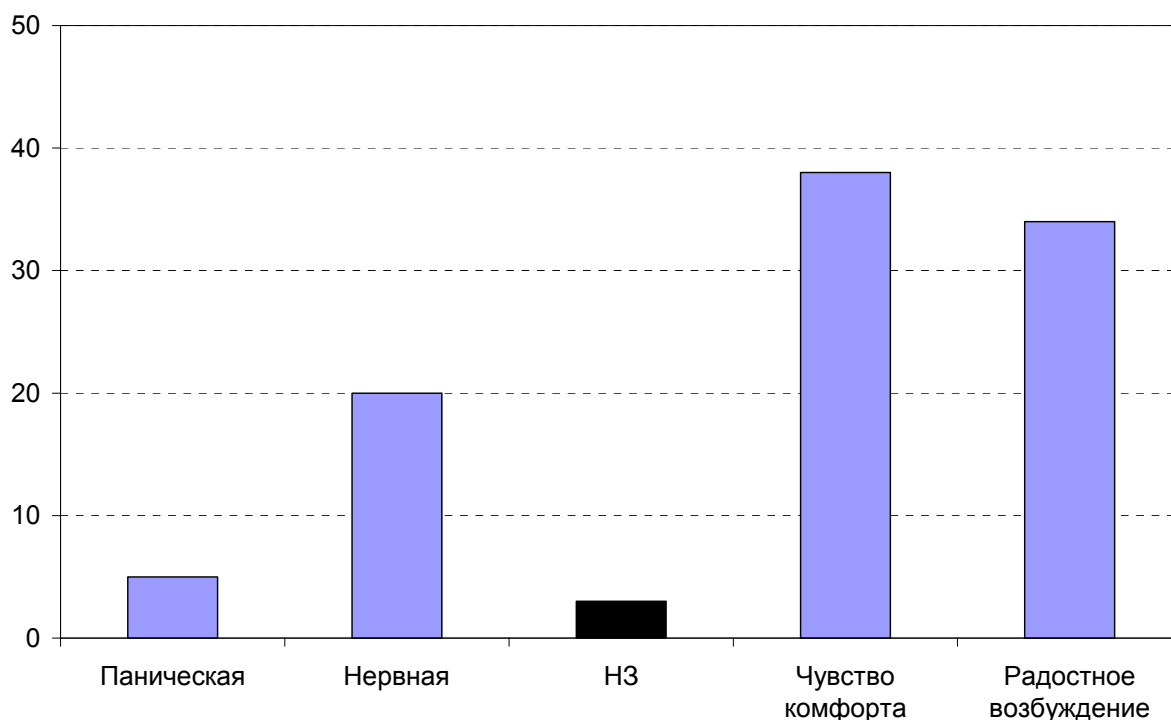

Рис. 4. Как Вы могли бы описать Вашу типичную реакцию, когда Вы впервые используете новые технические приборы? 2005 г.

²⁸ Now I want to ask you a few questions about some of the newer technology devices you might use, such as computers, CDs, DVDs, digital cameras, and cell phones. How would you describe your typical reaction when you first use new technology devices [rotate] – excited, comfortable, nervous, or panicked? (CNN/ USA Today/ Gallup Poll. August 5–7, 2005. Telephone. N = 1004. MoE = ±3 p.p.).

Американцы, судя по опросам, очень высоко оценивают уровень жизни и научно-технические достижения в США в сравнении с другими развитыми странами (Японией, Великобританией, Германией и т. д.)²⁹. По данным опроса Гэллапа в 1999 г., позиции США по общему уровню жизни считают более сильными или намного более сильными, чем позиции других наиболее развитых стран мира, 86% респондентов, 82% ставят США на первое место в области научных исследований, и 74% – в сфере производства качественных товаров (см. рис. 5).

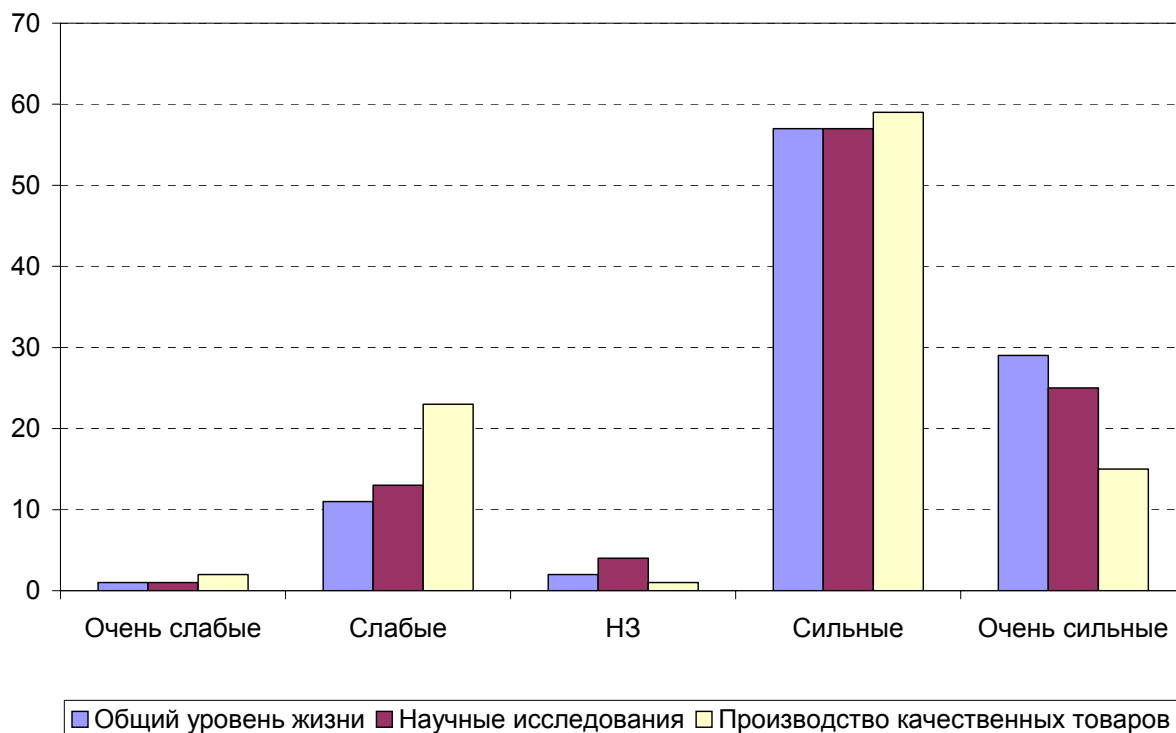

Рис. 5. Как Вы оцениваете позиции США по сравнению с другими странами в каждой из следующих областей? 1999 г.

В оценке технических изобретений XX в. явно проявляется прогрессистский настрой американцев. Опрос Pew Research Center (1999 г.), когда респондентов просили указать, вызвали ли те или иные изобретения изменения «к лучшему», «к худшему» или оказались нейтральными, свидетельствует, что технический прогресс в целом оценивается с большим плюсом (табл. 6).

²⁹ Now we'd like you to compare the United States to Japan, Great Britain, West Germany and other major western countries in the world on a number of factors. For each of the following areas, please say whether the United States today is very strong, strong, weak, or very weak compared to other countries. How about... Overall standard of living? Scientific research? Production of quality products? (Gallup Poll. August 24–26, 1999. Telephone. N = 1029. MoE = ±3 p.p.).

Таблица 6.

Сейчас я прочитаю Вам список некоторых изобретений, сделанных за последние 100/10 лет. Пожалуйста, ответьте по поводу каждого из них, думаете ли Вы, что с ним связано изменение к лучшему, изменение к худшему, или оно кажется Вам нейтральным? [список] (%), 1999

	Изменение к лучшему	Не имеет значения/ НЗ	Изменение к худшему	Разность (1)–(3)
	1	2	3	4
Изобретение радио	96	3	1	95
Автомобиль	91	3	6	85
Изобретение компьютера	87	5	8	79
Система автомагистралей между штатами	84	8	8	76
Авиапутешествия	77	15	8	69
Космические исследования	72	22	6	66
Email*	71	20	9	62
Противозачаточные пилюли	72	18	10	62
Изобретение телевидения	73	6	21	52
Интернет*	69	13	18	51
Мобильные телефоны*	66	12	22	44
Кабельное ТВ*	62	17	21	41
Прозак*^	40	42	18	22
Виагра*	36	49	15	21
Совершенствование ядерной энергетики	48	22	30	18
Лекарства от бесплодия*	43	25	32	11
Клонирование овцы*	15	36	49	-34
Разработка ядерного оружия	19	18	63	-44
Широкое использование кредитных карточек	22	10	68	-46

I'm going to read a list of some changes that have taken place over the last 100 years. [* Now thinking just about the last 10 years or so. I'm going to read another list of changes that have taken place.] Please tell me if you think each one has been a change for the better, a change for the worse, or hasn't made much difference. Has ... been a change for the better, a change for the worse, or hasn't this made much difference? [list] (Pew Research Center for the People & the Press Millennium Survey, conducted by Princeton Survey Research Associates. April 6 – May 6, 1999. Telephone. N = 770 (half-sample). MoE = ±4 p.p.).

Характерно, что наиболее важными для американцев являются изобретения, которые улучшают в первую очередь повседневную жизнь. Так, на первом месте находится изобретение радио, за ним следуют автомобиль, компьютер, система скоростных автомобильных дорог, авиапутешествия и уже только потом – освоение космоса. Очевидно также, что на оценке этих изобретений явно сказывается их давность (апробированность, привычность): многие недавние изобретения (Интернет, мобильные телефоны, кабельное телевидение) оцениваются относительно более низко – у них пока больше противников.

Американцы придают большое значение прогрессу в медицине. Однако в оценке некоторых новейших прорывов в области фармакологии и биотехнологии респонденты проявляют естественную неуверенность. Лишь незначительное большинство с энтузиазмом относятся к внедрению таких препаратов, как прозак (антидепрессант), виагра и лекарства от бесплодия.

Из предлагавшегося списка только три открытия или изобретения большинство американцев оценивают как «изменение к худшему» – клонирование овцы, разработку ядерного оружия и широкое использование кредитных карточек. Впрочем, эти три новации вызывают негативное отношение обывателей едва ли не во всех странах мира.

Еще раз подчеркнем, что развитие техники и технологий явно воспринимается с позиций *технико-экономического* прогресса – как средство повышения уровня экономического благосостояния, качества жизни, условий труда и т. д. Об этом наглядно свидетельствуют, например, результаты опроса Гэллапа в 2000 г.: 78% американцев считают благом для страны возникновение «новой экономики», связанной с развитием компьютерных и коммуникационных технологий и вытесняющей традиционные отрасли производства³⁰.

Success Story

Подведем некоторые итоги «State of the Nation» не с высоты позиции президента США, а опираясь на оценки рядовых американцев.

В *табл. 7* приведены результаты регулярного опроса Harris Interactive, в рамках которого респонденты отвечают на вопрос: «Удовлетворены ли Вы ... (далее по списку)?» Ответы весьма устойчивы во времени и показывают, что с собственной жизнью у американцев вообще нет проблем – не то что качеством или уровнем жизни, но и собственным здоровьем довольны около 90% респондентов. Даже своим браком, состоянием собственных финансов и работой удовлетворены более 60% американцев. Невольно вспоминается фраза, сказанная Остапом Бендером Александру Корейко: «Интересный вы человек! Все у вас в порядке. Удивительно, с таким счастьем – и на свободе».

Таблица 7.

[Далее мы хотели бы узнать, удовлетворены Вы или нет разными сторонами жизни в этой стране и в Вашей собственной жизни]

Удовлетворены ли Вы [см. ниже], или нет? 2004 [список, % “Удовлетворен”]

Индикаторы	%	Индикаторы	%
Личная жизнь (средняя оценка)	80	Место жительства (средняя оценка)	77
Ваши отношения с семьей	98	Город, поселок или графство	84
Ваш дом	95	в котором Вы проживаете	
Качество Вашей жизни в целом	92	Мораль и ценности людей	77
Ваша социальная жизнь	91	в Вашем community	
Ваше здоровье	88	Качество воздуха, воды и	71
Ваш уровень жизни	85	окружающей среды там, где Вы	
		живете и работаете	
Ваш брак, если Вы состоите в браке	66	Нация в целом (средняя оценка)	51
Будущее Ваших детей	63	Состояние страны	55
Надежность Вашего финансового положения в будущем	62	Мораль и ценности американцев в целом	55
Ваша работа, если Вы работаете	60	Экономическое положение страны	43

Next we'd like to know whether or not you feel good about various things in this country and in your life. Do you feel good about [see below], or not? [list] (The Harris Poll. October 14–17, 2004. Telephone. N = 1016. MoE = ±3 p.p.).

³⁰ *[As you know, changes in computer and communications technology in the past few years have led to what some people call a «new economy» – in which traditional businesses are being replaced by companies that make entirely new products or function in entirely different ways compared to a decade or so ago.] Do you think these economic changes have been good or bad for the country? (CNN/ USA Today/ Gallup Poll. June 6–7, 2000. Telephone. N = 1058. MoE = ±3 p.p.).*

К морали соседей и экологии своего поселения респонденты относятся чуть критичнее, чем к качеству собственной жизни, но для 75% американцев и здесь все хорошо. Только положение страны в целом, общий моральный климат и экономическую ситуацию в США американцы оценивают намного хуже – доля довольных составляет лишь около половины опрошенных.

Следующее, что можно выявить на основании имеющихся вопросов, – это некоторые предпосылки, обеспечивающие феномен американского успеха. В опросе Pew Research Center (1999 г.) респондентам предлагали список параметров, характеризующих, по мнению авторов исследования, американскую реальность, и просили ответить на вопрос, какие из них имели решающее значение для «американского успеха», какие второстепенное, а какие и вовсе не были существенны.

Мы условно разделили предлагавшийся респондентам набор факторов на четыре группы – политические, культурные, природные и религиозные. Оценки по группам – средние из приведенных оценок факторов (табл. 8). Набор факторов был задан организаторами опроса, поэтому полученные результаты нельзя интерпретировать абсолютно однозначно. Тем не менее достаточно характерно, что в рамках предлагавшегося набора на первое место по значимости респонденты поставили политические факторы, на второе – культурные и лишь за ними идут благоприятные природные условия и религия как причины американского успеха.

Таблица 8.

Нам интересно понять, почему Вы считаете, что Америка добилась успехов в прошлом веке. По мере того, как я читаю список, говорите мне по поводу каждого пункта является ли он решающей причиной, второстепенной причиной или вообще не является причиной успехов Америки в этом веке. ... Думаете ли Вы, что это – решающая причина, второстепенная причина или вообще несущественно для успеха Америки? (список, % “Решающая причина”), 1999

Факторы успеха	Всего	18–34	35–54	55–64	65+	Макс. – Мин.
Политические факторы	83	80	85	84	84	5
Наша Конституция	85	83	85	86	85	3
Свободные выборы	84	83	86	85	81	5
Система свободного предпринимательства	81	74	84	82	85	11
Культурные факторы	70	71	72	70	63	9
Культурное разнообразие нашего народа	71	75	72	68	64	11
Американский характер	69	67	71	72	62	10
Природные факторы	66	63	64	66	73	10
Изобилие природных ресурсов	78	75	76	82	84	9
Наша географическая изоляция, а именно то, что оба побережья омываются океанами	53	51	52	50	61	11
Религиозные факторы	53	43	56	58	65	23
Божья воля	65	59	67	65	74	15
Иудео-христианские верования	41	26	45	50	56	30

We're interested in finding out why you think America has been successful during this past century. As I read a list, tell me whether you think each thing is a major reason, a minor reason or not a reason that America has been so successful in this century. ... Do you think this is a major reason, a minor reason or not a reason for America's success? [list] (Pew Research Center for the

People & the Press Millennium Survey, conducted by Princeton Survey Research Associates. April 6 – May 6, 1999. Telephone. N = 1546. MoE = ± 3 p.p.).

Хотя мы оперируем в основном агрегатными результатами общенациональных выборов, в данном случае хочется привести данные по разным возрастным группам. Американцы не только в целом считают свою Конституцию и свободные выборы главными факторами успеха США, но и демонстрируют в этом вопросе совершенно поразительное согласие всех поколений. Чуть больший разброс мнений между поколениями наблюдается в оценке значимости свободного предпринимательства, а также культурных и природных причин, но и здесь различия в оценках разных возрастных когорт не превышают 10 процентных пунктов. Только чисто религиозные факторы играют заметно большую роль в сознании старшего поколения, чем более молодого. Но в целом единство поколений столь поразительно, что этот феномен сам по себе можно было бы включить в число предпосылок американского успеха.

В заключение приведем мнения американцев об общей направленности исторического развития страны за вторую половину XX в. по данным опроса Pew Research Center (1999 г.). Как и в случае с оценкой текущего положения (см. *табл. 7*), большинство респондентов проявляют изрядный оптимизм – 2/3 американцев полагают, что их жизнь и жизнь их семей за 50 лет изменилась к лучшему, и только 12% утверждают, что она изменилась в худшую сторону (*табл. 9*). Опять же, как и при оценке текущей ситуации, американцы гораздо более сдержанно оценивают динамику для страны в целом – только 44% полагают, что за полвека жизнь изменилась к лучшему, а 30% – что к худшему (в обоих случаях четверть респондентов затруднилась с ответом).

Таблица 9.

По сравнению с тем, как жили члены Вашей семьи в 1950-е годы, можете ли Вы сказать, что Вы живете в целом лучше, хуже или примерно так же? В каких отношениях Ваша жизнь стала [лучше/хуже] по сравнению с жизнью Вашей семьи в 1950-е годы?^

Как Вы полагаете, с 1950-х годов жизнь в США стала лучше, стала хуже или осталась примерно такой же? В каких отношениях жизнь в США стала [лучше/хуже]?^ (открытые вопросы, несколько вариантов ответов) % ответов, 1999 г.

	Жизнь вашей семьи*	Жизнь в США в целом**	Разность (1)–(2)
	1	2	3
К лучшему	63	44	19
Экономические условия	25	12	13
Современные технологии и бытовые удобства	17	11	6
Свобода/ Гражданские права	3	4	-1
Увеличение возможностей/ выбора	4	3	1
Лучшее образование/ Больше возможностей для получения образования	4	2	2
Улучшение здоровья/ медицины/ здравоохранения	3	2	1
Жизнь в целом/ Качество жизни	–	2	-2
Другое	3	6	-3
НЗ/ Отказ	4	2	2
К худшему	12	30	-18
Моральный упадок	4	17	-13
Экономические условия	4	2	2
Более беспокойная/ сложная/ напряженная/ ведущая к стрессу	2	2	0
Государственное управление/ Политика	–	2	-2
Другое	1	6	-5
НЗ/ Отказ	1	1	0
Без изменений/ НЗ	25	26	-1

^ Question 2 asked to relevant group.

* Compared to members of your family in the 1950s, would you say your life today is generally better, worse, or about the same? In what ways is your life [insert response from Q.1: better/worse] compared to members of your family in the 1950s? [open-end, multiple responses].

** [Now, thinking about life in the U.S.] Since the 1950s, would you say life in the U.S. has gotten better, gotten worse or stayed about the same? In what ways has life in the U.S. gotten [insert response from Q.1: better/worse]? [open-end, multiple responses].

(Pew Research Center for the People & the Press Millennium Survey, conducted by Princeton Survey Research Associates. April 6 – May 6, 1999. Telephone. N = 1546. MoE = ±3 p.p.).

Если посмотреть на более детальные результаты, полученные в ответ на просьбу пояснить, в чем именно жизнь изменилась к лучшему или к худшему, оказывается, что и в случае с собственными семьями, и применительно ко всей стране, изменения к лучшему связываются в первую очередь с улучшением экономического положения и появлением и распространением технических нововведений, т. е. на первый план выступают технико-экономические факторы. Вторая группа факторов привлекает меньше внимания респондентов, но тем не менее играет важную роль в формировании чувства исторического оптимизма и прогрессизма – речь идет о таких процессах, как расширение свободы и гражданских прав, увеличение индивидуальных возможностей и выбора, улучшение качества образования и медицинского обслуживания.

Основным доводом в пользу мнения об ухудшении жизни является все тот же тезис об упадке нравственности, который, как мы отмечали выше, является своего рода «пунктиком» для многих американцев. Из той же серии – жалобы части респондентов на то, что жизнь становится более нервной и сложной (надо думать, что на моральный упадок и увеличение стресса в первую очередь сетуют более пожилые американцы). Ну и, наконец, вполне естественным выглядит в этом ряду недовольство политикой – было бы странно, если бы в демократической стране деятельность правительства нравилась всем без исключения.

Подводя итоги, еще раз констатируем, что, несмотря на некоторое брюзжание по поводу текущего положения дел и тенденций развития США, американцы в целом демонстрируют явный исторический прогрессизм и считают свою страну лучшей в мире (едва ли не во всем, кроме морали). Такие установки формируют, в свою очередь, оптимистический взгляд не только на прошлое и настоящее, но и на будущее. Согласно опросу Shell Oil Company (1998 г.), 62% американцев полагают, что и в XXI в. главной мировой державой будут США (16% назвали Китай, 8% – ЕС, 8% – Японию, 2% – Россию)³¹.

Литература

1. Бурстин Д. Американцы. В 3-х т. Т. 1: Колониальный опыт [1958]. Т. 2: Национальный опыт [1972]. Т. 3: Демократический опыт [1973]. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1993.
2. Гусейнов А. А. Золотое правило нравственности. 3-е изд. М.: Молодая гвардия, 1988.
3. Токвиль А., де. Демократия в Америке. В 2-х кн. Пер. с фр. М.: Прогресс, 1994 [1835, 1840].
4. Фурман Д. Е. Религия и социальные конфликты в США. М.: Наука, 1981.

---

³¹ *The United States is often considered to be the major world power of the 20th century. Which one of the following do you think will be the greatest power of the next century? The United States? China? The European Community? Japan? Russia? [single choice]* (Shell Oil Company Poll, conducted by Peter D. Hart Research Associates (D). November 5–8, 1998. N = 1264).

Алексей Гусев*

Андеркласс и маргинальность: сравнительный анализ современных теорий и Чикагской концепции

В последние десятилетия в научном сообществе (прежде всего американском) сформировался концепт так называемого андеркласса. Под ним понимается небольшая прослойка населения (обычно это расовые и этнические меньшинства), живущая значительно хуже, чем основная часть общества. Теории «андеркласса» активно разрабатываются западными экономосоциологами начиная с 80-х годов и уже прочно вошли в научный арсенал исследователей социальной стратификации. Этот термин прижился и в отечественной социологической литературе, хотя авторы редко упоминают его предысторию.

Говоря об «андерклассе», необходимо иметь в виду укорененность данной концепции в определенной социологической традиции. Укорененность напрямую зависит от того, связана ли эта теоретическая конструкция с другими концепциями нижних слоев общества. Особенно важно установить идейные истоки, выявить возможных теоретических предшественников. Для исследователей «андеркласса» такими предшественниками, как нам представляется, являются социологи Чикагской школы, изучавшие социальное дно Америки в первой трети XX в., задолго до возникновения самого термина «андеркласс». Их, помимо всего прочего, интересовала природа бедности и связанной с ней девиации. Вопрос о том, откуда в «стране равных возможностей» (каковой чикагские социологи искренне считали США) появляется нищета, – стал ключевым как для современных ученых, так и для представителей Чикагской школы.

Цель данной работы – сравнить теоретические и прикладные исследования маргинальности, проведенные чикагскими социологами в начале XX в., с современными теориями андеркласса. Сравнение будет производиться по основным позициям концепций. Работа состоит из двух частей. В первой представлен краткий обзор современных взглядов на изучение нижних слоев общества, выделены их характерные признаки; во второй – эти признаки сопоставлены с представлениями о маргинальности и девиации социологов Чикагской школы.

Понятие «андеркласса» в современных теориях стратификации

Понятие «андеркласс» очень размыто, и его устоявшихся определений не существует. Только в одной обзорной статье Лидии Моррис их приведено более десятка, из которых трудно выбрать более адекватное, чем остальные [2]. Изначально андеркласс являлся собирательным понятием для тех низших слоев, которые невозможно было включить в классические вертикальные схемы стратификации. С этой позиции андеркласс может быть решением одной из важных проблем стратификационного анализа. В традиционную модель, основанную на материальной обеспеченности или социально-профессиональном статусе и престиже, всегда крайне сложно включить безработных, поскольку они формально не имеют отношения к экономической деятельности либо заняты в теневой экономике, что еще больше затрудняет их классификацию. В качестве примера такого подхода можно привести следующее высказывание, характерное для британских дискуссий об андерклассе: «еще

---

* Гусев Алексей Николаевич, аспирант МГИМО

© Гусев Алексей, 2006.

© Центр фундаментальной социологии, 2006.

ниже двух рабочих классов (т.е. ниже класса квалифицированных и неквалифицированных работников ручного труда) совершенно очевидно располагается андеркласс ... Как правило, именно они (представители андеркласса) являются безработными в течение длительного времени» [2].

Некоторые социологи определяют эту группу еще шире. Например, известный исследователь Кен Аулетта включал в андеркласс четыре категории населения:

- 1) пассивные бедные (люди, в течение длительного времени получающие государственную помощь, например, матери-одиночки);
- 2) агрессивные уличные преступники, наркоманы;
- 3) полные сил люди, занятые в теневой экономике и в редких случаях вовлеченные в насильственные преступления;
- 4) пьяницы, бродяги и психические больные [2].

Не менее размытое определение приводит Уилсон, автор многих исследований низших слоев американского общества. По его словам, в состав андеркласса входят «индивиды, которым не хватает опыта и умений и которые или переживают период длительной безработицы, или не входят в состав рабочей силы; индивиды, участвующие в уличных преступлениях, а также те, чье поведение отклоняется от нормы в любой другой форме; домохозяйства, долго живущие в бедности и/или в зависимости от помощи государства» [13].

Среди исследователей нет единства по поводу не только определения андеркласса, но и причин его возникновения. В западной социологии основные дискуссии ведутся между сторонниками двух подходов – структурного и культурного (базирующегося на изучении культуры бедности). Сторонники структурного подхода в большей степени тяготеют к традиционной схеме стратификации и традиционному объяснению бедности через экономические причины. Согласно их доводам, андеркласс мог сформироваться только в результате специфических исторических условий, которые сложились в западных странах (преимущественно в США) во второй половине XX в. Появление андеркласса во многом обусловлено политикой социальной помощи малоимущим и безработным, которую проводили власти на протяжении десятилетий. Бульшая часть низших слоев стала зависеть от государственных дотационных пособий, предоставляемых безработным, многодетным семьям и др. Наиболее острыми эти проблемы оказались среди представителей этнических и расовых меньшинств, сконцентрированных в бедных кварталах, гетто. В этом американская специфика андеркласса – именно в Америке этнические различия наиболее ярко трансформируются в различия стратификационные.

Зависимость от государственных дотаций, по мнению некоторых социологов (например, Мюррея), изменила структуру семьи и гендерные роли. Мюррей обращает внимание на увеличение числа домохозяйств, возглавляемых чернокожими женщинами. С его точки зрения, мужчина из нижних слоев общества утратил свой прежний статус кормильца семьи, поскольку матерям-одиночкам выплачивается компенсация, составляющая основу дохода. Распад нуклеарной семьи вследствие наличия гарантированной социальной помощи ведет к утрате стимулов работать и у мужчин, и у женщин [5].

В специфическом характере безработицы видит причину проблемы крупнейший исследователь андеркласса Уильям Уилсон. Однако он усматривает здесь каузальную цепочку, идущую в обратном направлении (относительно вышеуказанной). По его мнению, сложившаяся структура рынка труда не позволяет чернокожим мужчинам иметь высокий доход, а значит, и возможность содержать семью. В его исследованиях 70-х годов показано, что процент безработицы среди чернокожего населения в 2,5 раза выше, чем среди белых [12]. Именно эта ситуация (а не наоборот) является причиной того, что в нижних слоях населения «предложение» мужей (как кормильцев семьи) очень невелико. Следовательно, женщины предпочитают пользоваться государственной помощью как основным источником финансирования, а не надеяться на заработок потенциального мужа.

Особую роль среди всех противоречий концепции, вокруг которых не утихают дискуссии, играет вопрос о значимости расы в неблагоприятном положении андеркласса. В Америке этот вопрос является весьма ангажированным, чрезмерно нагруженным ненаучными соображениями политкорректности. Всевозможные рассуждения на тему расовой и этнической обусловленности социального статуса подвергаются постоянной критике, поэтому ведутся крайне осторожно и сильно корректируются с учетом общественного мнения. Однако полностью отрицать влияние расовой принадлежности на стратификационную позицию – означает идти против фактов, против результатов эмпирических исследований.

Такую неоднозначную позицию занимает Уилсон в своей первой крупной работе, посвященной андерклассу – «Снижающаяся значимость расы». Автор иногда противоречит сам себе. Основная идея его книги состоит в том, что среди чернокожего населения США существует такая же стратификация, как и среди белых. Главной тенденцией 60-х и 70-х годов Уилсон считает увеличение черного среднего класса [12]. Однако он же отмечает, что средний заработок чернокожего квалифицированного работника как ручного, так и умственно труда ниже, чем аналогичный заработок белого. Кроме того, среди негров гораздо выше уровень безработицы, и именно этот факт порождает проблемы, ассоциирующиеся с андерклассом – преступность, девиантное поведение, многодетные матери-одиночки и т.д. Таким образом, Уилсон приходит к противоречию: с одной стороны, чернокожее население стратифицируется с помощью обычных критериев, в нем выделяется растущий средний класс; с другой стороны, любая позиция негра в стратификационной шкале ниже соответствующей позиции белого американца, и именно негры составляют большинство андеркласса.

В дальнейших своих исследованиях Уилсон пытался разрешить это противоречие, постепенно смещаясь от структурных обоснований андеркласса к культурным. В работе «Реально депривированные» («The Truly Disadvantaged») он пишет о пространственной и социальной изоляции представителей андеркласса, вследствие которой они не могут получить работу. Этот фактор автор считает решающим в сохранении неблагоприятного положения андеркласса.

Неблагополучное положение именно негритянских кварталов и их жителей, по мнению Уилсона, уходит корнями не в остатки расистских предрассудков, а в историческую специфику внутриамериканской миграции чернокожего населения [13]. Негры, приехавшие из южных штатов в северные города, занимали самые низкие позиции в стратификационной системе. Они сначала притеснялись местным чернокожим населением, жившим в развитых мегаполисах Севера на протяжении нескольких поколений. Это могло выражаться в эксплуатации в рамках теневой экономики, в неформальной иерархии и т.д. С другой стороны, мигранты были готовы выполнять самую низкооплачиваемую, не престижную работу, на которую местные не соглашались. Это, в свою очередь, способствовало увеличению числа безработных, особенно среди «старых» жителей негритянских кварталов.

Рост безработицы подстегивался структурными сдвигами в экономике, которой требовалось все меньше низкоквалифицированных рабочих кадров, занятых тяжелой физической работой. Большинство таких кадров составляли как раз представители негритянского населения, соответственно, перестройка структуры занятости сильнее всего ударила по ним. Основную массу новых рабочих мест составляли вакансии среди «белых воротничков», где требовались высокая квалификация и образование, т.е. те характеристики, которыми не обладало большинство чернокожего населения.

Параллельно шел процесс переселения возникающего черного среднего класса на городские окраины. Именно в этих новых районах, где были более приемлемые условия жилья, сосредоточилась основная масса квалифицированного негритянского населения, здесь же работодатели и размещали свои объявления о вакансиях. Малоимущие слои остались в старых кварталах, обычно приближенных к центру городов. Их Уилсон обозначает термином «inner city» – «внутренний город». В них же концентрируется

андеркласс, изолированный от социальных и экономических процессов, происходящих в остальной части города [13].

Таким образом, все проблемы, характерные для андеркласса, оказываются пространственно локализованы в небольших районах-гетто, населенных преимущественно расовыми или этническими меньшинствами (негры, латиноамериканцы, выходцы из Азии). В этих условиях проблемы становятся застойными, переходящими от поколения к поколению. Дети, проходящие социализацию в среде, для которой не приемлемы ценности и поведение остальной части общества, практически не могут приспособиться к ним в экономически активном возрасте. Кроме того, в бедных районах невозможно найти хорошую, высокооплачиваемую работу – работодатели негативно относятся к привлечению кадров из представителей андеркласса. Поэтому они оказываются вовлеченными в теневую экономику, преступную деятельность, формируют особую маргинальную субкультуру.

Изложенные исследовательские позиции весьма противоречивы, дискуссии по ключевым вопросам теорий андеркласса не стихают уже 30 лет. Однако в них можно выделить определенные схожие моменты. Разумеется, основная характеристика андеркласса – застойная бедность, но ее одной для определения этого комплексного явления недостаточно. На основе изложенного материала можно выделить сопутствующие характеристики андеркласса:

1. Взаимосвязь с программами социальной защиты малоимущих;
2. Девиантное, иногда преступное поведение;
3. Основная масса – представители расовых и этнических меньшинств;
4. Пространственная концентрированность в неблагополучных кварталах-гетто.

Именно по этим четырем характеристикам исследования Чикагской школы будут сравниваться с современным представлением об андерклассе.

Чикагская концепция маргинальности

Краткое описание теоретических воззрений Чикагских социологов

Прежде чем перейти к непосредственному сравнению современных исследований с теориями, разработанными представителями Чикагской школы, необходимо кратко охарактеризовать условия возникновения этих теорий.

Социологи, работавшие в Чикагском университете в первой трети XX в., были, пожалуй, первыми, кто обратился к изучению труднодоступного мира социального дна. Существенным достижением Чикагской школы было то, что их исследования носили не только (и не столько) теоретический, но и прикладной характер. Маргинальность изучали и ведущие теоретики Чикагской школы (Роберт Парк, Уильям Томас, Эрнст Бёрджесс), и их студенты, проводившие полевые исследования. Именно эти малоизвестные социологи (Н. Андерсон, П. Кресси, К. Шоу, Г. МакКей и др.) собрали колоссальный объем информации о жизни низших слоев населения Чикаго.

С одной стороны, их интерес к этой проблеме был обусловлен социальным заказом. Городские власти и крупный бизнес Чикаго были обеспокоены возникновением в этом самом динамично развивающемся мегаполисе США целых кварталов бедноты. Кроме того, практически все население города состояло из мигрантов – цифры, характеризующие приток новых жителей, потрясают: за 80 лет Чикаго вырос в 750 раз. Поэтому взаимодействие различных этнических группировок в экономической и социальной жизни города не могло не волновать элиту [4].

С другой стороны, проблемами бедности и маргинализации интересовались сами социологи Чикагского университета. Для них это были ключевые вопросы в контексте объяснения социально-исторического развития Америки. Многие из первых американских социологов были выходцами из семей священников, они воспитывались в духе традиционной протестантской этики. Для этих людей казалось абсолютно противоестественным возникновение нищеты в Америке, которую они считали страной огромных возможностей, где все могут достичь успеха. Другие же представители Чикагской

школы (в основном студенты) сами были выходцами их низших слоев, некоторые эмигрировали из других стран, поэтому им был близок сам объект изучения.

Отдельного упоминания заслуживает один из ведущих ученых Чикагского университета Роберт Парк. Он не имел социологического образования и начинал как репортер чикагской газеты в 70-е годы XIX в. Уже тогда он собрал множество сведений о представителях городской бедноты. Впоследствии его интересовали расовые меньшинства: он работал секретарем у видного общественного деятеля, защитника прав чернокожего населения Ти Вашингтона. Первый же курс по социологической тематике, который Парк читал в Чикагском университете, назывался «Негры в Америке» [4]. В фокусе внимания лидера Чикагской школы всегда были представители низших слоев общества и их проблемы. Такой факт не мог не сказаться на научной деятельности школы в целом.

Сравнение наиболее общих параметров исследований

Прежде чем перейти к рассмотрению Чикагских социологических теорий по выделенным позициям, следует сравнить их с теориями андеркласса по самым общим параметрам: основные понятия и применяемые подходы. Именно представители Чикагской школы впервые ввели в социологический лексикон термины, с которыми впоследствии работали также исследователи андеркласса (маргинальность, девиация, делинквентность). Устоявшихся определений в начале XX в. еще не было, поэтому в работах чикагцев эти понятия часто неразличимы по смыслу. Их легче идентифицировать по авторскому принципу. Например, Парк чаще употреблял термин «маргинал», изучая мигрантов и расовые меньшинства [11]. В монографии Андерсона используется термин «девиант» как обозначение индивида с сильно отклоняющимся поведением, связанным с крайне низким социальным статусом [9]. Понятие «делинквентность» часто использовалось чикагскими «прикладниками» при изучении преступного мира.

В дальнейшем эти термины заимствовали социологи, занимавшиеся изучением нижних слоев общества, в том числе исследователи андеркласса. Разумеется, долгие годы употребления терминов в научном обороте «отшлифовали» их определения, сделали их более четкими. Однако это привело к «сужению» значений данных понятий, создав необходимость в дополнительных терминах (например, эксклюзия и депривация). Кроме того, чикагцы использовали преимущественно социологические (и даже социально-психологические) понятия, объясняя стратификационное положение нижних слоев отклонениями в функционировании социальной организации. Сторонники структурного понимания андеркласса находят причины его возникновения в экономической ситуации, соответственно, используя термины экономической социологии: застойная безработица, глубина бедности [2; 13; 12].

Терминологические нововведения отражают смену акцентов в исследовательских подходах и применяемых методах. Чикагских социологов интересовала специфика межличностного и межгруппового взаимодействия в мире девиантов, их социальные связи. Поэтому они придерживались качественной методологической ориентации, используя такие методы, как биографический, кейс-стади и включенное наблюдение. Андеркласс же – концепция, напрямую связанная с измерением бедности, которое традиционно осуществлялось с применением количественных, пришедших из экономики методик. Однако в последнее время социологи, изучающие нижние слои, склонны опираться как на количественные исследования, так и на качественные, поскольку их положение анализируется с точки зрения влияния не только структурно-экономических, но культурологических факторов. В целом, современные исследователи используют гораздо больший методический арсенал, нежели их чикагские предшественники.

Разумеется, важнейшим параметром, с которого необходимо начать сравнение, является сам объект изучения. Здесь важно отметить, что за 50 лет, разделяющих расцвет исследований Чикагского университета и классические работы по андерклассу, объект (нижние слои) претерпел колоссальные изменения вследствие социально-экономических

преобразований. Рассуждать о сходстве и различии объектов крайне трудно по причине различия исторических условий, окружавших исследователей. Кроме того, Чикагская школа была всеобъемлющим социологическим направлением: ее представители занимались изучением не только нижних слоев общества (хотя для них это был один из ключевых объектов исследований). Современные же исследователи андеркласса концентрируются именно на этом узком объекте. Поэтому в контексте данной работы более адекватным представляется сравнение отдельных, наиболее значимых аспектов объекта исследования, которыми и являются выделенные ранее позиции.

Взаимосвязь с программами социальной защиты малоимущих

Очевидно, что эта характерная черта теоретической конструкции андеркласса вряд ли может быть непосредственно выявлена в чикагских концепциях. Как уже отмечалось, возникновение феноменов андеркласса и социальной эксклюзии во второй половине XX в. было связано с масштабными программами помощи малоимущим. Эта черта присуща социальной политике так называемого государства всеобщего благоденствия, к которой западные страны обратились лишь после Второй мировой войны. В 20-е и 30-е годы, в период расцвета исследований Чикагской школы, исторические реалии были другими. В ту эпоху расслоение американского общества было очень велико, особенно наглядными и острыми общественные противоречия стали во время Великой депрессии. Чикагские социологи имели возможность наблюдать весьма контрастную социальную стратификацию.

Объектом их исследований становились самые нижние слои, зачастую не получавшие никакой помощи. Представитель Чикагской школы Нелс Андерсон в работе «Хобо» пишет, что в 20-е годы бродяги вынуждены были платить деньги за пребывание в ночлежках. Примечательно, что сами ночлежки, вне зависимости от условий проживания, он называет «hotels» [9]. При оплате любых услуг американское общество 20-х годов не предоставляло никаких «льгот» бедным гражданам.

Интересно сравнить эти наблюдения со взглядом на те же чикагские ночлежки Ильфа и Петрова, посетивших их через 12 лет после Андерсона и описавших в романе «Одноэтажная Америка». Казалось бы, советские писатели должны были воспринимать капиталистическое общество весьма ангажировано, через призму «антибуржуазного сознания». Однако их взгляд (если абстрагироваться от сатирической составляющей) оказался взглядом стороннего наблюдателя, четко подмечающего важные детали. Именно такие детали, емко характеризующие изменившееся отношение к бездомным, описаны в «Одноэтажной Америке». Бездомных в них принимали всего на одну ночь, но бесплатно и в сносных условиях. Помимо крыши над головой бродягам давали еду. Символической платой за такую помощь было прослушивание проповеди священника, рассказывавшего о том, как он сам, выходец из нижних слоев общества, многого достиг, обратившись к религии [3].

Ильф и Петров писали свои заметки в 1936 г., когда активно вводился Новый курс Рузвельта, направленный на преодоление кризиса и сглаживание стратификационных противоречий. Андерсон провел свое исследование в 1923 г., когда о социальной помощи речь еще не шла. Разница в описаниях отражает не столько принципиальные различия взглядов американского студента-социолога и советских сатириков, сколько реальную динамику социальных отношений в Штатах.

Как уже говорилось, для американцев начала XX в. появление в их стране застойной бедности было настоящим вызовом, идеологической проблемой. Смириться с тем, что в их обществе существует довольно значительная прослойка людей, которая не принимает активного участия в экономической деятельности, и соответственно, живет в плохих условиях, означало признать ограниченность собственных убеждений. Такие люди не могли сами себе помочь, и, исходя из классической протестантской этики, никто не обязан был им помогать. Поэтому вопрос «Предоставлять или нет малоимущим дотации в государственных масштабах» был очень серьезной дилеммой.

Кроме того, важной характеристикой Чикагской социологии была ее практическая направленность, нацеленность на преобразование социальной реальности. Многие исследования нижних слоев общества, которые проводил Чикагский университет, финансировались властями и благотворительными фондами именно с целью снять социальную напряженность в городе. Сведения, собираемые социологами, должны были послужить ответу на вопросы о том, насколько опасно наличие бедности для чикагской элиты и с помощью каких средств эту опасность можно минимизировать [4].

Важно отметить, что на теоретические воззрения представителей Чикагской школы сильно повлияли работы Георга Зиммеля. Этот немецкий социолог в рамках своих построений выделял социальный тип Бедняка, посвятив ему отдельную работу. Бедняка Зиммель определяет как индивида, который не в состоянии сам о себе позаботиться и нуждается в помощи общества. Принципиальный вопрос здесь тот же, что и для американских социологов: «Должно ли общество предоставлять ему помощь?» Зиммель считает, что однозначно должно, так как Бедняк является членом общества и уже в силу этого обстоятельства ему должны помогать.

Непосредственно на эту работу Зиммеля – «Экскурс о Бедняке» – чикагские социологи в своих исследованиях маргиналов не ссылаются. Более того, в учебнике «Введение в социологическую науку» Парка и Берджесса среди множества переведенных статей Зиммеля «Экскурса о Бедняке» нет. Однако ведущий теоретик Чикагской школы Роберт Парк, слушавший в Германии курс Зиммеля по социологии, несомненно был под влиянием его идей [11]. Поэтому можно утверждать, что теоретический интерес к проблемам бедности и маргинальности среди американских социологов в определенном смысле обусловлен воззрениями европейского классика.

Интерес к проблемам расовых и этнических меньшинств

Влияние Зиммеля заметно сказалось также на интересе Парка и его учеников к изучению этнических меньшинств и мигрантов. Классическая работа Парка «Миграция и маргинальная личность» перекликается с очерком Зиммеля «Социологическая значимость Чужака». В ней лидер Чикагской школы прямо определял маргиналов как «людей смешанной крови, или мигрантов» в силу обстоятельств оказавшихся «живущими одновременно в двух мирах, в каждом из которых, в той или иной степени, они являются чужаками» [11]. Проблему маргинальности, ставшую впоследствии ключевой в изучении андеркласса, Парк выводил из межэтнических взаимодействий.

Несмотря на пристальный интерес к изучению нижних слоев общества, чикагских социологов вряд ли можно назвать стратификаторами. Стратификационные различия для представителей этой научной школы носили второстепенный характер, точнее, они уделяли большее внимание горизонтальному расслоению (например, на основе этнических и культурных признаков), а не вертикальному. В этом смысле их вполне обоснованно можно считать предшественниками теорий маргинализации и социальной эксклюзии.

Студенты Парка в 20-е годы провели серию исследований выходцев из Китая и Японии, проживавших на Тихоокеанском побережье. Опираясь на эти эмпирические сведения, Парк теоретически обосновал стигматизацию мигрантов. По его мнению, главное препятствие для ассимиляции – не различия в адаптивных способностях разных этнических групп, как в его время считали многие, а сложившийся у местного населения образ мигранта. К примеру, белые американцы воспринимают жителя Чайнатауна не как самостоятельного индивида, а огрубленно, примитивно, как азиата. Определенные внешние признаки расы становятся символом, указывающим именно на групповую принадлежность индивида и стирающим его личностную специфику [11; 8]. Помимо теоретических рассуждений, следует упомянуть и практическую составляющую этих исследований – ведь Чикагская школа известна в первую очередь прикладным характером своих изысканий. Многие работы чикагцев имели практической целью «искоренение дискриминации меньшинств путем

разработки образовательных и социальных программ, стимулирующих межгрупповое, межэтническое и межрасовое общение» [10].

В отношении чернокожего населения Чикагский университет провел еще более масштабное исследование. Результатом его явилась вышедшая в 1919 г. работа «Негры в Чикаго», основным автором которой был Ч. Джонсон. Был проанализирован огромный массив информации, собранный с использованием множества методов: от количественных до включенного наблюдения. Полученные выводы оказались схожими с выводами Парка о японских и китайских иммигрантах. По наблюдениям авторов, изучавших наследие Чикагской школы, работа «Негры в Америке» до сих пор часто цитируется в исследованиях о чернокожем андерклассе и депривации во «внутренних городах» [6].

Несмотря на упомянутые выше резкие, контрастные различия между стратами американского общества (особенно заметные в Чикаго), Парк и его ученики считали эти вертикальные различия следствием различий горизонтальных. По их мнению, неблагоприятное положение мигрантов и чернокожих по сравнению с белым населением США, было следствием действия таких факторов, как расовые предрассудки и стигматизация. Влияние этих факторов на снижение стратификационной позиции опосредовано отказом работодателей принимать представителей этнических меньшинств на работу (ср. мнение Уилсона [13]). Такая же дискриминация имеет место в образовании, усугубляя тем самым невозможность получить работу.

Здесь можно провести прямую аналогию с точкой зрения некоторых современных исследователей андеркласса, сторонников культурологического подхода, объясняющих низкие стратификационные позиции этой группы на основе этнически обусловленной субкультуры меньшинств. Парадоксально, что в наше время эта точка зрения более характерна для социологов не в Америке, а в Великобритании, где масштабы расовых и этнических проблем значительно меньше. С другой стороны, этот парадокс объясним: во-первых, рассуждать о расовой дискриминации в США надо очень осторожно, здесь политкорректность может повредить научной достоверности. Во-вторых, Великобритания сейчас переживает те же проблемы, что и Америка в начале XX в.: после распада колониальной системы в Англию хлынул поток мигрантов, которые испытывают естественные трудности с адаптацией. Поэтому отдельные кварталы Лондона в начале XXI в. очень напоминают Чикаго столетней давности.

Пространственная концентрированность в неблагополучных кварталах-гетто

В этом вопросе представления чикагских социологов мало в чем отличаются от современных представлений об андерклассе. Социологи Чикагского университета неоднократно проводили районирование города, составляли его социальную карту. Предметом их эмпирических исследований становились различные неблагополучные городские кварталы, схожие с современными «внутренними городами» американских мегаполисов. Например, Харви Зорбаг провел сравнительное исследование чикагских трущоб и престижного района «Золотой берег» (работа «Золотой берег и трущобы»). По его мнению, существует закономерность, в соответствии с которой наиболее криминогенные районы, где скапливается городская беднота, располагаются в непосредственной близости от места проживания богатых горожан. Именно тогда для жителей трущоб преступность (в первую очередь воровство) и попрошайничество будут эффективными способами выживания. Зорбаг одним из первых доказал, что склонность к преступной деятельности тесно связана с районом проживания. Впоследствии этот тезис был взят на вооружение Уилсоном, Рансиманом и многими другими исследователями андеркласса, работающими с понятием «внутренний город» [2; 13].

Другой чикагский социолог – Нелс Андерсон даже придумал название для квартала Чикаго, где располагались ночлежки для бездомных – Хобогемии. Название пошло от американского слова «хобо», обозначающего странствующего рабочего, бродягу. Андерсон некоторое время жил в этом районе, изучал быт бродяг, их социальную организацию. Он

пришел к выводу, что каждый большой город обладает таким местом скопления бродяг, попадая куда эти люди становятся зафиксированными в пространстве, что резко меняет их образ жизни и социальные связи [8].

Роберт Парк построил многие положения своей социальной экологии, анализируя жизнь чикагских гетто. По его мнению, в городах происходит территориальная борьба за выживание между районами. Особенно нагляден этот процесс в таком городе, как Чикаго – населенном иммигрантами, представителями совершенно разных культур. Здесь напрашивается социал-дарвинистская аналогия с борьбой популяций животных за ареал обитания. Хотя Парк непосредственно такой аналогии не проводил, считая ее слишком грубой и примитивной, тем не менее, в упрощенном варианте она адекватно отражает суть его теории.

Главное достижение Чикагской школы в области социологии города – масштабный Чикагский зональный проект (Chicago Area Project), непосредственно связанный с изучением девиации и делинквентности. Проект был выполнен по заказу городских властей, которым требовалось узнать, в каких районах Чикаго наиболее остро стоят проблемы подростковой преступности и какими методами с ней можно бороться. Постановка задачи напоминает современные реалии неблагополучных «внутренних городов».

Работавшие над проектом социологи выяснили, что в таких гетто делинквентность является результатом специфической социализации, это «продукт социального научения» [7]. Сформировавшаяся социальная среда, окружение подростка обуславливает отклонения его поведения от нормального. Отсюда, в свою очередь, происходит застойная преступность, передающаяся из поколения в поколение. Все эти явления наблюдаются и в современных гетто, населенных представителями нижних слоев общества.

Девиантное поведение

Девиация, делинквентность и маргинальность – ключевые понятия в концепциях Чикагской школы, достаточно бегло просмотреть список работ чикагских студентов и молодых исследователей-прикладников: «Братья по преступлению», «Естественная история делинквентной карьеры», «Банды», «Районы делинквентности», «Джек Роллер» (подлинная биография молодого преступника) и многие другие. Это перечисление говорит о подлинном интересе социологов Чикагского университета к проблемам отклонения от общепринятого поведения. Однако очевидно, что они технически не могли бы провести столько исследований, если бы на это не выделялись средства властями и Фондом Рокфеллера, главным спонсором научной деятельности университета. Наличие же финансирования говорит о существовавшем социальном заказе на изучение проблематики девиации.

Как уже отмечалось, Чикаго в первой трети XX в. представлял собой реальное воплощение модели «плавильного котла», который просто не успевал ассимилировать новые этнические группы, что порождало конфликты и преступность. Такая ситуация не вписывалась в американское понимание социальной реальности, идущее от протестантских корней. Поэтому возникла упомянутая социологическая дилемма – является ли бедность и девиация производными от личной неспособности индивида достичь успеха или же это патология общества.

Вариант личной «патологии» чикагскими социологами был отклонен, хотя и не полностью. Патология же общества рассматривалась ими как нарушение функционирования системы социальной организации. Они признавали наличие в обществе (точнее, в большей его части) единой, конвенциональной социальной организации. В больших, динамично развивающихся городах, каким был Чикаго в начале XX в, интенсивное развитие социальной организации часто не успевает за экстенсивным развитием самого социума. Тогда возникает дезорганизация, единая конвенциональная система распадается на множество мелких. Внутри каждой из них существует своя система социальных связей и ролей, непохожая на другие, однако вместе они оказываются частью целого сложного социального комплекса [8].

Девияция представляет собой, таким образом, отклонение от конвенциональной социальной организации – исключение из основной части общества с его правилами и нормами.

Чикагские социологи действительно рассматривали нижние слои не с экономической позиции – как бедных или депривированных, а как исключенных, маргинализированных. Такая интерпретация сути проблемы напоминает современную концепцию социальной эксклюзии, представляющую собой своего рода континентально-европейский аналог англо-американской теории андеркласса. Однако если для андеркласса ключевым является его понимание как социального слоя, института или группового состояния (т.е. как элемента более или менее статичной социальной структуры), то для социальной эксклюзии важно ее понимание как динамического, изменяющегося во времени процесса. Социальная эксклюзия подразумевает ограничение доступа нижних слоев к институтам общественной интеграции, когда большинство сознательно или несознательно отстраняет некоторые группы от участия в значимых взаимодействиях (например, на рынке труда). Таким образом, вертикальная стратификация замещается горизонтальной дифференциацией на «инсайдеров» и «аутсайдеров» [1]. Первые примеры подобного подхода к изучению нижних слоев намечаются именно у чикагских социологов.

Заключение

Приведенные выше взгляды сведены в общую сравнительную таблицу (табл. 1), которая суммирует по основным позициям воззрения современных исследователей андеркласса и представителей Чикагской школы на проблемы нижних слоев общества. Подытоживая, необходимо сказать, что объект изучения представителей Чикагской школы не был андерклассом в современном смысле слова в силу исторических причин: еще не сформировались условия для зависимости малоимущих от государственной помощи. Однако чикагских социологов по праву можно считать «предтечами» современных авторов: подходы к изучению нижних слоев и задачи, стоящие перед исследователями, схожи по большинству параметров.

Литература

1. *Абрахамсон П.* Социальная эксклюзия и бедность // *Общественные науки и современность.* 2001. №2. С. 158-166.
2. *Моррис Л.* Понятие *underclass*'а // *Экономическая социология.* 2000. Т. 1. №1. С. 67-91 <<http://www.ecsoc.msses.ru>>.
3. *Ильф И., Петров Е.* Одноэтажная Америка // *Собрание соч.* в 5 т., Т. 3. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. С. 7-450.
4. *Bulmer M.* *The Chicago school of sociology: Institutionalization, diversity and rise of sociological research.* Chicago: The University of Chicago Press, 1984.
5. *Concoran M.* Rags to rags: Poverty and mobility in the United States // *Annual Review of Sociology.* Vol. 21, 1995. P. 237-267.
6. *Farber N.* Charles S. Johnson's "The Negro in Chicago" // *The Chicago school of sociology: Critical assessments.* Vol. 3 / Ed. by K. Plummer. London: Routledge, 1997. P. 209-220.
7. *Kobrin S.* The Chicago Area Project – a 25-year assessment // *The Chicago school of sociology: Critical assessments.* Vol. 3 / Ed. by K. Plummer. London: Routledge, 1997. P. 161-174.
8. *Lyman S.* The race relations cycle of Robert Park // *The Chicago school of sociology: Critical assessments.* Vol. 3 / Ed. by K. Plummer. London: Routledge, 1997. P. 221-230.
9. *Matza D.* Becoming deviant // *The Chicago school of sociology: Critical assessments.* Vol. 3 / Ed. by K. Plummer. London: Routledge, 1997. P. 121-140.

10. *Miller Z.* Pluralism, Chicago school style: Louis Wirth, the Ghetto, the City and “Integration” // *The Chicago school of sociology: Critical assessments. Vol. 3 / Ed. by K. Plummer. London: Routledge, 1997. P. 47-72.*
11. *Park R.* Migration and marginal man // *The American Journal of Sociology. Vol. 33, No. 6, 1928. P. 881-893.*
12. *Wilson W.J.* The jobless poverty // *Social stratification: Class, race and gender in sociological perspective / Ed. D. Grusky. P. 651-659.*
13. *Wilson W.J.* The truly disadvantaged: The inner city, the underclass and public policy // *Social stratification: Class, race and gender in sociological perspective / Ed. D. Grusky. P. 560-567.*

Таблица 1. Сравнение современных теорий андеркласса с концепциями Чикагской школы

Позиция	Взгляды современных социологов	Взгляды чикагских социологов
Взаимосвязь с социальными программами защиты малоимущих	Зависимость от социальной помощи – одна из основных причин возникновения андеркласса, она меняет образ жизни нижних слоев, структуру семьи, стимулирует безработицу	Во время расцвета Чикагской школы не было масштабных программ социальной защиты, значит, не мог сформироваться слой, зависимый от них. Однако заказ на исследования нищеты в Чикаго был обусловлен задачей борьбы с бедностью
Интерес к проблемам расовых и этнических меньшинств	Основная масса андеркласса – расовые и этнические меньшинства. Некоторые исследователи считают проблемы андеркласса следствием дискриминации, миграционных процессов и сращивания этнических культур с культурой бедности	«Чикагцы» – первые, кто обратился к изучению проблем маргинальности и адаптации мигрантов в новой культурной среде. Они изучали влияние этнической дискриминации и стигматизации на экономическое поведение меньшинств и их стратификационные позиции
Концентрированность в неблагополучных районах-гетто	Изолированность нижних слоев в гетто, «внутренних городах» усугубляет проблемы андеркласса, формирует механизм межпоколенческого воспроизводства культуры бедности	Проблемы формирования бедных слоев и девиации изучались на материале неблагополучных районов Чикаго. Представители школы разрабатывали идеи о взаимосвязи делинквентного поведения с местом проживания
Девиантное поведение	Склонность к девиации представителей андеркласса формируется во время социализации, закрепляющей контркультурные нормы. Преступность и участие в теневой экономике связаны с безработицей	Девиация – результат дезорганизации общества во время чрезмерно динамичного экстенсивного развития и урбанизации. Новые члены социума (мигранты) не успевают адаптироваться и воспроизводят отклоняющееся поведение

IN MEMORIAM

Ю.А.Левада

“Научная жизнь – была семинарская жизнь”*

– Если говорить о моем пути в науку, то никакой особой подготовки, никакой школы у меня не было. И я не уверен, что исходные данные что-нибудь освещают. Я провинциал, приехал из Винницы учиться в Московский университет. Приехал с наивной надеждой, что на философском факультете действительно станешь философом.

– Юрий Александрович, из какой вы семьи, кем были ваши родители?

– Мать журналист, отец литератор. Интерес к философии – наивный интерес, просто из домашней библиотеки. У нас были тома истории философии; первый я прочитал в девятом классе, но на Аристотеле запутался – не сумел разобраться в его категориях. Однако было представление, что в МГУ чему-то научат.

Надо сказать, что к учебе на философском факультете меня побудила вовсе не любовь к философии. Просто было тогда – странное, мальчишеское – представление, что есть места, где должны говорить “настоящую правду”. Было ощущение того, что газеты, школа, пропаганда врут, но делают это потому, что так “надо”, а вот где-то и кто-то должен знать подлинную правду. Кто именно? Как мне тогда казалось, – либо дипломаты, либо философы. Вариант поступления в международный вуз высмеял один старый друг семьи, причастный к этой сфере. Остался вариант философского факультета, туда я и подался летом 1947 года. Разочарование в том, чему, кто и как нас учил, пришло довольно быстро – но не в самой студенческой жизни. В те годы через факультет проходил “сильный пучок” интересных людей – ни раньше, ни позже, кажется, такого “парада планет” не было. Но со многими я сходилась значительно позже.

– В силу особенностей характера?

– Беда моя была в том, что у меня не было связей в московских интеллигентских кругах. Первоначально я жил в общежитии, там в большинстве были ветераны. В наше время примерно половина набора состояла из демобилизованных из армии. У них был свой стиль, свое отношение к жизни. Это влияло и на меня.

Меня восхищали простые прямые парни, прошедшие фронт и где-то увлекшиеся тем, что тогда называли философией марксизма. Это мне долго мешало самостоятельно думать и сомневаться в том, в чем давно сомневались другие.

– А каков был круг ваших интересов?

– Интересовался я социально-политическими вещами, философия в чистом виде меня не заинтересовала и даже наоборот – породила отвращение (правда, через много лет я сам к ней стал обращаться). А во время учебы я практически занимался проблемами социальных изменений.

– Какие это годы?

– Университет я кончал в 52-ом году, аспирантуру – в 55-ом. В конце обучения стал интересоваться Китаем (там тогда были перевороты), наполовину выучил язык и писал диплом и диссертацию об особенностях китайской революции, китайского общества. Это свело меня с проблемой азиатского общества, и через Карла Витфогеля я попал к Веберу. Вот такие были у меня выходы в теорию. Влияние каких-либо философских школ я не могу заметить, потому что чистой философией, повторю, не любил заниматься. Кое-что урывками слышал о социологии, которой нас не обучали, и никакой специальной литературы у меня не было.

---

* Текст интервью опубликован в книге «Российская социология 60-х годов в воспоминаниях и документах». СПб., 1999.

Конечно, интересы и позиции формировали не ученье и не научные занятия, а прежде всего потрясения 1953-1956 годов – “оттепель”, потом XX съезд, мелькавшие надежды и неосуществимые ожидания. Я не скоро понял, что подлинной правды, за которой пришел в Москву, ни у кого и нет. В 1948-49 годах мне казалось важным и интересным следить за происходящим в “странах народной демократии”, чтобы понять, как и что было или могло быть у нас. Потому и появился интерес к Китаю.

Позже я работал в Институте китаеведения (был тогда такой институт), поехал в Китай и там впервые пытался заняться социологическими исследованиями. Правда, массовые обследования мне проводить не позволили, но некоторые самодельные (примерно на десяти предприятиях) я сделал. Дальнейшая работа по Китаю стала невозможна из-за обстоятельств внешнеполитического плана. В 1960 году я перешел в Институт философии и поначалу занимался социологией религии. На эту тему у меня была диссертация и книжка “Социальная природа религии” (1965).

Потом стал организовываться осиповский отдел, образовали сектор методологии – и я туда перебрался. Вот это и есть начало более серьезной работы в социологии и собирании людей, с которыми я и сейчас работаю. На базе отдела создали ИКСИ, там нас в секторе теории было примерно 12-14 человек (с аспирантами), и мы старались тогда развивать традиции самостоятельного анализа социологии, а также смежных дисциплин.

– *Обстановка в институте способствовала такому самостоятельному анализу?*

– ИКСИ того первоначального периода – странное явление на фоне казенно-академических заведений типа институтов философии, истории, экономики и т.д. Там служили, исполняли планы, писали отчеты, а тут (не все, но все же актив) что-то искали. Правда, разное. Кто-то – чины (в те времена пробиться к титулу какого-нибудь членкора было трудно и казалось почетным). Кто-то видел в новом институте инкубатор для выращивания прогрессивно-политических (по тем временам, то есть партийно-либеральных, умеренно-рыночных и пр.) концепций. Я тогда в политический прогресс на нашей ниве не верил и рассчитывал только на то, чтобы развить интерес к серьезному социальному знанию, – полагая, что оно пригодится через 30 или 50 лет будущим поколениям. Были тогда (и позже, в другие времена) споры с коллегами и приятелями о том, стоит ли заниматься книжными премудростями зарубежного происхождения, которые даже самое либеральное начальство не поймет. Думал (и думаю), что стоит, хотя бы для того, чтобы не повторять чужих пошлостей. Но, наверное, я недооценивал тогда перспективы перемен, которые потом свалились на голову.

В те же времена, с осени 1966 года, начался наш регулярный семинар на темы социальные, теоретико-экономические, семиотические, культурологические, исторические и прочие, который с различными перипетиями продолжался довольно долго. Это был не некий “теневого” семинар, а вполне обычный, нормальный. Скорее, это была главная форма жизни сектора – еженедельно, иногда и чаще собираться для обсуждения тех или иных проблем. Семинар имел достаточно большой авторитет, потому что у нас бывали практически все, кто считался в те годы наиболее яркими людьми. Скажем, Пятигорский, Аверинцев, Гуревич, Баткин, Иванов, Шляпентох, Щедровицкий...

– *У Щедровицкого в то время был свой семинар?*

– Да, я скажу об этом позже. Я немного участвовал в его семинаре и отчасти взял за образец саму идею, что научная жизнь – это семинарская жизнь. У меня семинар никогда не был административными заседаниями, хотя был вполне официальной структурой (в отличие от неофициального у Щедровицкого). По сути, он стал как бы продолжением семинара, существовавшего еще в Институте философии (по философии истории).

Работа эта к концу 60-х годов затрудились по обстоятельствам общего порядка, для меня довольно случайным. Случайным, потому что я был приглашен в университет читать лекции по социологии на факультете журналистики (где-либо еще таких лекций не читали). Меня это заинтересовало. Примерно года четыре я читал там курс лекций собственного изобретения – довольно примитивный, популярный. Так бы, видимо, это и продолжалось,

если бы не пришла в голову мысль его издать. Издали в виде двух книжечек с помощью ИКСИ (уже в 1969 году). И очень скоро (тем же летом) это вызвало скандал, собственно, стало формальным началом шума. Сами по себе эти вещи такого шума не стоили, я им особого значения никогда не придавал. А шум получился, потому что в течение трех-четырех лет (тогда и можно было работать) в стране было междуцарствие, некий свободный промежуток, когда то ли не до того было, то ли власти еще не определились – один (Хрущев) ушел, второй (Брежнев) еще не отстоялся у власти; а в 69-ом, после Чехословакии, власти, собственно, определились, и началась серия зажимов в разных областях, в частности, волна дошла и до ИКСИ. Им очень не нравилось, что во главе института стоял главный либерал тех времен Румянцев и что там можно было работать, спорить, думать. Само по себе – ничего особенного, но отличавшееся от принятых тогда стандартов.

– *Лекции стали поводом?*

– Да, “им” надо было прикрутить всякую чуть-чуть либеральную мысль и прикрутить ИКСИ, который вообще не нравился нашим официозным философам. Считалось ведь, что нет никакой социологии, отличной от философии; философия – это истмат и диамат, и ничего другого быть не может и не должно, все будет извращением. Потому и история с лекциями стала столь скандальной и приобрела довольно странный характер. Ко мне приходили люди, вроде бы мои добрые начальники и просто приятели и говорили: “Ты, главное, веди себя спокойно. Иначе всем будет плохо. Что-то признай, в чем-то покайся. Тогда мы останемся жить, сохраним институт, вместе будем работать дальше, все перемелется”.

Все это искажало картину, потому что, с одной стороны, нельзя было не считаться с людьми, дело ведь было не во мне лично; с другой стороны, – не пойдешь и против себя. Поэтому я вел себя тогда, к моему сожалению, достаточно сдержанно. Очень мало отвечал по существу, хотя отвечал. Было несколько попыток сказать, что, в конце концов, решительно ничего злодейского в лекциях нет. Есть некоторые методические недочеты, что-то недостаточно отредактировано, есть двусмысленности, может быть. Например, была одна популярная лекция на тему о сложности личности и примитивности общества (грубо говоря, так). И там содержалась фраза, которая жутко “цепляла”, вела к скандалу: что в наше время личность подвергается разного рода давлению – со стороны власти, массового общества, рынка, и танками пытаются ее задавить... Фраза эта была сказана в 1966 году и не заключала политического смысла. Но в 1969 году она была расшифрована как “чехословацкая” фраза, и отсюда шло многое. Потом стали говорить, что я допустил идеологические и политические ошибки. Или была в этой книжке страница, где сравнивались Гитлер и Сталин, причем достаточно сдержанно. В основном обыгрывалось одно высказывание, которое почти буквально совпадало у обоих: что человек – ничто, а масса, народ – все, “народ бессмертен”. Не знаю, кто первый это произнес, или “позаимствовали” друг у друга, важна сама мысль. Еще что-то, видимо, “цепляло”, но критиковали ведь не за то, что имели в виду, а за другое.

– *Юрий Александрович, говорят, что главным инициатором этого шумного обсуждения был В.Н.Ягодкин. Или кто-то еще за ним стоял?*

– Да, Ягодкин. В то время он был секретарем парткома МГУ и наводил на весь университет много страха. Известно было также, что он пользовался поддержкой властей, потому что начал делать карьеру (он стал московским идеологом) не без такого момента, как критика моей деятельности. Ну, последовал целый ряд взаимосвязанных и друг друга подогревающих событий. Устроили обсуждение лекций в разных местах. Главное произошло в Академии общественных наук осенью 1969 года. В течение недели велась “операция” со множеством народа и большим шумом. В основном обвиняли в том, что мы протаскивали всякие “отклонения”. Я еще работал в университете, Ягодкин поднял скандал, много чего навесил на декана факультета журналистики Я.Н.Засурского (он и сейчас декан), заставил обсудить всю эту историю на парткоме. Само собой разумелось, что я должен уйти из университета. С некоторым сопротивлением, но мне пришлось принять тогда все эти

условия. Потом было обсуждение у нас в институте, высказывались всякие упреки, наше руководство признавало, что оно недоглядело, "навесили" выговоры – на меня тоже.

– *Партийные?*

– Да, партийный выговор. Он у меня есть в коллекции. Вот создали такую шумную историю. А дальше... Дальше мы продолжали работу. Сектор сохранился, только печататься не давали.

– *Это было официальное распоряжение или негласное – никто не решался печатать?*

– Я никогда не слышал, что было какое-то распоряжение. Просто боялись. В "Вопросах философии", самом таком дружеском по отношению к нам органе, главным редактором был Иван Фролов, тогда молодой и считавшийся прогрессивным. Он сказал, что ни строчки против Левады не напечатает, но и его самого тоже печатать не будет (или не сможет). И сдержал оба эти обещания. А больше и негде было печататься. Были предложения изобразить какое-то покаяние. Я этого не делал никогда, с начальством сохранялась некоторая напряженность. Но непосредственно трогать нас в институте не решались – пока не ушел Румянцев. В 1971 году он ушел, фавор его в ЦК закончился – Суслов его невзлюбил, и Румянцев очень обиделся. Какое-то время был промежуточный период – и.о.директора стал Лапин. Но он ничего не решался делать: пакостить не хотел, а выкрутиться из положения не мог. Летом 1972 года пришел Руткевич. Тогда он имел и славу и силу главного погромщика социологии, он на этом делал карьеру, для чего специально и приехал из Свердловска. Стало ясно, что нам тут не жить, надо уходить. Я ушел. Потом все те, кто работал со мной, тоже разошлись в разные места.

– *Юрий Александрович, а были какие-то конкретные причины, чтобы уходить? Или это назревало медленно, постепенно?*

– Нет, все происходило довольно быстро. Ну, я знал о настроении, поведении Руткевича и сразу ему сказал, что думаю уйти. Он ответил, что уже договорился с Федосеевым о том, что я уйду. Сказал это с привычной ухмылкой, по-моему, с большим наслаждением. Поскольку за мной была слава злодея и висел выговор, уйти мне было не так просто, в некоторые места отказались брать. Потом помогли устроиться старшим научным сотрудником в ЦЭМИ, к Н.П.Федоренко (в частности, помог С.С.Шаталин, он тогда был заместителем директора). Первоначально со мной должны были перейти еще несколько человек, мне это обещали. Но потом не дали даже секретаря. Велено было, чтобы я был сам по себе. И вот так "сам по себе" я работал там 16 лет, занимался чем-то вроде социологии экономического развития, смотрел за тем, что делают экономисты. И все это время работал наш семинар. Каждые две недели где-нибудь мы собирались. Семинар был то узкий (помещался в одной комнате), то вырастал до нескольких сот человек. Тогда происходил какой-нибудь скандал, приходилось менять место. В ЦЭМИ нас то терпели, то боялись. Федоренко как-то сказал: "Один институт из-за вас чуть не разогнали. Пожалуйста, поосторожнее".

– *А кто посещал семинар?*

– Семинар был для своих людей, тех, что работали вместе и сейчас тоже работают вместе. Но временами, когда мы "разбухали" и появлялось помещение, набиралось 200-300 человек. Самые разные люди из старых знакомых, из новых, экономисты, историки, техники, физики. Были разные варианты семинара – узкого, широкого, "квартетного" типа. Работа его практически продолжалась непрерывно. Что обсуждали? Тогда, в 70-е годы, говорили, что существуют второе искусство и вторая наука. Второе искусство (неформальное искусство) – это театры-студии, малопризнанные писатели, поэты. Теперь все их имена известны. О второй науке можно говорить не строго, но в какой-то мере это существовало. Были направления околочеловеческой науки, которые не поощрялись. Политических течений там не было – просто были течения, отличавшиеся от признанных. Прежде всего, конечно, их представлял Щедровицкий. Семинарскую работу он начинал где-то в начале 50-х годов, сначала это называлось "Теория деятельности", потом "Система деятельности". У него был несколько меняющийся актив, но большой круг людей, которые вдохновенно работали

много лет. Кто-то приходил, кто-то уходил. В начале 60-х годов я столкнулся с ним (мы когда-то учились на соседних курсах, но в то время не общались), стал ходить на этот семинар, пару лет ходил, потом мы разошлись по методологии. Но сохранили добрые отношения. Щедровицкий иногда приходил к нам, людей присылал на работу, в аспирантуру (было немало интересных людей из того круга, с которым он работал). Очень часто в разных формах он излагал свою концепцию как историю своего кружка.

Были и другие направления. Скажем, течение диалектиков – на самом деле, это круг Э.В.Ильенкова, но организатором был Г.С.Батищев, у него много лет работал семинар. Были отдельные кружки – в основном связанные с формальной лингвистикой, долго не признаваемой, и семиотикой. И были не то чтобы цельные, но во всяком случае большие стремления развивать полупризнанную историческую культурологию (А.Я.Гуревич, Л.М.Баткин и некоторые другие). Наше течение продолжало традиции: приглашали самых разных людей, на перекрестке интересов строили представление, некую попытку культурно обоснованной социологии (до последних лет от эмпирической социологии я был очень далек, никогда ею не занимался).

– В какой мере это могло быть второй наукой, кружковой?

– В малой, наверное. Не могу преувеличивать, но, вероятно, какую-то нагрузку все это несло. Официальная общественная наука, официальная философия были дохлые (и сейчас, по-моему, являются таковыми), поэтому был интерес к нормальным, не идеологизированным, в принципе, на западный манер исследованиям. Во всяком случае, была необходимость исследовать реальность человеческого поведения, духа, метода, мысли, философии. Я сейчас встречаю людей, которые говорят, как это было тогда для кого-то полезно. Конечно, было чрезвычайно много ограниченного и наивного, не было заранее заложенного проекта. Сам я старался начитываться вместе с людьми, с которыми работал, в некотором смысле своими учениками. Что читал? В основном теоретическую социологию – Дюркгейма, Вебера, Парсонса – с какой-то примесью культурологии и иногда семиотики, больше нашей. Я не упомянул, но вы знаете, что была семиотическая школа, имевшая ответвления по стране. У нас с ними были очень близкие отношения, мы обменивались идеями, докладами. И она сыграла тогда большую роль в формировании людей знающих и умеющих думать оригинально. Но особой науки, по-моему, не создали. Вот, собственно, все по поводу атмосферы того времени.

Дальше начались у нас политические перетряски, стало интересно следить за актуальным развитием. Появилась надежда, что удастся его как-то изучать. В 1988 году соблазнили меня перейти в только что организованный ВЦИОМ, чтобы заняться там теорией общества и общественного мнения. Я собрал тех людей, которые были близко, с которыми мы работали, включая последнее время. Так появился отдел теории ВЦИОМ. Ситуация развивалась бурно, нам, как я думаю, удастся заниматься теорией очень мало: приходится щупать пульс у больного. И это довольно интересно.

– Но если вернуться к той, “семинарской жизни”, не могли бы вы подробнее рассказать о тематике ваших семинаров, содержании докладов?

– Я называл некоторых докладчиков. Мы “выращивали” своих людей, но, к сожалению, многим из них пришлось уехать. Это был период, повторю, неофициального развития, когда из социологии нас разогнали. Мы собирались, где удавалось. Тогда, в начале-середине 70-х годов, началась большая эмиграция. У нас было выражение: “такой-то человек записался в докладчики”. Значит, он собирался уезжать. На семинаре выступали Пятигорский, Янов, Шляпентох – все они сейчас далеко (с разной степенью преуспевания). Был у меня такой сверхталантливый аспирант – Д.Б.Зильберман, самое яркое явление, удивительно широкого объема знаний и способностей человек. Я такого никогда ни раньше ни позже не видел. Он мог уверенно говорить обо всем: о социологии, фрейдизме, индийском мышлении. Он уехал в Америку – здесь работы для него не было – хотя уезжать не хотел. Года четыре там проработал и погиб – его задавил автомобиль, когда он ехал на велосипеде.

Практически все наши заседания рано или поздно приводили к тому, что я спорил со всеми докладчиками. Это была атмосфера всеобщих споров. Но было интересно, и никто не обижался. Сказать, что мы что-то открыли, не могу. Была атмосфера свободного разговора на любые темы. Политической тематики у нас тогда не было, и мы ею не занимались, по крайней мере, на семинарах. В этот период имели место другие движения – диссидентское, эмигрантское, правозащитное. Прямо в круг этих людей мы не входили, но среди нас было очень много лично связанных с ними.

– Не сохранились материалы тех докладов? Вы их не публиковали?

– Мы очень много записывали тогда на магнитофон. А расшифровкой занимались мало, многое не перепечатывали. Некоторые рукописи оставались, велась хроника. Секретарем сектора, а потом семинара постоянно был Лев Гудков (сейчас он заведует моим бывшим отделом). Тогда он собирал материалы, и у него много чего есть. Я толком не знаю, что именно, потому что когда мы опять собрались вместе, времена пошли такие, что оглядываться назад было неудобно, надо было смотреть дальше, делать что-то новое. Во ВЦИОМе мы занялись новым для себя делом, влезли в него достаточно глубоко и поминать старые события просто не готовы.

– Хотя вы несколько скептически смотрите на свою деятельность в тот период, тем не менее ваш семинар был местом общения, образования социологов.

– Наверное. Я думаю, что мы собирали всех, кто пытался самостоятельно думать, знать положение дел в социальных науках. Были и такие, кто приходил просто из любопытства. Это неизбежно – двери у нас были открыты. А смотрю я на это, как вы говорите, скептически, потому что чего-то оригинального и серьезного создано не было. И весь круг идей – в основном идеи просветительские в области социологии, культурологии. Я думаю, что это было интересно не как открытие, а как движение, как способ общения, организации, вдохновения людей. Если смотреть современными строгими глазами, то здесь и наивности было много, и недостаточно образованности, потому что ведь наше поколение никто серьезно не учил. Мы сами учились всем этим предметам – плохо и мало.

Семинар, который нам удавалось вести более 20 лет, с небольшими перерывами, а точнее, трансформациями, был, как мне сейчас представляется, принадлежностью своего времени – времени старения общественно-политической системы, либеральных надежд, первых попыток прямого сопротивления, разложения официальной общественной науки. С середины 60-х годов расцвела неофициальная или полуофициальная разновидность интеллектуального общения – семинары, чтения, конференции. Общими приметами были нетрадиционность тематики, междисциплинарность, открытость обсуждения. Отсюда и притягательность для многих. Такие семинары действовали в Москве, Ленинграде, Новосибирске, еще в нескольких центрах.

Наш семинар не был строго социологическим, да и представления о строгих границах социологического знания не было, были попытки сочетать подходы современной теоретической социологии с новыми веяниями в культурологии, психологии, семиотике и т.д. Притом чаще любительские, чем профессиональные. Там культивировалось скорее “клубное”, чем “лабораторное” общение.

Для своего времени это было и естественным, и важным. “Семинарский” период, во-первых, помогал создавать новую атмосферу в социальных науках, расшатывать монополию казенной догматики, а во-вторых – собирать людей, которым хотелось серьезно и свободно думать о социальной действительности. Позже, как мне представляется, традиция неофициальных семинаров сыграла свою роль в появлении неформальных кружков и семинаров “перестроечного” типа, которые, в свою очередь, породили первые ростки нашего плюрализма – и так далее.

Некоторой параллелью может служить тогдашнее политическое движение (те же диссиденты). Если рассматривать его по существу, то требования были очень ограниченные, сформулированные не всегда в удачной форме; но как движение оно имело огромное значение. Некоторая аналогия здесь есть – не больше.

– *Вы следили за тем, что было в социологии на Западе?*

– Мы читали литературу. Реального обмена не было. Реальных людей с Запада мы почти не видели. И они на нас не смотрели. Мы даже не могли предположить, что дверь откроется так широко, как сейчас.

– *Какие социологические персоналии фигурировали в ваших обсуждениях тех лет?*

– Вся социологическая классика. И кроме того, современные течения типа современной культурологии, структурной антропологии. Это Леви-Стросс, Мердок, Миллер; немного психоанализа, хотя увлечения последним не было; немного лингвистики, в основном структурного плана; немного истории и теории религии. Здесь А.Пятигорский и школа И.Гофмана к нам были более или менее близки. И школа В.В.Иванова-В.Н.Топорова, учеников Ю.М.Лотмана. Тогда была попытка организовать структуралистское движение во всех областях. Возможно, вы знаете, что в 1962 году был симпозиум по знаковым системам в Москве, вышла маленькая книжечка материалов. Но на самом деле это был манифест, так как он декларировал создание новой социальной науки, построенной на точном семиотическом анализе. Было стремление и даже попытка создать институт семиотики. Все это потом забылось, а тогда было очень интересно. По тем временам, каждый шаг в сторону от официальной идеологии казался чем-то значительным и интересным – одним и, конечно, опасным – другим. Сегодня посмотреть – ну, вроде бы не очень серьезно, на Западе это знают, переворота не получилось. Но люди, которые шагнули в сторону, в стороне остались. Это было полезно. Разных людей могло вдохновлять разное. Вот такое было время.

– *А Мамардашвили участвовал в семинаре?*

– Ходил много раз. Он не был постоянным участником, но был очень близким нашим другом. Несколько раз, например, мы обсуждали его концепцию превращенных форм (есть такая его статья в “Философской энциклопедии”, она вошла в его сборники). Мы тогда спорили, я не соглашался с ним (и сейчас не соглашаюсь). Но это было удивительно интересно, как и все, что делал Мераб.

Сейчас, насколько я знаю, неформальных семинаров такого типа, какие были в 60-80-х годах, просто нет, их время прошло, потенциал такой формы интеллектуальной жизни исчерпан. Наш семинар замер и перестал действовать вскоре после того, как его ядро получило возможность совместно заниматься профессиональной работой в отделе теории ВЦИОМ; все попытки возродить семинар оказались неудачными.

Это тоже, по-моему, черта времени. Семинарская жизнь, расцветавшая в “полутьме” (полудозволенность, полузапретность, полупрофессиональность и т.д.), утратила смысл в новых условиях, когда стало возможным практически свободно работать, организовываться, публиковаться на “свету”. Беда в том, что мало кто сумел – да и захотел – реально этими возможностями воспользоваться. Это уже вопрос и психологии людей, и профессиональности, и экономических и прочих обстоятельств. Но в то же время это вопрос о судьбах определенной общественной группы, целого слоя (“прослойки”). Притом не только в социальных науках, но и в литературе, культуре, публицистике, прессе – во всех традиционных видах интеллигентской активности. Это большая и серьезная проблема, ее в двух словах не изложить. Очень трудным оказался переход от периода расшатывания идеологической монополии, расширения кругозора, осторожных намеков или дерзких выходов – все это принадлежности времени, которое, в частности, было отмечено как “семинарское”, – к периоду практической работы, научной, гуманитарной, да и политической тоже.

Оглядываясь назад, могу видеть множество слабостей, упущений, упрощений и прочее. Но что-то все же удавалось сделать или хотя бы обозначить “тогда”, а главное же, по-моему, – удалось нащупать переход к пониманию того, что происходит с нами “теперь”. Мне кажется, что в последние годы мы с давними и недавними коллегами смогли описать и объяснить некоторые тенденции развития общества и человека, используя не только обильные эмпирические данные опросов, но и тот мыслительный, методологический материал, который был проработан “тогда”.

«Дело Левады» – документы из личных и государственных архивов

Из выступления Ю.А.Левады на объединенном заседании кафедр философии Академии общественных наук при ЦК КПСС и Высшей партийной школы при ЦК КПСС

24 ноября 1969 г.¹

<...> Обсуждение было очень долгим, все устали, но я считаю, что обязан отвечать на принципиальные моменты критики и, не комкая, выразить свое отношение к ней. Если не успею сказать, приложу написанный текст.

В целом дискуссия за эти два вечера содержит много интересного и поучительного. Если бы ее записать и издать, распространить, получился бы ценный материал в помощь изучающим проблемы социологии, может быть, он вызвал бы не меньший интерес, чем “Лекции”. Я уже говорил, однако, что не могу отнести тот живой и острый интерес выступавших и слушавших, который здесь проявился, только к моей работе, довольно скромной по замыслу и несовершенной по исполнению, и тем более не к моей личности. Это косвенное, иногда перевернутое отображение того интереса к социологическим проблемам, который существует среди нашей научной общественности. Надеюсь, что сама дискуссия послужит росту этого авторитета.

К сожалению, на дискуссию в этом зале с самого ее начала, с первого дня, повлияли некоторые совершенно посторонние научной атмосфере элементы, налет какого-то сенсационного “разоблачительства”, который сказался в ряде выступлений.

Ю.Н.Семенов сказал, что я здесь в качестве “подобсуждаемого”. Не согласен с этим, считаю, что обсуждается проблема, способ ее освещения в моей работе. Это значит, что я вправе выражать свое отношение к собственной работе, а также рассматривать тон и качество критики.

Известно, что об уровне критики судят: 1) по ее компетентности (противное – некомпетентности), 2) по ее обоснованности (или поспешности), 3) по ее непредвзятости (противное самоочевидно). Здесь я выслушал разные образцы критики, но считаю долгом поблагодарить всех выступавших, ведь с позиции социолога всякий тип критики – интересный и поучительный социальный феномен.

Но, определяя свое отношение к критическим замечаниям, мне приходится довольно четко разграничивать а) *квалифицированную*, деловую, содержательную критику, с которой тоже не всегда можно согласиться сразу, но которую следует учитывать и обдумывать и б) порой осторожные по форме, а порой и крайне резкие упреки в *идеологических* и едва ли не политических срывах, которые мне приписывали, без должного обоснования, некоторые оппоненты.

Приятнее, хотя и труднее, отвечать на деловую критику: труднее, потому что следует отвечать прежде всего делом, улучшением работы. На упреки второго рода не всегда хочется отвечать, но я все же вынужден начать с них, потому что здесь было довольно много сказано в таком тоне. Как ученый и как коммунист я не могу и не хочу обходить молчанием

---

¹ Заседание состоялось 20-24 ноября 1969 г. Сохранилась неправленная стенограмма этого обсуждения (РЦХИДНИ. Ф.606. Оп.1. Д.513, 514). Краткое изложение выступлений было опубликовано в журнале “Философские науки” 1970 № 3. Публикуемый документ представляет собой письменный вариант выступления, подготовленный Ю.А.Левадой.

В дискуссии также выступили: А.А. Амвросов, Ф.М.Бурлацкий, Г.Е. Глезерман, Г.М.Гак, Л.А.Гордон, Б.А.Грушин, В.В.Колбановский, И.А. Кривелев, Г.В.Осипов, С.И. Попов, Ф.В.Константинов, П.С. Черемных, В.Н.Шубкин, М.В.Яковлев и др. – *Прим.ред.*

безосновательные упреки, которые, как мне сейчас кажется, иногда основывались на недоразумениях, но иногда превращались в совершенно недостойные.

Сначала попытаюсь выяснить несколько вопросов общего порядка.

1) О соотношении социологии (как эмпирической, конкретной дисциплины) и исторического материализма в “Лекциях” сказано очень кратко и здесь кое-что можно пояснить. Как и многие другие, я не считаю, что в конкретном исследовании всегда можно непосредственно применять категории исторического материализма (помимо всего прочего, лучшее подтверждение этого тезиса – отсутствие таких исследований). Нужна специфическая разработка категориального и понятийного аппарата в рамках разного типа специально-социологических теорий, которые иногда называют теориями “среднего уровня”. В наших условиях этот термин (придуманый для иных задач), по-моему, относится к тем видам социологической теоретической работы, которые занимают как бы промежуточное место между социально-философскими обобщениями исторического материализма и собственно эмпирическим исследованием. Если исторический материализм – фундамент, то на нем надо строить здание, наподобие того, как строятся целые кварталы зданий исторических, юридических, экономических и пр. наук. На одном “фундаменте” жить нельзя, да и сам он, без “крыши”, может начать портиться. Это, конечно, аналогия столь же условная, как всякая иная.

Существует мнение, будто “средняя” по уровню социологическая теория – это теория “среднего” по масштабу явления: скажем, города, личности и пр., а вот если схватывается все общество – это уже непременно “высший”, социально-философский, “истматовский” уровень. Это наивно и неверно, даже чисто логически. Уровень, тип теории и “масштаб” предмета – разные вещи. Ведь демография, статистика да и экономика тоже берут “большое” общество, но каждая в своем плане. И личность, и отдельная сторона ее деятельности (скажем, фантазия) могут быть предметами самого высокого, философского анализа. Дело не в масштабе, а в подходе. Поэтому социологические воззрения на общество и культуру, которые изложены в “Лекциях”, – тоже “средний” уровень.

Предлагая – без всякой, впрочем, претензии на оригинальность – нечто вроде рабочей схемы “разделения труда” между конкретными социологами и товарищами, работающими (хочу подчеркнуть слово *работающими*, в отличие от “лежащих” и “сидящих”) в привычных рамках историко-материалистического анализа, я отнюдь не предлагаю “разрыв”, противопоставление” и пр. Я лишь говорю о потребности в своего рода “органическом” (если использовать этот известный социологический термин) *единстве*, основанном на разделении труда и сотрудничестве. Что тут плохого? Что тут опасного для авторитета нашей единой марксистской науки? В литературе имеются разные точки зрения по этому поводу, их можно обсуждать, и тут нет никаких оснований для монополии и “отлучения” какого-либо от истины.

2) Некоторые пояснения относительно партийности и классовости в “Лекциях”.

Я уже приводил соответствующее место из I ч. “Лекций” (стр.13) – о роли социологии в идеологической борьбе. Конечно, эта роль велика и учесть ее полностью в одной работе трудно. В разных своих печатных работах мне приходилось заниматься различными аспектами этой сложной проблемы: историей, критикой отдельных концепций, разоблачением фальсификации, сервиллизма и т.д. – и думаю, что все эти способы вполне законны, если, конечно, они используются серьезно, со знанием дела (это важная оговорка). В данном же курсе, как сказано было, я считаю важным дать прежде всего основы положительных знаний, а в связи с этим, где было уместно, высказать критическое отношение. Это тоже законный жанр. Букварь – тоже оружие в идеологической борьбе, если велика неграмотность или малограмотность. А вот крикливые и безграмотные сочинения некоторых наших “профессиональных критиков”, неспособных ни одну проблему поставить и разъяснить – вот это, по-моему, образец непартийности, капитулянтства, сдачи позиций. Если истина – за нас, то без объективного подхода к проблеме нет и партийности.

Я специально (см. ч. I стр.28) говорил о необходимости отделять научное от ненаучного и реакционного в методах и результатах социологов США и др. буржуазных стран (это относится, конечно, как к социологам, стоящим на откровенно буржуазных позициях, так и к мелкобуржуазным, социал-демократическим теоретикам, “левым” и “неолевым” критикам капитализма и т.д.).

Правильно, что и к выводам и даже к терминам, взятым из чужих рук, нужно относиться осторожно, критически, проверять, брать лишь стоящее. Это вовсе не значит, что во вводном курсе нужно *излагать*, откуда взят тот или иной термин, как и кто им злоупотребляет. Вспомните Маркса: порядок изложения всегда отличен от порядка исследования. <...>

Сравнивая обсуждение “Лекций” в Исследовательском комитете ССА 30.X. и то, что было здесь в эти два вечера, я должен сделать вывод о заметной разнице в *уровнях*, а не только в позициях, резкости и т.п. То ли здесь так подобрались ораторы, то ли из состава двух уважаемых кафедр их иначе и подобрать нельзя было (хотя выступали и посторонние), но здесь было слишком много таких упреков и доводов, которые говорили об очень невысокой квалификации ораторов в марксистской социологии (на любых ее уровнях). Х.Н.² разделил выступавших на тех, кто меня “покрывает”, и тех, кто меня “критикует”, – это очень странное деление (видимо, уголовного происхождения, поскольку там злодеи покрывают друг друга), и я с ним не согласен совершенно.

Я вынужден проводить совсем иное деление на: а) деловую, квалифицированную критику, б) некомпетентные и необъективные оценки, с которыми выступали люди, не успевшие или не сумевшие сказать что-либо по существу. Не вина, а беда моя сегодня, что я вынужден был так долго говорить о “команде” (по терминологии С.Попова) из “класса Б”.

Но я слышал и другую, серьезную критику, в том числе и здесь, хотя и на заседании в ССА и здесь (поначалу) надеялся, что услышу ее больше. Я получил немало устных и письменных замечаний, а кроме того сам имел возможность внимательно перечитать и передумать, что и как написано в “Лекциях”. Именно это все вместе взятое никак не позволяет мне обольщаться той сравнительной легкостью, с которой опрокидываются надуманные инсинуации вроде тех, которые я здесь слышал от ряда ораторов. Научный счет – куда серьезнее и по этому счету мне приходится отвечать перед коллегами, товарищами, читателями, да и перед собой тоже.

Я уже говорил и могу повторить, что “Лекции” – всего лишь опыт изложения вводных, элементарных категорий социологического значения. Здесь не было никаких претензий на “открытия”, оригинальность и построение целостной и систематической картины этого знания. Поскольку записана лишь половина читавшихся тем, по тексту нельзя составить правильного представления и о том, каким был лекционный курс.

Конечно, эти оговорки никак не устраняют вывода о том, что “Лекции” – несовершенный, во многом неудачный опыт популярного рассказа о социологии: я мог бы выделить три разные типа недостатков этих “Лекций”.

1) Те, которые *обязательно* нужно было устранить при подготовке стенограммы к изданию. Это касается не только более тщательной сверки фактов, цифр, цитат, вычиток текста (устранения опечаток и опечаток и т.п., но и переработок), которая позволила бы раскрыть и развить те или иные положения, примеры, сравнения, снабдить работу должным аппаратом. Сейчас я могу лишь принести извинения перед читателями за то, что не выполнил этой работы. Это тем более непростительно ввиду моего редакторского прошлого.

Ряд выступавших на этих двух обсуждениях обратил внимание на то, что я необоснованно занизил требования к тексту, ссылаясь на ограниченность задач самих лекций перед студентами. С этим я должен согласиться. Я недостаточно учел, что книжка будет восприниматься и оцениваться без всякой связи с условиями университетского образования в 1967 году. И.С.Кон очень убедительно показал, что если в тех лекциях я мог избегать

---

² Х.Н. – Хачик Нишанович Момджян, руководитель кафедры философии АОН при ЦК КПСС, председатель заседания – *Прим.ред.*

повторения “истматовских” тем, ссылаясь на материал других учебных курсов, в этих “Лекциях” так поступать не следовало, нужно было показать “мосты” между разными подходами к проблеме в марксистской науке. Он отнес это к теме классов, но, видимо, это относится и к ряду иных тем. Сегодняшнее обсуждение показало, что выраженная И.С.Коном тревога в отношении уровня освещения той же темы классов в учебной литературе – более обоснована, чем мне казалось ранее. Тем более нельзя было переключиваться на коллег из “смежных” сфер науки анализ таких важных проблем.

И особенно важно было, не передоверяя никаким ссылкам, никаким “критическим” работам (очень много просто плохих и неграмотных среди них) обстоятельно и ясно раскрыть – на примерах, на разборе идей – место социологического знания и роль отдельных школ в сложной современной идеологической борьбе.

2) Те, которые связаны с наличием разных подходов к отдельным проблемам социологии в нашей стране. Конечно, я не мог и не знаю, кто и когда сможет дать такие определения социологии, которые бы всем понравились. Я попытался слишком легко разделаться с этим трудным вопросом, отослав читателя к литературе, к дискуссионным статьям. На самом же деле нужно было изложить точки зрения, обстоятельно обосновать свою позицию, больше использовать классическую марксистскую литературу и данные советских исследователей (тем более, что как раз за эти два года появилось много очень добротных работ).

3) Третья и, по-моему, главная (хотя на нее сравнительно мало указывали) группа недостатков “Лекций” связана с отсутствием в них *системы* социологического знания. Мне кажется, этот вопрос не сводится к отсутствию некоторых или многих тем (социология политики, искусства, религии, коммуникации, села и др., математические модели, история социологии и характеристика отдельных направлений), – одни из них не были записаны, другие просто не разработаны у меня. Даже собрав все эти темы вместе (что, правда просто трудно сделать одному), мы еще не получим системы знания. Здесь нельзя оправдываться тем, что в традиционных курсах общественных и философских наук, которые у нас читаются и издаются, логическую систему трудно обнаружить, или что разные зарубежные пособия по социологии такой системой не обладают. Систему социологического знания нужно и, вероятно, можно когда-нибудь будет построить: тогда можно будет перейти от малого или большого собрания лекций к стройному курсу. Это требует большой и собственной научной работы. Пока же ее почти нет, а в 1967 г. у меня и подавно не было, и это заставляет меня рассматривать “Лекции” лишь как побочный плод моих научных интересов.

Поэтому-то, должен признаться, несколько неудобно я себя чувствую в ситуации, когда именно эта работа, к тому же обладающая недостатками, отмеченными по пункту 1, послужила поводом для столь шумных дебатов и обострения старых разногласий. Я предпочел бы спор вокруг другой, собственно научной работы, вокруг каких-то действительно новых соображений. О том, что я предпочитаю сколь угодно острый профессиональный спор – и говорить нечего. Мне кажется, что сейчас определенная “критическая” шумиха поднята зря, она раздувается вовсе не из научных соображений. Я не боюсь никакой критики, я готов слушать все, учитывать деловое и отметить необоснованное, но ведь ясно, что не во всяком споре рождается истина. Прежде всего она рождается в работе и этим я больше всего хочу заниматься.

Я ни на кого не могу и не хочу переключивать ответственность за недостатки своей работы – хотя я не считаю ее своим вполне “законным” научным детищем. Не советская социология, к которой я себя причисляю, не институт, где я работаю, не Ассоциация, в которой я состою, – а лишь автор отвечает за то, что сделал и чего не сделал.

Прошу всех, кто читал или прочтет “Лекции”, переслать мне (или в адрес Института) все замечания, чем больше – тем лучше. Отвечать на них, как я уже сказал, я думаю прежде всего делом, учитывая их в работе, в частности, в дальнейшей работе над “Лекциями”.

Благодарю всех, кто принял участие в нынешней столь длинной и поучительной дискуссии, в том числе слушателей, от которых требовалось немало внимания и терпения.

Личный архив Н.И.Лапина. Копия.

**Из протокола № 11
заседания партбюро ИКСИ АН СССР
4 декабря 1969 г.**

ПРИСУТСТВОВАЛИ: Ю.А.Левада, В.Я.Нейгольдберг, Б.Ф.Русанов, Г.В.Осипов, А.А.Галкин, Н.И.Лапин, Я.С.Капелюш, В.С.Белова, В.В.Колбановский. Приглашенные: Г.Б.Агабеков, А.Е.Выгорбина, А.М.Хорошев, Э.П.Петров, С.Н.Грачев, В.И.Чупров, Ф.М.Бурлацкий, Б.С.Орлов, А.А.Возьмитель.

<...> **СЛУШАЛИ:** заявление секретаря парторганизации Ю.А.Левады об уходе в творческий отпуск в связи с переработкой книги.

Ю.А.Левада. Дирекцией института было принято решение о повышении идейно-политического уровня продукции Института. На необходимость этого было указано Ю.А.Леваде и В.В.Колбановскому в связи с выпуском “Лекций” Левады. Партийное бюро должно принять решение по этому вопросу. Ю.А.Левада говорит о недостатках своей работы. В то же время обращает внимание членов партбюро на то, что серьезно делит замечание на “Лекции” на два типа: политических нападок (против которых категорически возражает) и деловых замечаний по работе.

Г.В.Осипов. Предлагает поставить на партбюро вопрос о повышении ответственности коммунистов за идейно-политический уровень работы.

Ю.А.Левада. Просит дать ему творческий отпуск до 3-х месяцев на переработку “Лекций по социологии”. В связи с этим необходимо договориться о том, кто будет исполнять обязанности секретаря партийного бюро института на этот период.

Г.В.Осипов. Рассказывает более подробно о решении Дирекции. Чтобы снять голословные необоснованные выпады против его книги, ему надо дать время для ее переработки. Поэтому просьба Ю.А.Левады об отпуске будет удовлетворена. Мнение дирекции и А.М.Румянцева, что различные политические нападки на Ю.А.Леваду должны быть полностью отмечены.

Ю.А.Левада. Надо решить вопрос о том, кто будет исполнять обязанности секретаря. Целесообразно было бы возложить эти обязанности на Н.И.Лапина.

В.В.Колбановский. Поддерживает предложение Ю.А.Левады.

Г.В.Осипов. Не будет ли неудачным, что мы минуем замов?

Б.Ф.Русанов. Считаю, что кандидатура Н.И.Лапина самая подходящая.

Ф.М.Бурлацкий. Поддерживаю все положительное, сказанное о Н.И.Лапине. Дирекция согласится с этим. Но учитывая ситуацию (речь идет фактически о двух месяцах), не будет ли естественнее, если обязанности секретаря будет исполнять кто-то из замов?

Г.В.Осипов. Также считает, что вопрос нужно продумать с этой точки зрения: как будет более естественно.

В.Я.Нейгольдберг. Для пользы института обязанности секретаря должен был бы исполнять не зам, а кто-то другой из членов партбюро. Что касается моей кандидатуры, то просит отвести ее, т.к. не чувствует себя достаточно сильно в контактах с внешними организациями.

Н.И.Лапин. Поддерживает выступление Бурлацкого и искренне поддерживает кандидатуру В.Я.Нейгольдберга.

Ю.А.Левада. Вторично высказывается за кандидатуру Н.И.Лапина.

ПОСТАНОВИЛИ: Удовлетворить просьбу Ю.А.Левады о предоставлении ему творческого отпуска для переработки книги. Автоматически до прихода из творческого отпуска Ю.А.Левады и.о. секретаря партбюро становится В.Я.Нейгольдберг. Третьим заместителем секретаря избрать Н.И.Лапина (избирается единогласно).

По поводу решения Дирекции³ о повышении идейно-политического уровня продукции института партийное бюро:

1. Полностью поддерживает решение дирекции.
  2. Принимает к сведению заявление Ю.А.Левады об отношении к критике его работы.
  3. Считает необходимым обсудить на ближайшем заседании партбюро вопрос о повышении ответственности коммунистов за идейно-политический уровень работы.
- Секретарь партбюро⁴

ЦГАОДМ. Ф.3323. Оп.1. Д.1. Л.70, 73-74. Подлинник.

2.4.

Объяснительная записка Ю.А.Левады на имя проректора МГУ им. М.В.Ломоносова проф. И.А.Хлябича

7 декабря 1969 г.

Мне стало известно, что в последнее время в связи с моей преподавательской деятельностью на ф-те журналистики МГУ были высказаны критические замечания на Совете гуманитарных ф-тов, а также на партийном активе МГУ. Непосредственным поводом для этих замечаний послужили, видимо, дискуссии вокруг моих “Лекций по социологии”, размноженных на ротапринтере и разосланных для обсуждения среди специалистов летом с.г. Меня весьма удивило, что никто из ответственных работников МГУ, публично высказавших свои замечания, не счел нужным предварительно поговорить со мной или хотя бы выяснить, в какой мере связан размноженный для обсуждения текст с содержанием читавшегося в данном году учебного курса.

По этому поводу считаю нужным заявить следующее.

1. Размноженный текст “Лекций по социологии” лишь частично отражает содержание курса, читанного мной в 1967 г., поскольку в нем отсутствует ряд важных разделов, имеются недомолвки, дающие повод для неверных толкований, некоторые темы записаны и обработаны неудовлетворительно.

2. Программа лекционного курса по основам социологии и социальной психологии 1967 г. обсуждалась кафедрой философии гуманитарных ф-тов в ноябре 1967 г. В целом программа была одобрена, тематика и формулировка некоторых тем вызвали замечания. В частности, было выражено мнение о том, что такие темы как “общество как система”, “культура и общество” целесообразнее излагать в курсе исторического материализма, хотя пока такие темы в программу этого курса не входят. При обсуждении отмечалось, что предложенный мной план рассмотрения этих проблем использован несколько ранее в статье “Общество”, опубликованной мной в “Философской энциклопедии” и тем самым апробирован в науке. Учитывая сделанные замечания и стремясь приблизить лекционный курс к нуждам социологического образования студентов, я счел необходимым в следующем учебном году (1968-69) принципиально изменить его структуру, в частности, совершенно исключил из него темы, вызвавшие упомянутые замечания. В размноженном же варианте текста я эти темы частично сохранил, поскольку они уже были прочитаны ко времени обсуждения, не вызвали возражений по существу и, кроме того, мне было важно услышать мнение специалистов о соотношении данных тем с другими частями курса. По тем же примерным соображениям в тексте “Лекций” были использованы некоторые заведомо дискуссионные положения, которые в учебном курсе были нецелесообразны и отсутствовали.

³ Решение дирекции ИКСИ “О мерах по повышению идейно-теоретического уровня материалов, публикуемых в “Информационном бюллетене” было принято 28 ноября 1969 г. (АРАН. Ф.1977. Оп.1. Д.8. Л.59-72). – *Прим.ред.*

⁴ Протокол подписан В.Я.Нейгольдбергом. – *Прим.ред.*

3. Считаю своей *ошибкой*, что я не добился предварительного обсуждения записанного текста в среде преподавателей МГУ, что, несомненно, помогло бы улучшить текст и яснее провести разграничение между научными и чисто учебными задачами в курсе основ социологических знаний. Другую очевидную *ошибку* я совершил, сославшись в предисловии на читавшийся в МГУ курс и не указав, что текст там не утверждался, а план курса вызвал критические замечания; не оговорено также, что программа позже была изменена. Тем самым я невольно дал повод возлагать на Университет известную ответственность за разосланный текст, а также судить по нему о моей нынешней преподавательской работе.

4. “Лекции”, как я и ожидал, вызвали большое число критических замечаний и пожеланий разного рода. Состоялись довольно широкие обсуждения, выявившие различные мнения. Наряду с замечаниями по дискуссионным проблемам и форме изложения мне были высказаны серьезные замечания относительно того, что текст плохо подготовлен для издания даже столь ограниченным тиражом и содержит нечеткие формулировки, малоудачные примеры и т.д. Эту критику со стороны товарищей я признаю совершенно правильной и постараюсь сделать из нее соответствующие практические выводы. В то же время в ходе указанных обсуждений я категорически возражал против неквалифицированных и необъективных оценок, основанных на произвольном толковании отдельных выражений.

5. Мне представляется, что в интересах совершенствования преподавания курса социологических знаний на ф-те журналистики в настоящих условиях было бы целесообразно: а) заслушать на компетентном заседании, возможно, с участием кафедры методики и техники соц. исследований, а также кафедры философии, мой отчет о чтении лекционного курса, отношении к сделанным в свое время критическим замечаниям, б) утвердить должным образом программу и тематику лекций на 1970-1971 уч[ебный] г[од], имея в виду укрепление связи с другими учебными предметами, в) с учетом этого – решить и вопрос о том, кому поручить чтение указанного курса в будущем учебном году. Если Ректорат и руководство ф-та журналистики признают желательным поручить эту работу, скажем, вновь созданной кафедре методики соц. исследований, я мог бы лишь приветствовать такое решение.

Левада Ю.А.

Личный архив Н.И.Лапина. Копия.

Протокол № 12 заседания партбюро ИКСИ АН СССР

9 декабря 1969 г.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: тт. Осипов Г.В., Бурлацкий Ф.М., Лапин Н.И., Нейгольдберг В.Я., Русанов Б.Ф., А.А.Галкин, В.Г.Васильев, В.В.Колбановский, Ю.А.Левада, Чаплин Б.Н., Квасов Г.Г., Воронова Н.В.

СЛУШАЛИ: Об ошибках секретаря партбюро ИКСИ Ю.А.Левады в “Лекциях по социологии”.

Чаплин Б.Н.: РК КПСС считает, что решение партбюро ИКСИ от 4 дек. 1969 г. не дало принципиальной оценки ошибок Ю.А.Левады, поэтому сегодня снова надо вернуться к этому вопросу, дать должную оценку и решить вопрос о секретаре партбюро, так как пока что есть и.о. секретаря.

Осипов Г.В.: На рассмотрении бюро важный вопрос – об ошибках секретаря партбюро, допущенных при издании его курса лекций. Этот вопрос уже обсуждался на заседаниях дирекции ССА и Совета дирекции. Сейчас необходимо принять меры в партийном порядке. Парторганизация оказывает помощь дирекции в проведении

исследовательских работ, в том числе по заданиям вышестоящих партийных органов. Многие докладные записки и труды ИКСИ получили высокую оценку. Их надо будет обсудить, обобщить положительные стороны, выявить недостатки.

Вместе с тем в отдельных случаях была ослаблена требовательность. Примером этого является “Информационный бюллетень”, № 20, 21 с “Лекциями” Ю.А.Левады. В “Лекциях” не раскрыта роль исторического и диалектического материализма как основополагающей теории и методологии марксистско-ленинской социологии; принижен классовый и партийный подход к раскрытию явлений социальной действительности; не нашли должного отражения существенные аспекты идеологической борьбы. Отсутствует глубокая критика буржуазных социологических теорий. Недостатки “Лекций” во многом обусловлены ослаблением ответственности редакционной коллегии бюллетеня. Рукопись не рецензировалась и не рассматривалась дирекцией института.

Считаю, что ответственность в значительной степени падает на меня. Рукопись готовилась в составе отдела ИКСИ. Я допустил и две ошибки: не выполнил просьбы Ю.А.Левады о прочтении рукописи и поставил гриф ИКСИ и ССА. На партбюро следует серьезно обсудить недостатки лекций и сделать вывод о повышении ответственности коммунистов за качество работ и докладных записок. Партийному бюро и партийной организации предстоит в этом отношении проделать большую работу, т.к. у нас здесь есть много недостатков.

Ю.А.Леваду следует освободить от обязанностей секретаря и вывести из состава партбюро, во изменение решения партбюро от 4 декабря. Он должен практически исправить свои ошибки, подготовить труд по критике буржуазной социологии.

В.В.Колбановского следует предупредить, как ответственного редактора “Информационного бюллетеня”, за недостаточную требовательность при подготовке “Лекций” к изданию.

Предлагаю принять к сведению инициативу дирекции и ССА по обсуждению лекций, с приглашением сотрудников АОН, ВПШ, философских кафедр вузов и др. организаций. Сейчас предусматривается систематическое обсуждение важнейших социологических работ на дирекции и Ученом Совете, Научном совете. С ростом престижа и авторитета социологической науки возрастает ответственность коллектива института за публикации методологический и методических пособий. Дирекция готовит такие труды. партбюро надо взять под постоянный контроль подготовку коллективного труда под руководством А.М.Румянцева. Следует усилить критику буржуазной социологии, т.к. усиление идеологической борьбы и недостатки в трудах по истмату заставляют молодежь некритически относиться к зарубежной литературе. К буржуазной социологии следует подходить дифференцированно – можно использовать фактические данные и методические материалы и бороться с апологетической методологией. надо рекомендовать создать специальный сектор по критике буржуазной социологии, а также серьезно заниматься этим в рамках генеральных и изыскательских проектов. В ИКСИ есть все условия для работы: помещения, кадры. партбюро следует уделять больше внимания вопросу идейно-теоретического уровня, принять специальный план. Партийной организации страны, города, района оказывают большую помощь институту. Их надежды надо оправдать. Предлагаю принять те пункты, о которых говорил.

Колбановский В.В. С меня спрос как с редактора. В книге много недостатков: мало содержательных материалов, она плохо обращена к практике, не решены многие серьезные вопросы – соотношение социологии и исторического материализма, периодизации истории социологии и роли марксистской социологии, отношения к разным сторонам буржуазной социологии. При более требовательном подходе к изданию этих недостатков можно было бы избежать. Был нарушен порядок прохождения рукописей.

Все критические замечания, сделанные в адрес редакционной коллегии, совершенно справедливы. Редколлегия должна принять развернутый план работы, усилить ее коллективный характер, рукописи должны проходить строгий отбор и контролироваться с

точки зрения идейно-теоретического уровня. признаю справедливость строгого предупреждения, который содержится в проекте решения в мой адрес.

Васильев В.Г.: Согласен с тем, что в книге много ошибок. Это урок нам, и он не прошел бесследно. Утвержден жесткий порядок прохождения рукописей. Было проведено несколько заседаний представителей дирекции со всеми сотрудниками редакционного отдела.

Лалин Н.И.: Рассматриваемый вопрос имеет две главные стороны: идейно-теоретическую и организационную. О содержательном плане лекций я говорил в выступлении на исследовательском комитете ССА. нельзя оправдать практически полное отсутствие в лекциях упоминания о принципах истмата. Субъективно это объяснялось тем, что этот вопрос решен в науке, в постановлениях партии, что он не дискуссионен. Но в изданиях в этот вопрос надо постоянно вносить полную ясность. Кроме того, масса неряшливых формулировок, допускающих двусмысленные толкования не только у людей, которые стоят на марксистских позициях, но и у тех, кто не стоит на этих позициях.

Видимо, автор уступил срочной потребности в литературе, людям, ищущим материалы по социологии, и не подготовил как следует данное издание. организационная сторона издания была слаба, и допущенные ошибки – один из результатов этого. Одной из причин являлось также то, что коллектив находится еще в периоде становления. Партбюро должно продумать ряд мер не только по бюллетеням, но и по всем сторонам жизни коллектива. Поэтому особо важен пункт о разработке плана мероприятий.

Галкин А.А. Ошибки лекций названы в проекте решения. Я согласен с этим. особо бросился мне в глаза абстрактный характер и неряшливость оформления лекций. Лучшим ответом Ю.А.Левады на критику является его будущий труд, т.к. мы знаем его как марксиста, квалифицированного ученого.

Есть и общие проблемы. Срочно необходим курс марксистской социологии. потребность в социологическом знании иначе может удовлетворяться некритическим заимствованием. Поэтому надо сосредоточиться на создании общего курса – серьезного, всестороннего труда. В этой связи надо обратиться к практике макетов перед выпуском труда в издательстве. Наше решение должно подвести черту этому неприятному эпизоду. На это решение должен опираться коллектив в своей повседневной работе.

Капелюш Я.С. Согласен с высказанным ранее. Особенно с мыслью о требованиях к социологической литературе. В работе Ю.А.Левады не всегда можно найти ответ на вопрос об интерпретации результатов. Были дискуссии о соотношении истмата и социологии. Они могли возникнуть вновь, ибо в выходящих трудах этот вопрос не рассматривается. Партбюро должно проконтролировать ход работ в проектах.

Нейгольдберг В.Я. Разбираемый вопрос чрезвычайно серьезен, и принципиальная его оценка очень важна для партийной организации и всего коллектива института. В факте выхода курса лекций проявилась беспечность самого Ю.А.Левады и отсутствие должного порядка в редакционном отделе. Ю.А.Левада не дал никому прочитать свои лекции перед изданием – ни в официальном, ни в личном порядке.

Предложенный проект решения правильно отражает основные ошибки лекций и намечает пути устранения недостатков. Высокий идейно-теоретический уровень работ института требует обеспечения квалифицированными кадрами разрабатываемых тем. Однако, как кажется, институт берет на себя больше обязательств, чем есть возможностей. Дирекции следовало бы просмотреть с этой точки зрения состояние дел во всех подразделениях института.

Русанов Б.Ф. Согласен с выступавшими и с оценкой лекций в проекте решения. Коллектив и парторганизация молодые, новые, нет традиций. Поэтому особая ответственность ложится на партийную организацию за создание хорошего, работоспособного коллектива. Вопросы организации научной работы должны быть в центре внимания. Наша партийная организация сильная, мы учтем этот большой урок, добьемся, чтобы наша продукция была на высоком идейном уровне.

Левада Ю.А. Должен повторить то, что уже говорил по этому поводу ранее. Выпущенные для обсуждения лекции оказались в центре внимания научной общественности. Публично, письменно, лично я получил массу критических замечаний. Это полезно, нормально; плохо то, что обсуждается работа, которая не годилась для публичного издания. Я в разных аудиториях выражал свое отношение к отдельным замечаниям. Всю принципиальную критику, которой подверглась работа, я признаю.

В такой широкой и острой дискуссии существуют дискуссионные и спорные моменты. Основные моменты последних сформулированы в решениях Совета, дирекции. Я признаю их справедливыми, но в них учтены не все правильные замечания. Отвечать я должен конкретной работой, в частности трудом по критике структурно-функционального анализа. Большим уроком было то обстоятельство, как на критике сказались неряшливые фразы, отсутствие связей с мировоззренческими установками. Это усугубило ход нормальной дискуссии, при любом нормально подготовленном тексте этого бы не было.

Сегодняшний вопрос – это не продолжение дирекции, а вопрос об ответственности как коммуниста и секретаря партбюро за выпуск недоброкачественной работы. Я, как секретарь бюро, не мог допускать в выходе работы, которая, благодаря грифу и моей общественной должности может бросить тень на институт и партийную организацию. В этом, прежде всего, партийная и политическая сторона тех ошибок, которые я допустил. Признаю вполне правильными пункты в сегодняшнем решении относительно лекций. Обоснованы и меры, предусмотренные в отношении меня лично. Это оценка моей безответственности. Меры позволяют более четко разграничить грань между моей деятельностью как автора и работой коллектива, парторганизации. Несу ответственность за ошибки я. Меры важны и полезны, т.к. позволяют разграничить мою ответственность за непростительные слабости, ошибки в подготовке этой работы и сами проблемы, которые требуют решения делом. Для меня, как и для всех нас, не существует проблемы работать или не работать на основе марксизма, истмата и диамата. Это надо делать в творческой работе.

Бурлацкий Ф.М. Обсуждаемый вопрос очень серьезен. Не только Ю.А.Левада, но и весь коллектив, партийная организация проходят проверку на зрелость. Печально, что эта проверка проходит на таком факте. Стоит задача – дать оценку лекциям, проекту решения и обменяться мнениями относительно выводов и уроков. Все выступавшие, в том числе Ю.А.Левада, высказывали критические замечания по отношению к лекциям. Проект решения тоже встретил поддержку. Придется еще много подумать и поработать, чтобы сделать все выводы из факта публикации и дискуссий. А.М.Румянцев и вся дирекция заняли твердую, последовательную позицию в отношении лекций. Не только Г.В.Осипов, но и я, и А.М.Румянцев несем ответственность за порядок в институте. Оценка дирекцией “Лекций” Ю.А.Левады была дана А.М.Румянцевым в выступлении на дирекции и активе института, Осиповым и мною – на дискуссии. Лекции не отражают уровня исследований в ИКСИ, не отражают позиций ИКСИ по многим принципиальным вопросам. Лекции содержат много серьезных ошибок. Надо всегда подчеркивать, что истмат всегда будет основой общей социологической теории; категории, понятия истмата должны пронизывать все наши исследования. Самое важное – классовый, партийный подход. Необходим содержательный подход к социологии, овладение всем арсеналом инструментария социологии, марксистско-ленинский подход к анализу действительности. Требования партийности особенно остро должны предъявляться к конкретным социальным исследованиям, т.к. мы даем ориентировку практике. Институт получил ряд заданий в порядке подготовки к XXIV съезду партии. Это – важнейшая задача. К столетию со дня рождения В.И.Ленина уже подготовлены около 10 выпусков бюллетеней, их надо снова тщательно посмотреть перед изданием.

Первый урок – принципиальный. Каждое исследование должно быть пронизано марксистско-ленинским духом и исходить из задач партии на данном этапе. Будем тщательно рассматривать все материалы к социологическому конгрессу. Организационный период заканчивается, нам надо решительно улучшить всю организационную работу на всех уровнях.

Второй вывод – воспитательная работа в коллективе. Надо провести большую работу по разъяснению сегодняшнего решения в коллективе. Важность проблем, которые мы исследуем, заставляет со всей ответственностью подходить к нашей работе. Необходимо развивать коллегиальность и персональную ответственность в работе. Дирекция предпримет ряд мер в этом направлении. Наш коллектив, партийная организация и дирекция сделают все необходимые выводы из обсуждаемого факта, чтобы ответить делом на большое доверие ЦК, создавшего наш институт.

Чаплин Б.Н. ИКСИ пришел в район недавно. Институт нужный, важный, сейчас только начало его пути. Традиции и основы института, парторганизации надо формировать с ответственностью. Партбюро прежде всего надо воспитывать высокую партийную ответственность. Классовый, партийный подход должен пронизывать всю работу. Надо быть смелее, непримиримее к недостаткам, к буржуазной идеологии.

При обсуждении ошибок Ю.А.Левады мы исходили из того, что он марксист, советский ученый, допустивший поспешность, безответственность. Но в лекциях много сомнительного, особенно если не знать автора. Не должно быть в трудах неясностей, ошибок, книги должны воспитывать читателей, особенно молодежь. Недостаточно учитываем методы, обстановку, идеологическую борьбу. Можно было бы критиковать Ю.А.Леваду поострее. Надо развивать остроту критики, нелицеприятно выступать в борьбе за марксистскую идеологию.

ПОСТАНОВИЛИ: принять решение партбюро “Об ошибках секретаря партбюро ИКСИ Ю.А.Левады в “Лекциях по социологии” – с учетом обсуждения этого вопроса на сегодняшнем заседании. (Текст решения прилагается).

Секретарь партбюро
ИКСИ АН СССР

Н.И.Лапин⁵

ЦГАОДМ Ф.3323. Оп.1.Д.1. Л.78-84. Подлинник.

**Решение партийного бюро ИКСИ АН СССР
об ошибках секретаря партбюро ИКСИ Ю.А.Левады в “Лекциях по социологии”
9 декабря 1969 г.**

Партийное бюро отмечает, что коммунисты Института проделали определенную работу по развитию марксистско-ленинской социологической теории, разработке отдельных проблем коммунистического строительства, критике буржуазной социологии. Институтом подготовлены для директивных органов докладные записки по проблемам социальных аспектов экономической реформы, записка о социальных последствиях научно-технической революции, о рациональном использовании рабочего и вне рабочего времени партийным активом г. Москвы, о путях повышения идеологической работы и ряд других, получивших положительную оценку.

Коммунисты Института за последнее время подготовили и выпустили ряд книг, положительно встреченных научной общественностью. Налаживается плодотворное сотрудничество с социологами-марксистами братских социалистических стран. Вышел в свет совместный советско-польский труд “Социальные проблемы труда и производства”. Достигнуты определенные успехи в пропаганде марксистско-ленинской социологии за рубежом (выпущены два тома работ советских социологов в Англии, три сборника – в Японии).

Партийное бюро совместно с дирекцией мобилизует коммунистов и весь коллектив Института на выполнение решений директивных органов по созданию Институтом работ по

⁵ Протокол подписан В.Я.Нейгольдбергом. – *Прим.ред.*

методике и теории социального планирования, социальным проблемам управления, налаживанию систематических опросов общественного мнения страны по актуальным социальным и политическим проблемам. Коммунисты Института ведут исследовательскую работу по непосредственным заданиям отделов ЦК КПСС, МК и МГК КПСС и ЦК ВЛКСМ.

Партийная организация Института уделяла внимание вопросам повышения идейно-теоретического уровня научных трудов сотрудников Института. Под контролем партийного бюро в плане подготовки к столетию со дня рождения В.И.Ленина готовится издание выпусков “В.И.Ленин и социология” и другие. На партийном бюро и партийных собраниях рассматривались вопросы качества печатных трудов Института, повышения идейного и профессионального уровня кадров и т.д. Партийное бюро повседневно направляло пропагандистскую работу коммунистов Института. Их силами велись и ведутся циклы лекций по марксистско-ленинской социологии для партийно-хозяйственного актива Московской области, слушателей вечернего университета марксизма-ленинизма при МГК КПСС, читаются лекции и ведутся семинары на предприятиях и в учреждениях Москвы и других городов.

Вместе с тем партийное бюро констатирует, что в отдельных случаях была ослаблена требовательность к идейно-теоретическому уровню при подготовке публикаций, результатом чего явилось издание “Информационного бюллетеня” (№№ 20, 21) с текстом “Лекций по социологии” Ю.А.Левады, содержащих существенные ошибки.

В “Лекциях” не раскрыта роль исторического и диалектического материализма как основополагающей теории и методологии марксистско-ленинской социологии; принижен классовый и партийный подход к раскрытию явлений социальной действительности; отсутствует содержательный анализ ряда процессов и явлений общественной жизни, свойственный марксистско-ленинской науке; недостаточно освящена роль классов и классовой борьбы как решающей силы развития общества.

В “Лекциях” не нашли должного отражения существенные аспекты идеологической борьбы. Отсутствует глубокая критика буржуазных социологических теорий; отдельные места книги, написанной в абстрактном духе, оказались фактически оторванными от практики коммунистического строительства. Имеются незрелые, ошибочные формулировки, дающие повод для неправильного понимания важных политических вопросов.

Автор не проявил должной политической ответственности при подготовке к изданию работы, имеющей важное идейное и общественное значение.

Недостатки “Лекций” во многом обусловлены недопустимым ослаблением ответственности редакционной коллегии бюллетеня. Издание было подготовлено на основании неполной стенограммы лекций, прочитанных автором в 1967 г. для студентов, и не связано с его работой в ИКСИ. Редколлегия бюллетеня “Лекций” не обсуждала, рукопись “Лекций” не рецензировалась и не рассматривалась дирекцией Института. Без необходимых оснований был поставлен гриф Института. Рукопись к печати была подготовлена неудовлетворительно.

Партийное бюро постановляет:

1. В связи с допущенными принципиальными ошибками в изданных “Лекциях по социологии”, во исполнение решения партийного бюро от 4 декабря с.г. освободить Ю.А.Леваду от обязанностей секретаря партийного бюро Института и вывести из состава партбюро.

Принять к сведению заявление коммуниста Ю.А.Левады о том, что он целиком и полностью признает принципиальную критику, которой были подвергнуты его “Лекции”, и обязуется сделать из нее необходимые выводы в своей практической работе, в частности, при завершении труда по критике буржуазной социологии в области структурно-функционального анализа.

2. Секретарем партбюро ИКСИ избрать тов. Лапина Н.И.

3. Строго предупредить ответственного редактора “Информационного бюллетеня” коммуниста В.В.Колбановского за недопустимое снижение требовательности при подготовке рукописи “Лекций” к изданию.

4. Принять к сведению то обстоятельство, что дирекция ИКСИ и Советская социологическая ассоциация, обратив внимание на существенные недостатки в данной публикации, проявила инициативу по организации обсуждения лекций специалистами и приняла ряд мер для повышения идейно-теоретического уровня “Информационного бюллетеня” и усиления контроля за его изданием.

Принять к сведению решение Дирекции от 28 ноября с.г., предусматривающее повышение качества печатных трудов по важнейшим проблемам марксистско-ленинской социологии, издания учебно-методических пособий и материалов, систематического обсуждения наиболее важных работ.

Считать важной задачей коммунистов авторского коллектива работу над подготовкой труда по основам марксистско-ленинской социологии под редакцией А.М.Румянцева.

5. Рекомендовать дирекции ИКСИ создать в Институте специальное подразделение по критике буржуазных социологической и социально-политической теорий. Предложить коммунистам-сотрудникам генеральных и изыскательских проектов уделять в своей работе особое внимание разоблачению реакционных концепций современной буржуазной социологии.

6. До 30 декабря с.г. разработать и утвердить на заседании партбюро план мероприятий по повышению идейно-теоретического уровня работы коллектива Института.

Секретарь партбюро Н.И.Лапин⁶

ЦГАОДМ. Ф.3323. Оп.1. Д.1. Л.85-89. Подлинник.

**Из протокола № 13
заседания партбюро ИКСИ АН СССР
16 декабря 1969 г.**

<...> 5.Слушали: Об информировании партгрупп о решении партбюро от 9.12.69 г.

Галкин А.А. (в группах, где парторганами Г.С.Лисичкин и В.И.Козлов). Вопросов было много, много выступлений. Сидоров, Амбарцумов и другие говорили жестко – против решения партбюро, что партбюро отошло от принципиальных позиций. Считают, что институт должен занять твердую позицию в важнейших вопросах социологии.

Нейгольдберг В.Я. Присутствовал в четырех партгруппах. выступавшие говорили, что в решении ничего не сказано о положительной деятельности Ю.А.Левады как ученого. Почему? Особенно сложно было в секторе Б.А.Грушина и проекте Ю.А.Левады.

Постановили: заслушанную информацию принять к сведению и учесть при подготовке к партийному собранию.

ЦГАОДМ. Ф.3323. Оп.1. Д.1. Л.91. Подлинник.

Записка⁷ в ЦК КПСС Первого секретаря МГК КПСС В.В.Гришина об ошибках, допущенных в курсе лекций по социологии, прочитанных Ю.А.Левадой

⁶ Протокол подписан В.Я.Нейгольдбергом. – *Прим.ред.*

⁷ Записка была представлена на заседание Секретариата ЦК КПСС 7 апреля 1970 г. в порядке информации, после поручения, данного 10 февраля 1970 (221 с). Вопрос был снят. “Основание снятия. На заседании

4 апреля 1970 г.

МГК КПСС считает необходимым информировать о том, что в курсе лекций по социологии, прочитанном в 1967-68 учебном году на факультете журналистики МГУ заведующим сектором Института конкретных социальных исследований АН СССР, доктором философских наук Левадой Ю.А. (директор института академик Румянцев А.М.) были допущены серьезные ошибки идейно-теоретического характера.

Указанный курс по рекомендации парткома МГУ обсуждался на кафедре философии гуманитарных факультетов и был подвергнут серьезной критике. Однако т. Левада не только не внес необходимых исправлений и продолжал читать лекции по не переработанному курсу, но и в марте-мае 1969 г. опубликовал их на ротاپринте в Информационном бюллетене №№ 20-21 (серия “Методические пособия”, тираж около 1000 экз.) Института конкретных социальных исследований, Советской социологической ассоциации и Научного совета по проблемам конкретных социальных исследований.

Редколлегия Информационного бюллетеня (главный редактор коммунист Колбановский В.В.) приняла лекции к опубликованию без рецензирования, обсуждения и рекомендации дирекции института.

В опубликованном курсе лекций по-прежнему содержатся серьезные ошибки. Лекции не базируются на основополагающей теории и методологии марксистско-ленинской социологии – историческом и диалектическом материализме. В них отсутствуют классовый, партийный подход к раскрытию явлений социальной действительности, не освещается роль классов и классовой борьбы как решающей силы развития общества, не нашли должного отражения существенные аспекты идеологической борьбы, отсутствует критика буржуазных социологических теорий. Материал курса изложен абстрактно, в отрыве от практики коммунистического строительства. Имеются незрелые, ошибочные формулировки, дающие повод для двусмысленного толкования важных политических вопросов.

Опубликованный курс лекций обсужден в Академии общественных наук при ЦК КПСС и в Институте конкретных социальных исследований АН СССР и подвергнут всесторонней критике.

По поручению МГК КПСС вопрос об издании данного курса рассмотрен в партийной организации института и на бюро Черемушкинского РК КПСС. За чтение и опубликование курса лекций, содержащего серьезные идейно-теоретические ошибки доктор философских наук коммунист Левада Ю.А. освобожден от обязанностей секретаря партийной организации Института конкретных социальных исследований АН СССР, выведен из состава партийного бюро. Бюро РК КПСС объявило ему строгий выговор с занесением в учетную карточку.

Главному редактору Информационного бюллетеня коммунисту Колбановскому В.В. за грубое нарушение правил издания рукописей объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку.

Тов. Левада Ю.А. освобожден от работы по совместительству в Московском государственном университете и лишен звания профессора.

МГК КПСС и Черемушкинский райком партии обратил внимание дирекции и партийного бюро Института конкретных социальных исследований АН СССР на отсутствие должного контроля за идейно-теоретическим содержанием публикуемых материалов и потребовали усиления работы по воспитанию у коммунистов и всех научных сотрудников в духе высокой ответственности за чистоту марксистско-ленинской теории и соблюдение партийных принципов развития социологической науки.

В.Гришин

ЦХСД. Ф.5. Оп.62. Д.67. Л.16-17. Подлинник.

**Протокол
заседания сектора “Методология исследования
социальных изменений”**

7 октября 1971 г.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: (список прилагается)
с участием представителей дирекции ИКСИ Г.В.Осипова и Д.Д.Райковой
Повестка дня (прилагается)

СЛУШАЛИ: 1. Сообщение зав. сектором Ю.А.Левады о работе.

Левада Ю.А. В секторе работает 13 человек и один сотрудник на общественных началах. Есть аспиранты.

Перед сектором была поставлена задача разработать [заявку] в качестве изыскательского, а затем генерального проекта “Методология исследования социальных процессов”. В ходе работы над темой были подготовлены заявки, утвержденные Дирекцией.

В секторе три группы: 1) теоретико-методологическая; 2) культурологическая; 3) логико-методологическая.

(Знакомство с сотрудниками каждой группы)

Как идет работа?

“Структурный функционализм” – книга. Работа над этой книгой ведется последние 2 года. Утверждена программа книги, есть проспект распределения работ, часть материалов подготовлена.

Мы несколько опаздываем с этой работой. По годовому плану должны представить ее в III квартале 1971 года. По планам, которые сейчас реализуются, мы опаздываем на I квартал. Это связано с задержками в моей личной работе, с усложнением проблемы. Работа будет готова к концу 1971 года (в качестве текста). По первоначальному плану предполагалось издать ее ротопринтным способом; сейчас нужно, очевидно, сделать заявку в издательство “Наука”. На наш взгляд, это будет наиболее интересная работа на эту тему. Мы рассматриваем ее в качестве необходимого переходного этапа к решению основной темы генерального проекта.

Большая часть наших методологических семинаров до сих пор была связана с разработкой структурно-функциональных проблем. На эту тему были проведены две конференции – по идеальным типам и аномии. Предполагается проведение еще одной конференции.

Некоторая сложность с подсобными материалами. По плану, утвержденному Дирекцией ИКСИ, тема решается при издании переводных материалов. Две книги были изданы в давние времена. Третий выпуск лежит на складе и, несмотря на указания, мы до сих пор этого выпуска не имеем. Подготовлены еще три дополнительных выпуска.

Следующая работа – “Логика и конкретные социологические исследования”. Работа утверждена в Дирекции и объявлена в издательстве “Наука”. Сейчас возникли осложнения в части издания ее в “Науке”. Это Дирекции известно. Должен сказать, что работа эта серьезная, в ней принимали участие видные специалисты, следовало бы ее побыстрее издать.

О работах группы культурологии. Группа работает в тесном контакте с социологами искусства (Ю.Давыдов), сотрудничает со специалистами в этой области в Москве и за ее пределами. Достигнута договоренность об издании ряда работ типа критики социокультурных теорий, распространенных в капиталистическом мире. Подготовлен сборник, критикующий теорию Вебера; идет работа над подготовкой сборника, посвященного теории Леви-Стросса. Имеется договоренность об ежегодном издании работ “Социальные проблемы культуры” (условное название). Первый выпуск уже подготовлен при активном участии нашей культурологической группы (заслуга Т.Дридзе). Кроме того,

выполнялись отдельные задания. Важное место в жизни сектора – методологический семинар общий и культурологический. В ближайшее время начнет работать логико-методологический семинар. В работе сектора имелись и позитивные и негативные моменты. В частности, иногда недостаточно уделялось внимания собственным проблемам сектора. В настоящее время реже работает семинар, он больше концентрируется на обсуждении проблем, связанных с планом работы сектора.

Вот, пожалуй, и все.

Дальше выступили: Седов, Дридзе.

Осипов Г.В.: Как вы мыслите завершить работы над проектом?

Левада Ю.А.: Совершенно ясно, что сектор не создавался для одной проблемы, ограниченной во времени. По существу, речь идет о разработке определенных кусков большого направления “Методологическая мысль в области социологии”. Это направление не исчерпывается рамками времени – функционализмом, скажем, или структурализмом. Под это перспективное направление мы готовили для себя людей (двух поколений), которые смогут работать в области методологии. Эта закладка более далекая, чем ограниченный во времени проект. Пока мы думали, что это пятилетие будет заполнено не только конечным продуктом, но и промежуточными.

Райкова Д.Д.: Против формы – “генеральный проект” – у вас нет возражений?

Левада Ю.А.: Я считаю, что направление, кадры, научные традиции не могут быть временными и обрываться каждые 5-10 лет, пока наука себя не исчерпает в рамках того или иного направления. Принимаются планы на 1, 2, 3 года и пять лет. Их можно называть проектами, можно не называть – от этого мы ничего не приобретаем и ничего не теряем.

Райкова Д.Д.: Я должна сказать, что объем [работы] большой, разнообразие аспектов тоже большое. Я отдаю должное той работе, которая была проделана, но моя роль обязывает сказать и следующее. Как лицо, призванное контролировать исполнение государственных планов, я должна констатировать, что план выполняется недостаточно, не в полном объеме. Здесь уже и недостатки планирования сказываются, и недостатки контроля. Я готова разделить вину с зав. сектором и в дальнейшем больше внимания уделять всем этим вопросам. Вместе с тем я не хотела бы начинать дискуссии, что называть проектом и что не называть. Мне кажется, что смысл проекта в объединении всех направлений, которые существуют. На мой взгляд, завершение работы над проектом не следует откладывать надолго. Как я поняла, завершение работы над проектом не планируется. Нужно составить программу работы над проектом таким образом, чтобы она отвечала на вопрос, что ждет сектор в будущем.

Осипов Г.В.: Я думаю, что форма, к которой мы прибегли (совместное проведение заседаний секторов), будет практиковаться, может быть менее формализовано.

Я с большим удовольствием заслушал выступление зав. сектором Ю.А.Левады и других товарищей. Действительно, в секторе работает группа энтузиастов, которые любят свое дело и которые во главе с Ю.А.Левадой и другими товарищами явились основоположниками и пионерами этого теоретико-методологического направления в социологии, которого ранее не существовало и которое сейчас создается по крохам, очень трудно и порой в очень неблагоприятных условиях. Дирекция и партийное бюро Института ценят работу сектора, ценят те усилия, которые вкладывает в разработку этих проблем Ю.А.Левада. В дальнейшем сектору будет оказываться всевозможная помощь. По мере выхода трудов и реализации программы сектор будет преобразован в Отдел и тогда можно будет претендовать на кадры и т.д. В настоящее время в отношении кадрового состава этот сектор наибольший (после Грушина Б.А.).

Сделано в секторе очень много, и главная заслуга Ю.А.Левады и партийной организации сектора в том, что сотрудники сектора, довольно-таки молодые, научились работать и достигли определенной степени зрелости, многие уже вышли на самостоятельную работу. В секторе есть серьезные ученые. К сожалению, мы такой оценки не можем дать 70-80% секторам нашего института.

Мне приятно присутствовать на заседании вашего сектора и видеть рост людей. Я думаю, что это и есть завершение первого этапа работы сектора – становление, укрепление, формирование. Он стал боеспособной единицей, и сейчас уже к нему можно предъявлять серьезные требования и серьезные претензии.

К сожалению, я должен сделать в адрес сектора несколько серьезных упреков:

1) Это касается затяжки работы по выполнению задания Дирекции – подготовка книги по критике структурного функционализма. Вопрос о подготовке этой книги стал принципиальным вопросом. Чем быстрее мы его решим, тем быстрее снимем его с повестки дня. Затяжка с этой книгой – большой минус работы сектора. Я бы настаивал, чтобы в декабре месяце работа над книгой была завершена. Книгу следует включить в план издания “Науки” на 1973 год. Быстро оформить дополнительную заявку.

Я еще раз хочу подчеркнуть, что это принципиальный вопрос, который ставится перед Институтом другими инстанциями.

2) Я согласен целиком с Д.Д.Райковой, что сектор должен завершить работу над программой. Эта программа должна утверждаться как программа генерального проекта. Понятия “генеральный” и “изыскательский” проект могут быть условными. Речь идет о логически связанной, единой программе выполнения, которая предполагает издание трех-четырёх томов трудов, посвященных одной проблеме. Всеми проблемами ваш отдел не может заниматься. Ю.А.Левада пошел по правильному пути в установлении контактов с другими институтами, другими подразделениями. Сектор должен работать над одной проблемой “Методология исследований социальных процессов”. Изыскательский проект утвержден. Но на этой промежуточной стадии планировалось: подготовка работ, подготовка некоторых записок, разработки системы индикаторов, связь с другими секторами. Этого ничего не было сделано. Наблюдается некоторая диспропорция, которая сводится к следующему: то, что написано в заявке – это выполнено меньше; то, что проводилось собственно сектором – больше.

Я просил бы при написании отчета о работе за III квартал исходить из следующего: очень ясно написать, что сделано в соответствии с календарным планом и заявкой; что проводилось сектором сверх изыскательского проекта, в порядке полезной самодеятельности.

В отношении книги “Логика и конкретные социальные исследования”. Я приветствую издание этой работы. Нужно исправить ошибку, которая произошла. Работа будет включена в план издания, и на ближайшем Ученом совете мы ее рассмотрим.

По известным причинам задержана рассылка III сборника по “структурно-функциональному анализу”. Что касается сотрудников сектора, им можно выдать по 2-3 экземпляра. В отношении остальных выпусков мы подождем до того, как будут подведены на Ученом совете итоги работы Комиссии по ИКСИ. Что касается IV, V и VI выпусков, я думаю, что их нужно включить в план и как можно скорее издать (может быть, издать для служебного пользования).

Просьба к руководству сектора: неплохо было бы, если бы мы издали сборник по семиотическим и культурологическим методам, включив туда все то, что есть, и переработки тех статей, которые не совсем хорошо известны нашей научной общественности. С другой стороны, сейчас в Советской социологической ассоциации есть ежеквартальник “Социальные исследования”. Сектору можно будет дать листов 14 для заполнения ежеквартальника своим материалом.

Замечания к сектору следующего порядка:

а) чтобы сектор оказывал помощь другим секторам и отделам Института, согласно программе.

Постольку поскольку в секторе имеются специалисты, которые занимаются историей социологии, я просил бы Ю.А.Леваду совместно с другими учеными продумать вопрос об участии сектора в серьезном издании по истории социологии, которое готовит И.С.Кон. Я думаю, что этот вопрос мы обсудим дополнительно.

Как я понял из выступления Ю.А.Левады и других сотрудников сектора, никаких особых претензий в адрес Дирекции со стороны сектора нет. Дирекция будет оказывать всемерную помощь сектору. Сектор должен работать над решением единой программы.

Левада Ю.А.: Я очень рад, что мы собрались сегодня на заседание сектора вместе с руководством, курирующим нас. Были принципиальные замечания, которые надо реализовать. Поскольку сегодня не шла речь о всех сторонах работы сектора, я говорил не обо всем, над чем работает сектор. Я не сказал о материалах служебного пользования, которые выполнены сотрудниками нашего сектора (Стрельцов и Голов). Не говорил о контактах, которые у нас имеются с отделами социальной организации, истории социологии, общественного мнения, социологии искусств и политической системы. С этими отделами и секторами проводились совместные обсуждения, обменивались докладчиками, идеями и т.д. Я не говорил о претензиях: о кадрах, об определении на работу аспирантов. Несмотря на ту малость людей, которые могут работать в нашей области, иногда люди “теряются”. В прошлом году мы не смогли оставить Голова.

Вот, пожалуй, и все.

Зав. сектором “Методология исследования
социальных процессов” Ю.А.Левада
Секретарь Л.Д.Гудков
Архив семинара Ю.А.Левады. Подлинник.

Публикация подготовлена Мариной Пугачевой